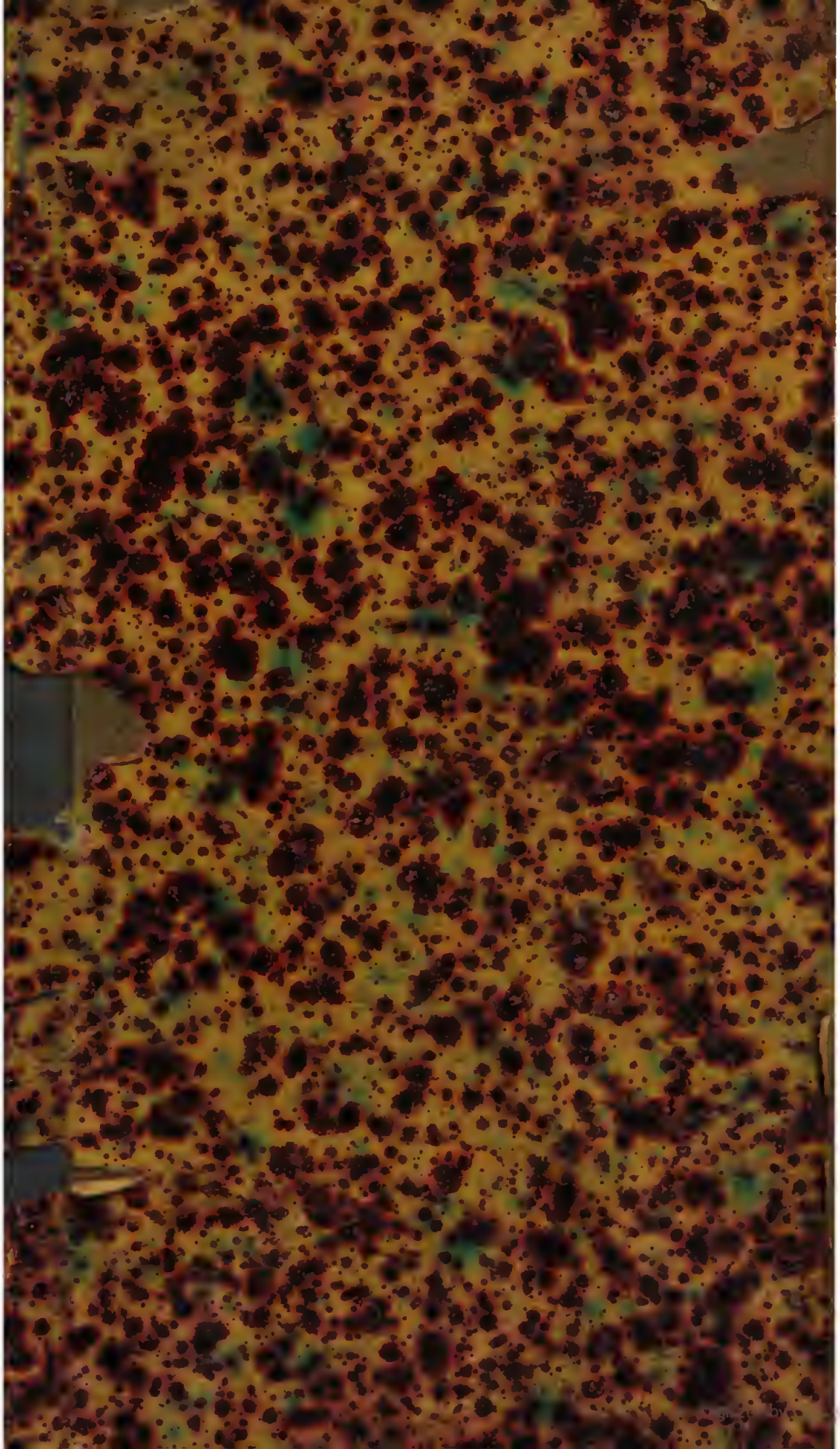
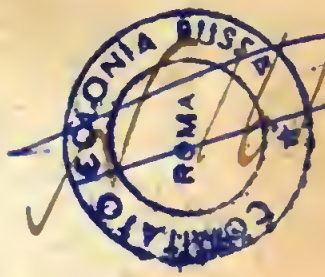


Digitized by Google

K 56B
10


COMITATO ECCLESIA RUSSA
ROMA

COMITATO ECCLESIA RUSSA
ROMA

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
ROMA
GOGOL
B
3354 /5,10

Digitized by Google

К 56 Л 1

ЗАПИСКИ
Г. БУРІЕННА.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

О

НАПОЛЕОНѢ,

ДИРЕКТОРІИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРІИ И ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БУРБОНОВЪ.

Перевелъ съ Французскаго

С. ДЕ ШАПЛЕТЪ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ЧАСТЬ X.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1836.

Gogol B 3354/5.10

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра С. Петербургъ 17 Марта 1836 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II - ROMA
DEPOSITO PERMANENTE
BUC0350811
5.10 BUC0350830

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Вельможи Имперіи.—Люди Франціи и люди Наполеона.—Дѣти Имперіи.—Важное различіе.— Уподобленіе армейскихъ съ гражданскими.—Мои желанія и мое содѣйствіе.—Бурбоны незнакомы новому поколѣнію.— Желаніе перемѣны — Совѣтъ регенства.— Вліяніе Императорской воли.— Слова значительнаго члена Совѣта.—Записка Камбасереса.— Отъѣздъ и возвращеніе Г. Талейрана.— Мое посѣщеніе Г. Талейрану и Савари тридцатаго Марта.— Преданность Савари.—Мармонъ и Мортье принуждены отступить къ Парижу.—Парижъ пробуждается отъ пушечныхъ выстрѣловъ.— Іосифъ, полномочіе договариваться и побѣгъ.—Вечеръ тридцатаго Марта.—Засѣданіе у Мармона.— Желаніе капитуляціи.—Вліяніе Гг. Перрего и Лафитта.—Торжество любви къ отечеству.—Императорскій Адъютантъ —Мои замѣчанія одобрены.

Вельможи Имперіи и первые подданные Наполеона, раздѣлялись на два класса, очень отличные одинъ отъ другаго. Правда оба были

покорены одному игу, во время самой блестящей его славы, повиновались ему съ какимъ-то восторгомъ: были велики, когда онъ имъ покровительствовалъ и мѣшались съ толпою, если онъ лишалъ ихъ своего покровительства. Въ этомъ только положеніе ихъ было одинаково; но между этими покровительствуемыми людьми, многіе были первыми покровителями Бонапарте, способствуя ему въдостиженіи консульской власти, и таковы были его старые пріятели, старые сослуживцы. Другіе, которыхъ мнѣ бы хотѣлось назвать дѣтьми Имперіи, не могли возносить своихъ мыслей къ той эпохѣ, которой они не знали; они видѣли только Наполеона и Имперію; сфера ихъ идей не простиралась далѣе, тогда какъ у ихъ старыхъ сослуживцевъ еще было въ памяти, существованіе отечества, однимъ словомъ Франція, прежде чѣмъ они способствовали дать ей властелина. Для этихъ Франція не заключалась въ тѣсныхъ границахъ Императорской главной квартиры; она находилась между Рейномъ, Альпами, Пиренейскими горами и двумя морями.

Съ другой стороны пламенная и отважная молодежъ, приводимая въ восторгъ при голосѣ Наполеона, бросилась изъ школъ въ лагери, и вдругъ возмужала въ глазахъ человѣка, котораго, казалось, имъ послала судьба. Эта жадная славы, почестей и богатства, молодежъ, видѣла

даже въ бѣдствіяхъ войны благопріятные случаи къ своему возвышенію; отъ этого раждалось ея необузданное честолюбіе, слѣпая преданность къ особѣ одного человѣка, явная воля противиться ниспроверженію Наполеона, потому, что вмѣстѣ съ его могуществомъ долженствовали исчезнуть эти мечты о славѣ и богатствѣ, которыми Императоръ плѣнилъ воображеніе молодежи. Люди, принадлежащіе къ этому классу, которыхъ я назвалъ дѣтьми Имперіи, захотѣли бы пуститься на все, подвергнуть все опасности, чтобы продлить политическую жизнь ихъ Императора. По счастію, тѣ, кто нѣкогда проливали кровь свою на столькихъ поляхъ сраженія, прежде даже славы Генерала Бонапарте, или же въ его глазахъ и будучи руководимы его примѣромъ, не вѣрили, чтобы одного человѣка, каковъ бы нибылъ его геній, должно было предпочитать Франціи, они отступали только предъ опасностями войны народной, а она могла бы сдѣлаться важною въ то время, когда Бордо объявилъ себя за Герцога Ангулемскаго, прежде, чѣмъ даже узналъ что-либо о происшествіяхъ, случившихся въ послѣднюю половину Марта мѣсяца въ сосѣдствѣ столицы.

Различіе, которое я поставляю между людьми Франціи и людьми Имперіи, неограничивалось арміею; оно было столь же разительно

между высшими чинами гражданской службы. Старые республиканцы, которыхъ достоинства и прежнія заслуги призвали въ Государственный Совѣтъ, правда, что допустили соблазнить себя прелестями роскоши, но все они не могли взирать на Наполеона тѣми же глазами, какими смотрѣли на него тѣ, которыхъ высокая степень родилась вмѣстѣ съ возвышеніемъ Наполеона, и члены собраній, бывшихъ до восьмнадцатаго брюмера, не могли имѣть тѣхъ же мыслей, какъ тѣ, которые могли быть знакомы съ народными преимуществами и общественною свободою, только потому, что засѣдали въ Государственномъ Совѣтѣ.

Я не думаю, чтобы это различіе, между людьми двухъ эпохъ, прикованными къ одной колесницѣ, кому нибудь представилось, по крайней мѣрѣ мнѣ ни отъ кого объ этомъ неслучилось слышать; но я могу увѣрить, что оно меня поражало давно, и что съ той самой эпохи, о которой я говорю, оно способствовало мнѣ къ истолкованію поступковъ людей высшаго званія при событіяхъ въ концѣ Марта 1814. Я самъ, не хочу таиться, убѣжденный столькими доказательствами въ томъ, что паденіе Наполеона неизбѣжно, думалъ, что первая обязанность гражданина есть къ отечеству; всѣ мои мысли, всѣ мои желанія обратились къ основанію мудраго правительства, которое

бы могло обѣщать прочное существованiе. Можетъ быть даже нѣкоторыя съ моей стороны заслуги способствовали исполненiю этихъ желанiй; и такъ какъ я никогда не боюсь говорить правду, даже въ томъ, что касается до меня, и даже тогда, когда мнѣ пришлось бы навлечь на себя порицанiе со стороры нѣкоторыхъ людей, то я прибавлю съ откровенностью, что испытывая мои мысли, нахожу, что поступки Наполеона со мною впродолженiи четырехъ послѣднихъ годовъ его владычества, не были чужды скорой моей покорности тому правительству, которое за его правительствомъ послѣдовало, какъ-то скоро увидятъ; но я объявляю съ тою же искренностью, и съ тою же истинною что эта причина была не одна, и не самая сильная. Я слышалъ стенанiя народовъ; я видѣлъ картину разоренныхъ городовъ, опустошенныхъ деревень; я видѣлъ вторженiе непрiятелей во Францiю, что иноземцы угрожали столицѣ, и въ такомъ положенiи вещей, можетъ статься мнѣ позволено было видѣть безъ сожалѣнiя, паденiе того правительства, о не учрежденiи котораго во Францiи я столько упрашивалъ Бонапарте, когда пользуясь его довѣренностью, я считалъ, что обязанъ ему истиною.

Эти объясненiя показались мнѣ необходимыми прежде, чѣмъ стану разсказывать про то,

что я видѣлъ въ Парижѣ, и узналъ тамъ по моимъ большимъ связямъ въ послѣднія числа Марта и тридцатаго и тридцать перваго чиселъ. Надобно было видѣть Парижъ въ эту эпоху, чтобы имѣть понятіе о страстяхъ, которыя тамъ волновались то за Наполеона, то противъ него, тогда какъ имени Бурбоновъ еще и не произносили; они были почти неизвѣстны новому поколѣнію, забыты многими; ихъ опасались старые члены конвента; они тогда, по правдѣ имѣли только слабую подпору въ бесѣдахъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія и въ нѣсколькихъ остаткахъ эмигрантовъ; но надобно сказать правду, что эмигранты ничего не могли сдѣлать, кромѣ напрасныхъ доказательствъ и желаній, которыя немогли возвратить старинную фамилію нашихъ Королей; а потому можно утвердительно сказать, что эмигранты очень мало способствовали возвращенію Бурбоновъ. Одно мнѣ кажется не требующимъ доказательствъ, а именно: что эмигранты своими дурачествами и безразсудными требованіями, сдѣлали возможными на другой годъ возвращеніе Бонапарте и новое насильственное изгнаніе Лудовика XVIII. Въ публикѣ желали перемѣны, какъ-то увидятъ далѣе; знали то, чего болѣе не хотѣли, а того еще не знали чего хотѣли. Однакоже я все думалъ, что присутствіе Маріи Луизы въ Парижѣ дало бы поводъ къ боль-

шимъ затрудненіямъ, которые уничтожены однимъ ея отъѣздомъ.

Отъѣздъ этотъ послѣдовалъ не безъ предварительнаго спора. Двадцать восьмаго Марта созванъ чрезвычайный Совѣтъ Регенства и онъ собрался подъ предсѣдательствомъ Маріи Луизы: его составляли высшіе чины Имперіи, Государственные Министры и Статсъ-Секретари. Въ немъ разбирали вопросъ, оставаться ли Императрицѣ въ Парижѣ, или ѣхать въ Блоа. Іосифъ Бонапарте сильно настаивалъ на счетъ отъѣзда, ссылаясь на содержащіеся въ письмѣ Императора приказанія, въ письмѣ, о которомъ я говорилъ выше, когда я хотѣлъ доказать, по случаю смерти Герцога Энгейнскаго, что никто не осмѣливался нарушать Наполеоновыхъ приказаній. Въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ приказывалъ въ этомъ письмѣ, что если Парижу будетъ угрожать опасность, то регенствующая Императрица и весь совѣтъ регенства, отправлялись бы въ Блоа. Я зналъ въ тотъ же самый вечеръ до самомалѣйшихъ подробностей о томъ, что происходило въ этомъ собраніи; я узналъ, что Архиканцлеръ поддерживалъ мнѣніе Іосифа, и что даже большинство голосовъ было на ихъ сторонѣ. Я узналъ также, что одинъ изъ членовъ, наиболѣе имѣвшій въ Совѣтѣ вліянія, по важнымъ исправляемымъ имъ должностямъ, человѣкъ одаренный здравымъ и пря-

мымъ умомъ, сказалъ Іосифу: «Государь, у меня есть копія съ письма, на которое Ваше «Величество ссылаетесь; оно было писано совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ то, «которое теперь представляется; я думаю, что «пользы Императора, Императрицы, Римскаго «Короля и Франціи требуютъ, чтобы регенствующая Императрица оставалась въ Парижѣ. «Невозможно, чтобы ея присутствіе не послужило нѣкоторымъ образомъ охранною стражею столицѣ; больше всего невозможно, чтобы Императрица не исходатайствовала отъ Императора своего родителя и отъ союзныхъ «Монарховъ выгоднѣйшихъ условій, чѣмъ когда «она будетъ въ пятидесяти миляхъ отъ Парижа.»

Таже особа, объяснивъ, какъ видѣли, настоящій смыслъ Императорскаго письма, склонила къ своему мнѣнію многихъ Членовъ Совѣта регенства, которые прежде были того мнѣнія, чтобы Императрицѣ ѣхать. Начавъ опять рѣчь, она въ особенности настаивала на томъ, что если Марія Луиза уѣдетъ изъ Парижа, то ей невозможно будетъ получить выгодныхъ условій, не только отъ своего родителя, но и отъ Императора Александра, который былъ душею союза. Она хотѣла, чтобы Марія Луиза, подражая примѣру бабки своей Маріи Терезіи, взяла на руки своего сына и представила его Па-

рижскимъ жителямъ. Такой поступокъ, по мнѣнію этой особы, могъ бы дать большое движеніе народному энтузіазму, и долженствовалъ вооружить всѣхъ жителей столицы на защиту ихъ города. Эти горячія замѣчанія, можетъ быть перемѣнили бы рѣшеніе Совѣта, если бы то уваженіе, которымъ обязывала воля, изъясненная въ письмѣ Императора, не заставило бы восторжествовать прежнее большинство голосовъ.

По моему мнѣнію, принятіе такого мнѣнія замѣдлило бы только нѣсколькими днями сдѣлавшуюся неизбѣжною перемѣну, но мнѣ, по правдѣ, кажется, что если бы его приняли, то изъ того вышли бы большія затрудненія, и признаюсь, что для пользъ Наполеона, это неоспоримо былъ самый благоразумный совѣтъ; но совѣтъ Іосифа одержалъ верхъ, и Архиканцлеръ, помня безъ сомнѣнія то, что Бонапарте сказалъ ему однажды при мнѣ: Если Бурбоны возвратятся, ты будешь повѣшенъ,» убѣдилъ наконецъ собраніе. Императрица, въ сопровожденіи своей обыкновенной гвардіи отправилась въ Блоа; Члены Совѣта регенства получили приказаніе сопровождать ее, а Іосифъ поселился въ Тюльери съ титуломъ Генералъ-Лейтенанта Имперіи. Принцъ Беневентскій, какъ Членъ Совѣта регенства, также получилъ приказаніе выѣхать изъ Парижа тридцатаго Марта. Въ это время я бывалъ у него каждый

день; тутъ, когда я пришелъ къ нему, то мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ. Однако же я вошелъ и пробылъ нѣсколько времени въ домѣ съ многими пріѣхавшими къ нему его пріятелями. Вскорѣ онъ воротился, и что касается до меня, то я узналъ съ большимъ удовольствіемъ, что его не хотѣли пропустить за заставу. Тогда говорили, и послѣ подтверждали, что Талейранъ былъ повѣреннымъ въ этомъ небольшомъ насиліи, и я не посмѣю положительно утверждать противнаго; во всякомъ случаѣ если онъ тутъ участвовалъ, то въ такомъ поведеніи Г. Талейрана, при этомъ случаѣ можно видѣть только высокую предусмотрительность и доказательство большой ловкости. Разсказывая про этотъ случай, говорили объ измѣнѣ, потому что слѣпые обожатели Наполеона хотѣли видѣть измѣну повсюду; для паденія ихъ идола надобны были другія причины, а не однѣ его ошибки и пагубные совѣты его чистолюбія. Я спрошу, если человѣкъ говоритъ послѣ Шамъ-Обертскаго сраженія, какъ я уже разсказалъ выше: «Еще побѣда такая, какъ эта, и я на Вислѣ,» то нужна ли была для его паденія измѣна? Бонапарте былъ похожъ на тѣхъ игроковъ, которые, пока у нихъ остается еще одинъ ефимокъ, все воображаютъ, что они сорвутъ банкъ.

Въ тотъ самый день, когда я былъ у Г. Талейрана, я поѣхалъ также къ Герцогу Ровиго,

съ прiятельскимъ намѣренiемъ уговорить его остаться и воспользоваться своимъ положенiемъ, чтобы предупредить безпорядки. Онъ напрямки отказался, столько онъ ни о чемъ не думалъ, кромѣ Императора. Я засталъ его у камина, въ которомъ былъ разложенъ большой огонь; онъ жегъ всѣ бумаги, которыя могли бы подвергнуть опасности лица, служившiя по его Министерству. Я его отъ души поздравилъ съ такимъ благороднымъ занятiемъ: одинъ огонь могъ очистить кучи гнусностей и доносовъ, которыми завалены были архивы Полицiи. Поступокъ Савари тѣмъ былъ похвальнѣе, что на канунѣ перемѣны правительства, бумаги, которыя онъ предавалъ огню, могли бы поставить какое нибудь препятствiе изъявленiямъ искренней преданности перваго Апрѣля, которыя были не менѣе искренни на канунѣ тридцатаго Марта. Эта преданность была одна и таже — только она перемѣнила предметъ.

Въ минуту отъѣзда Императрицы, я видѣлъ, какъ многiе ожидали движенiя въ народѣ въ пользу перемѣны правительства; но все осталось спокойно, и Парижскiе жители присутствовали при послѣднихъ часахъ Имперiи, точно также, какъ въ театрѣ глядятъ на развязку драммы. Отъ спокойнаго наблюдателя, помѣщеннаго, такъ сказать, внѣ произшествiй, далека была безумная и смѣшная надежда на то, чтобы

стали выламывать изъ мостовой камни и кидать ихъ съ верху домовъ, вмѣстѣ съ ножитками, и лить кипятокъ. Я неумолчу однакоже, что большое число жителей думали объ оборонѣ, не для того, чтобы сохранить правительство Наполеона, но единственно по той раздражительности, которая свойственна нашему народному характеру: негодовали при одной мысли, что увидать Парижъ во власти иностранцевъ, чему не было примѣра съ самаго царствованія Карла VII.

Кромѣ того по Парижу распустили множество слуховъ: иные мнѣ говорили, что Іосифъ Бонапарте собралъ совѣтъ изъ нѣсколькихъ Министровъ, гдѣ разсуждали о томъ, не лучше ли ему будетъ самому потребовать отреченія своего брата и объявить себя протекторомъ Имперіи. Все это была низкая интрига; я зналъ слишкомъ хорошо Іосифа, и что у него недостанетъ довольно энергіи для такой роли; въ Парижѣ не хотѣли его имѣть точно также, какъ и въ Мадритѣ, и послѣднія минуты его трехъдневнаго царствованія доказали, сколько этотъ прежній республиканецъ, дважды вѣнчанный, остался малодушенъ.

Между тѣмъ, рѣшительная минута приближалась. Я сказалъ уже, что Маршалы Мармонъ и Мортье примкнули двадцать девятаго числа къ Парижу, чтобы защищать его апро-

ии. Ночью караулы на въѣздахъ поручены были національной гвардіи, и ни одинъ иностранецъ, ни одинъ ихъ агентъ не могли пробраться въ столицу. Два брата Полиньяка, которые за нѣсколько времени покинули госпиталь, гдѣ имъ дозволено было жить въ Винсеннѣ, и которые явились въ главную квартиру Императора Александра, напрасно покушались пробраться. Однакоже иностранцы были извѣщены о томъ, что происходило въ Парижѣ, и я послѣ узналъ, что отъѣздъ Маріи Луизы имѣлъ вліяніе на принятую ими тогда рѣшимость поспѣшить развязкою этой борьбы, удвоивъ усилія, чтобы войти въ столицу Франціи. Двадцать девятаго числа ввечеру Мармонъ, бывшій въ Сенъ-Манде, сталъ въ позицію, примкнувъ правымъ плечемъ къ Марнѣ, тогда какъ лѣвое его плечо примыкало къ правому плечу Мортье, котораго войска собраны были на высотахъ Монмартрскихъ.

Всѣ Парижскіе жители были разбужены тридцатаго Марта, на самомъ разсвѣтѣ, пушечною пальбою, и вскорѣ равнина Сенъ-Дениская покрылась союзными войсками, которыя туда стекались со всѣхъ сторонъ; героическое мужество нашихъ солдатъ, ничего не могло сдѣлать противъ такого превосходнаго числа, однакоже они заставили союзниковъ дорого заплатить за входъ въ столицу, и національная гвардія, подъ

командою Маршала Монсея, въ этотъ день вела себя, а также и воспитанники Политехнической школы, превращенные въ канонеровъ, достойнымъ старыхъ нашихъ солдатъ образомъ. Положеніе Мармона въ этотъ день достаточно было, чтобы увѣковѣчить имя армейскаго Генерала. Командуемый имъ Корпусъ состоялъ только изъ семи или восьми тысячъ человѣкъ и восьми сотъ лошадей; съ этою горстью храбрыхъ онъ держался цѣлые двѣнадцать часовъ противъ арміи въ пятдесятъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ, какъ увѣряютъ, четырнадцать тысячъ выбыли изъ фронта. Онъ такъ не отставалъ отъ другихъ, что двѣнадцать солдатъ убиты штыками возлѣ его, а у него самаго прострѣлили пулею шляпу. Но что можно было сдѣлать противъ превосходнаго числа?

Въ этомъ состояніи вещей Герцогъ Рагузскій извѣстилъ о своемъ положеніи Іосифа Бонапарте, и отвѣтъ его столь важенъ въ отношеніи къ послѣдующимъ событіямъ, что я долженъ помѣстить его здѣсь слово въ слово; вотъ онъ:

«Если Г. Маршалъ, Герцогъ Рагузскій и Г. «Маршалъ Герцогъ Тревизскій не могутъ боѣе держаться, то имъ дается полномочіе войти въ переговоры съ Княземъ Шварценбергомъ и Россійскимъ Императоромъ, которые «передъ ними.

«Іосифъ.

«Монмартъ, тридцатаго Марта 1814, въ четверть перваго часа по полудни. Они отретируются къ Лоарѣ.»

Уже долго спустя по полученiи этого формальнаго полномочiя, Мармонъ и Мортье перестали продолжать сопротивленiе союзной армiи, потому что согласились положить оружiе въ четыре часа вечера, и Iосифъ, какъ-то всѣ знаютъ, этого не ожидалъ. Въ четверть перваго часа по полудни, то есть немедленно послѣ посылки къ Мармону выписаннаго полномочiя, Iосифъ отправился къ Булонскому лѣсу, чтобы выѣхать на Версальскую дорогу и добраться до Рамбулье.

Поспѣшное бѣгство Iосифа удивило только тѣхъ, кто его не зналъ, но я узналъ, что многiе офицеры его штаба оказывали большое неудовольствiе на этотъ внезапный побѣгъ. Они думали, что Iосифъ дѣлаетъ движенiе къ мосту Невильи, чтобы защищать его, если союзники у него покажутся; но они скоро были выведены изъ заблужденiя, когда у заставы Звѣзды они увидѣли, что поѣздъ повернулъ на лѣво и поѣхалъ по аллеѣ Булонскаго лѣса. Что было дѣлать въ этихъ обстоятельствахъ, если не спасти Парижъ, который никакъ нельзя было защищать еще два часа? и какъ можно было еще спасти такое дѣло, которое само себя покидало? Всѣ, что ни было въ армiи почетныхъ

особъ, имѣли въ Парижѣ женъ, дѣтей, родителей, друзей, и надобно было, чтобы настоящее ослѣпленіе, или лучше сказать безумное упрямство лишило ихъ разума и подавило въ нихъ всякое человѣческое чувство, если бы они захотѣли подвергать сердце отечества ярости побѣдителя! Когда Мармонъ подписалъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій, за чѣмъ долженствовала съ наступленіемъ ночи послѣдовать капитуляція, то онъ за это одно дѣло заслужилъ скорѣе гражданскій вѣнецъ, чѣмъ недостойные упреки.

Кажется, я теперь еще вижу, какъ онъ вечеру тридцатаго Марта возвратился съ поля сраженія въ свой домъ въ Райской улицѣ; кажется, что я еще теперь въ этой зеленой гостинной, гдѣ я его ожидалъ вмѣстѣ съ двадцатью особами, между которыми находились Гг. Перрего и Лафитъ. Когда онъ вошелъ, то едва можно было узнать его; борода у него была съ недѣлю не брита; надѣтый сверхъ мундира сертукъ, весь въ лоскутьяхъ, а самъ онъ съ головы до ногъ закопченъ порохомъ. Тутъ принялись разсуждать о томъ, что дѣлать; мы всѣ настаивали въ необходимости подписать капитуляцію; Маршалъ долженъ вспомнить, что вокругъ его только и слышно было: «Надобно спасти Францію!» Бывшій въ этомъ собраніи Сенскій префектъ, понимая, въ чемъ

состоитъ должность перваго гражданскаго лица въ столицѣ, объяснилъ, что онъ намѣренъ отправиться въ главную квартиру союзниковъ со всѣми градскими чинами. Я очень одобрилъ такое умное намѣренiе, и Г. Шаброль чувствовалъ, какой бы онъ подвергнулся отвѣтственности, еслибы не употребилъ всѣхъ усилiй на то, чтобы спасти Парижъ отъ ужасовъ грабежа, который могло бы навлечь должайшее и безполезное сопротивленiе. Гг. Перрего и Лафитъ рѣшительно объявили свое мнѣнiе въ этомъ крайнемъ случаѣ, а можно себѣ представить, какой вѣсъ долженствовало имѣть мнѣнiе двухъ человѣкъ, въ рукахъ которыхъ были финансы; они громогласно объявили, что общее мнѣнiе Парижанъ, котораго никто лучше ихъ знать не могъ, было вопреки должайшей борьбѣ, и что наконецъ Францiя была утомлена игомъ Бонапарте.

Это послѣднее предложенiе родило вопросъ, который разбирали въ большемъ пространствѣ, потому что дѣло шло уже не объ одной капитуляцiи Парижа, но и о перемѣнѣ правительства; имя Бурбоновъ произнесено въ первый разъ. Я уже не помню, кто изъ насъ, услышавъ о возможности призыва прежней династiи, замѣтилъ, сколько затрудненiй встрѣтитъ возстановленiе, безъ обращенiя къ минувшему; но я помню навѣрное, что Г. Лафиттъ тутъ

сказалъ намъ: «Господа, намъ нечего будетъ бояться, если намъ дадутъ хорошую конституцію, которая бы ограждала права всѣхъ.» Эта умная мысль заслужила одобреніе большинства собранія зеленой гостиной, и осталась не безъ вліянія на поведеніе Маршала.

Между тѣмъ, это достопримѣчательное совѣщаніе ознаменовалось неожиданнымъ случаемъ. Во время нашихъ разсужденій, или лучше сказать посреди единственныхъ просьбъ къ Маршалу, чтобы онъ согласился на то, чтобы капитуляція была плодомъ прекращенія военныхъ дѣйствій, мы увидѣли вошедшаго къ нему Императорскаго Адъютанта. Наполеонъ, узнавъ о движеніи союзниковъ на Парижъ, со всею поспѣшностью бросился отъ береговъ Марны на Фонтенеблосскую дорогу къ Парижу, и ввечеру былъ лично въ Фроаманто, откуда отправилъ своего посланнаго къ Маршалу. По рѣчамъ Адъютанта легко было видѣть, что мысли въ Императорской квартирѣ ни сколько не походили на мысли Парижскихъ жителей, потому что этотъ офицеръ изъявилъ свое негодованіе при одномъ словѣ о капитуляціи, и съ непонятною увѣренностью утверждалъ, что Наполеонъ скоро прибудетъ въ Парижъ, который еще надѣется спасти отъ занятія. Этотъ Адъютантъ сказалъ намъ съ жаромъ, что Наполеонъ твердо увѣренъ, что ополчатся несмо-

тря на капитуляцію; что изломаютъ мостовыя чтобы кидать каменьями въ союзниковъ при ихъ вступленіи; мало ли еще что? Я дозволилъ себѣ спорить противъ этой безумной системы сопротивленія, хотя объ ней предложено было съ такимъ повелительнымъ видомъ, который иногда озадачиваетъ. Я говорилъ, что безумно было бы думать, что Парижъ можетъ противустоять многочисленнымъ войскамъ, которыя должны были вступить на другой день; что прекращеніе военныхъ дѣйствій, на которое согласились союзники, имѣло цѣлію только то, чтобы составить болѣе правильную капутуляцію; что нельзя было нарушить положенія о семъ прекращеніи, не поправъ всѣ законы чести. Я прибавилъ, что мнѣніе обращалось къ лучшей будущности; что Французы утомлены неограниченнымъ правленіемъ и тѣмъ жалкимъ положеніемъ, до котораго доведены коммерція и промышленность безпрестанными войнами; которыя ежегодно пожираютъ триста тысячь человѣкъ. Когда народъ впадетъ въ такое бѣдственное положеніе, присовокупилъ я, то надежда его можетъ быть только на будущее, и естественно, что онъ предается ей даже не размышляя.

Самъ Іосифъ, сказалъ я еще, отчаясь спасти разрушающуюся Имперію своего брата, покинулъ это дѣло и уѣхалъ чрезъ Булонскій лѣсъ

отправивъ уполномочіе на капитуляцію, и приказавъ всѣмъ Министрамъ выѣхать изъ Парижа къ Императрицѣ въ Блоа. Большая часть изъ присутствовавшихъ были одного со мною мнѣнія: согласились единогласно; и Маршалъ говорилъ мнѣ въ послѣдствіи: «Меня обвиняютъ, любезный другъ; но вы были у меня «тридцатаго Марта; но вы видѣли желанія избраннѣйшихъ жителей Парижа. Я поступилъ «такъ, какъ меня уговаривали, потому что я «видѣлъ у себя собраніе людей совершенно без«корыстныхъ, и которымъ нечего было ожидать «отъ возвращенія Бурбоновъ.»

Таково вѣрное изложеніе событій, которыхъ видъ хотѣли измѣнить для величайшей славы Наполеона; я знаю, что объ нихъ разсказывали различнымъ образомъ, но въ отношеніи къ этимъ разсказамъ, которые будутъ своимъ содержаніемъ далеки отъ моего, у меня есть только одно возраженіе, и вотъ оно: я тамъ былъ, видѣлъ и слышалъ!

ГЛАВА II.

Франція спасена капитуляціею Парижа. — Невозможность защищаться.—Мирныя побѣды и сохраненные памятники.— Г. Блакасъ и Г. Ферранъ.—Благородное поведѣніе Мармона.—Императоръ въ Эссонѣ и скорое возвращеніе въ Фонтенебло. — Полковникъ Фабвіе и Полковникъ Денисъ. — Преданность Савари.—Два префекта.— Капитуляція Парижа.—Надежды, причиною которыхъ отсутствіе Австрійскаго Императора.—Утро тридцать перваго Марта—Разодранные платки и выдуманныя кокарды.—Роялистская скачка. —Гг. Состенъ де ла Рошфуко, Графъ Фроассаръ, Герцогъ Люксембургскій, Герцогъ Крессольскій, Сеймуръ и другіе. —Депутація къ Александру.— Шатобріанъ и его книжка. —Засѣданіе у Г. Морфонтена.—Бѣлый шаръ.— Вступленіе союзниковъ.— Несклонность Франціи къ Наполеону.— Александръ у Г. Талейрана. — Присутствіе мое на всѣхъ собраніяхъ.—Что мнѣ сказалъ Русскій Императоръ.— Разсужденіе о томъ какое дать правленіе Франціи.—Роялизмъ аббата Прадта.—Рѣшительныя слова Г. Талейрана.— Объявленіе Александра. — Вѣрное возвращеніе Бурбоновъ. — Прокламація Александра.—Скорость объявленія.—Назначеніе меня въ главное управленіе почтъ.

Капитуляція Парижа спасла Францію. Послѣ того говорили, безъ сомнѣнія, чтобы дать ка-

кое нибудь основаніе раздраженію честолюбивыхъ сѣтованій и несправедливой ненависти за то, что если бы Парижъ защищали одинъ день, то союзники бы пропали; этому доказательствомъ приводили, что чужестранныя арміи сажгли послѣдніе свои снаряды; такія сказки могутъ только служить на забаву дѣтямъ. Если бы даже было правда, что они истратили всѣ свои снаряды, то кто могъ знать это? Заглядывали ли мы въ сумы Русскихъ, Прусаковъ и Австрійцевъ? Не долго спустя послѣ занятія Парижа вздумали сдѣлать эти прекрасныя открытія; но что было очевидно всякому, то что я видѣлъ также, какъ жители Парижа, также какъ національная гвардія, которой надобно было оплакивать почтенныхъ гражданъ, отцевъ семействъ, что невозможно было Парижу защищаться долѣе двухъ часовъ; что два Маршала, на которыхъ возложена его оборона, сдѣлали болѣе, чѣмъ по человѣчеству можно было ожидать отъ самыхъ опытныхъ дарованій, при предводительствованіи горстью храбрыхъ, которая у нихъ оставалась. Если бы капитуляція не была слѣдствіемъ прекращенія военныхъ дѣйствій тридцатаго Марта, то непріятель безпрепятственно бросился бы въ столицу; Парижъ могъ сдѣлаться театромъ ужаснаго побоища, убійства гражданъ, пожара сданій, грабежа домовъ. Наполеонъ отъ того не менѣе бы палъ, и на

прощанье, онъ оставилъ бы этой прекрасной Франціи, которую онъ столько любилъ, вмѣсто столицы, кучу пепла.

Какое было напротивъ того непосредственное слѣдствіе капитуляціи Парижа. Миръ, какъ будто волшебствомъ, пріобрѣтенный; Европа на насъ ополчилась, и по прошествіи сорока восьми часовъ не слышно стало ни ружейнаго выстрѣла. Наполеонъ повсюду налагалъ огромныя контрибуціи; въ 1814 году не потребовали ни копѣйки. Въ нашихъ Музеумахъ, на публичныхъ площадяхъ, возвышались трофеи, похищенныя у столицъ Европы; эти трофеи остались, какъ памятники нашей славы. Не стану объ этомъ говорить много, потому что жестоко и несправедливо было бы 1814 году приписывать то, что случилось въ 1815.

Что касается до меня, то я не скрою, что очень порадовался по выходѣ моемъ отъ Маршала, когда увидѣлъ, какой благопріятный оборотъ принимали дѣла Франціи, потому что въ эту минуту Франція и ея будущее благосостояніе, о которомъ мнѣ пріятно было ласкать себя надеждою, были единственнымъ предметомъ всѣхъ моихъ желаній.

Клеветы, которыхъ я былъ предметомъ, не однѣ лежали у меня на сердцѣ; признаюсь, что я чувствую истинное удовольствіе опровергнуть тѣ, которыми преслѣдовали старыхъ дру-

зей, особливо когда будучи удаленъ отъ нихъ, могу уступить необходимости говорить истину не подавая поводу думать, что тутъ мѣшается снисхожденіе.

На другой день послѣ капитуляціи Парижа, Мармонъ проводивъ свои войска до Эссоны, поѣхалъ тотъ же вечеръ на свиданіе съ Императоромъ въ Фонтенебло! Онъ съ нимъ отужиналъ. Наполеонъ расхваливалъ его за то, какъ онъ защищалъ Парижъ. Я ничего не узналъ особеннаго объ этомъ свиданіи; мнѣ извѣстно, только, что послѣ ужина Маршалъ уѣхалъ къ своему корпусу въ Эссону, и что черезъ шесть часовъ пріѣхалъ туда Императоръ, чтобы осматривать ряды.

Маршалъ, выѣзжая изъ Парижа, оставилъ тамъ Полковниковъ Фабвіе и Дениса, чтобы наблюдать за выполненіемъ капитуляціи при сдачѣ города союзникамъ. Эти офицеры явились къ Императору и Маршалу въ то самое время, когда они ѣхали по берегу рѣки Эссоны. Они не скрыли того, какое дѣйствіе произвело на Парижъ вступленіе союзниковъ; видно было что Императоръ на это очень разсердился, и онъ немѣдленно уѣхалъ въ Фонтенебло, оставивъ въ Эссонѣ Маршала.

Я навѣстилъ, какъ сказалъ уже, Савари тридцатаго Марта: я бы очень желалъ, чтобы согласясь на мои убѣжденія, онъ согласился ос-

таться въ Парижѣ, чтобы сохранить въ немъ спокойствіе, и я долженъ, къ его чести, сказать, что ему въ похвалу служитъ постоянная преданность дѣлу Императора; потому что съ давняго времени онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые съ большею прозорливостью видѣли, что изо всего выдетъ. Отъѣзжая, онъ поручилъ двумъ префектамъ Сенскому и Полиціи, обще съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, управленіе въ Парижѣ. Видно было, что Г. Шабролъ понялъ свои обязанности и свое положеніе; Г. Пасье понялъ ихъ также, но нѣсколько съ большимъ затрудненіемъ. Оба префекта явились ночью въ главную квартиру Императора Александра съ просьбою пощадить городъ, и капитуляція была подписана въ два часа утра.

Капитуляція Парижа была безъ сомнѣнія почтеннѣе для Франціи, чѣмъ для иностранцевъ всѣ тѣ, которыя они подписали при сдачѣ городовъ, занятыхъ нашими побѣдоносными войсками безъ сопротивленія. Ночь провели спокойно въ Парижѣ потому, что всякой зналъ уже о перемиріи тридцатаго числа, и начинали отдыхать. Между тѣмъ въ будущемъ было еще много неопредѣленнаго; но каждый толковалъ согласно съ своими желаніями, и у всѣхъ, какъ будто бы свалился камень съ сердца. Иные обманывали себя мечтами, думая, что посредствомъ интригъ имъ удастся сдѣлать, что на-

значать регенство, чтобы значило, подъ другимъ именемъ, сохранить власть Бонапарте, чего наиболѣе необходимо было избѣгать, если хотѣли прочнаго мира. Между тѣмъ въ первыя минуты они еще могли нѣкоторымъ образомъ надѣяться. Но тѣхъ, кто желалъ новаго, или лучше сказать прежняго порядка вещей, болѣе успокоивала увѣренность, что Императоръ Александръ не хочетъ болѣе ни Бонапарте, ни его семейства, потому что объявленіе его Генералу Ренье, о которомъ я говорилъ выше, не осталось въ такой тайнѣ, чтобы объ немъ никто не провѣдалъ.

Тридцать перваго Марта на разсвѣтѣ, Парижъ представлялъ совсемъ новое зрѣлище, которое могло бы изумить людей чуждыхъ общественныхъ дѣлъ, но было достойно вниманія безпристрастнаго наблюдателя. Едва только Французскія войска выступили изъ города, какъ въ самыхъ значительнѣйшихъ частяхъ города, на площадяхъ и перекресткахъ раздались крики: Долой Бонапарте! не надобно конскрипціи! не надобно соединенныхъ правъ! Съ этими криками мѣшались другіе крики: Да здравствуютъ Бурбоны! но эти послѣднія восклицанія не такъ часто повторялись, и вообще я замѣтилъ, что народъ слушалъ и смотрѣлъ на все съ какимъ-то равнодушіемъ. Такъ какъ я принималъ очень дѣятельное участіе во всемъ случившемся въ минувшіе дни и присутствовалъ

во всѣхъ бывшихъ собраніяхъ, то мнѣ и болѣе другаго любопытно было наблюдать то, что я назову, физіогноміею Парижа. Мнѣ въ другой разъ случилось дѣлать подобное наблюденіе; и я видѣлъ, какъ тотъ же самый народъ утѣшался паденіемъ человѣка, котораго встрѣтилъ съ такимъ восторгомъ послѣ осьмнадцатаго Брюмера, потому что какъ тогда надѣялись свободы, такъ надѣялись ее и въ 1814 году.

Я вышелъ рано по утру, чтобы поглядѣть на собравшіяся многочисленныя толпы; я видѣлъ, какъ женщины раздирали свои носовые платки, и раздавали лоскутки, какъ знаменіе возращенной лиліи; но эти площадныя восклицанія, я долженъ признаться, не имѣли на меня вліянія.

Въ это самое утро я встрѣтилъ на булеварахъ, а потомъ нѣсколько часовъ спустя на площади Лудовика XV, нѣсколько человѣкъ верьхами, которые ѣздили по улицамъ, провозглашая возстановленіе Бурбоновъ криками: «Да здравствуетъ Король! Да здравствуетъ Лудовикъ XVIII!» Впереди другихъ я узналъ Гг. Состена де ла Рошфуко, Графа Фроассара, Герцога Луксембургскаго, Герцога Круссоля, Сеймура и дру. . . За этимъ верьховымъ поѣздомъ, раздававшимъ на дорогѣ бѣлыя кокарды, скоро собралась довольно большая толпа, которая съ шумомъ отправилась на Вандомскую площадь. Извѣстно что тамъ происходило; едва одно первое упоеніе радости, конечно очень закон-

ной, можетъ извинять странное неистовство, исполненное надъ изображеніемъ человѣка, котораго, по крайней мѣрѣ несчастія, заслуженныя или нѣтъ, долженствовали бы оградить отъ такихъ оскорбленій. Къ тому же это значило оскорблять армію, которая еще признавала Наполеона за своего начальника; это значило раздражать его приверженцевъ, которые были еще въ Парижѣ. Назвали улицею Мира Наполеонову улицу—ничего не могло быть лучше—это была столько же остроумная мысль, какъ и то, чтобы дать имя улицы Побѣды Шантеренской улицѣ, при возвращеніи побѣдителя Италіи.

Какъ бы то ни было, такіе знаки непомѣрнаго усердія, которыхъ излишества я никакъ не одобряю, служили можетъ быть болѣе чѣмъ думаютъ, успѣху намѣреній начальниковъ роялистской партіи.

Между тѣмъ, какъ приверженцы Императора, или лучше сказать, падшей Имперіи, хлопотали о томъ, чтобы собрать остатки Императорской фортуны, и воздвигнуть изъ нихъ новое зданіе почти по прежнему плану, другая партія, руководимая лучше своими частными уваженіями, которыя, по крайней мѣрѣ, долженствовали обратиться въ общую пользу, имѣла свои собранія, едва скрываемыя, гдѣ разбирали подъ разными видами и въ мнѣніяхъ

болѣе или менѣе самимъ себѣ противорѣчащихъ, великій вопросъ о возстановленіи. Вотъ какъ я узналъ послѣ отъ очевиднаго свидѣтеля, что происходило ввечеру тридцать перваго Марта въ самомъ рѣшительномъ изъ этихъ собраній, предсѣдательствуемомъ Графомъ Морфонтскимъ, у котораго въ домѣ и собирались.

Собраніе было многочисленно; по громкимъ крикамъ, предложеніямъ столько же ребяческимъ, какъ и сильнымъ, наконецъ по невозможности слышать одному другаго, трудно было бы угадать, что одно чувство соединяло присутствовавшихъ. Даже полагали, что туда пробрались нѣсколько подозрительныхъ людей, чтобы способствовать безпорядку. Посреди этого хаоса необдуманныхъ предложеній и противорѣчащихъ мнѣній, раздался голосъ, который по счастію былъ такъ громокъ, что покрылъ всѣ другіе голоса: это былъ голосъ Г. Состена де ла Рошфуко. Онъ предложилъ послать немедленно депутацію къ Императору Александру для объясненія предъ нимъ желанія собранія. Это предложеніе было тотчасъ одобрено и творца его выбрали главою депутаціи, придавъ къ нему Гг. Феррана и Цезара Шоазеля. Вышедъ изъ дому, эти Господа повстрѣчали человѣка, который дѣятельнымъ своимъ усердіемъ и удивительнымъ дарованіемъ служилъ можетъ быть самымъ лучшимъ образомъ возстановленію въ

эту рѣшительную минуту. Послѣ того, что я сказалъ, не нужно называть по имени Г. Шатобріана, который въ этотъ же самый день былъ точно какъ предвѣстникъ возстановленія, напечатавъ свое удивительное обнародованіе Бонапарте и Бурбоны. Ему предложили присоединиться къ депутаціи, и онъ согласился; но ничто не могло побѣдить его скромности и заставить говорить. Прибывъ въ домъ на Сенъ-Флорентинской улицѣ, гдѣ я былъ въ одно съ ними время, эти Господа спросили Графа Нессельрода и Г. Состенъ де ла Рошфуко, объяснилъ ему въ краткихъ словахъ цѣль ихъ прибытія; онъ говорилъ о желаніяхъ собранія и о единодушномъ желаніи Парижа и Франціи. Онъ представилъ возстановленіе Бурбоновъ, какъ единственное средство упрочить миръ Европы, и въ заключеніе сказалъ, что такъ какъ настоящій день долженъ быть утомителенъ для Императора, то депутація не осмѣливается просить милости быть принятою, но что она со всею довѣренностію полагается на извѣстное праводушіе Е. И. В. «Я сей часъ только отъ Императо-«ра, отвѣчалъ Г. Нессельродъ, и ручаюсь вамъ за «его намѣренія. Возвратитесь въ собраніе и объя-«вите всѣмъ Французамъ, что Е. И В. тронутъ «объявленными ему столь сильно желаніями, и «употребить все свое вліяніе на то, чтобы воз-«вратить корону законному Монарху. Е. В. Ко-

«роль Лудовикъ XVIII взойдетъ на тронъ Фран«ціи.» Депутаты возвратились въ собраніе въ улицѣ д'Анжу, съ этою счастливою вѣстью. Радость удвоила шумъ, и Предсѣдатель не зналъ, какъ заключить засѣданіе, какъ Г. Талонъ, одинъ изъ первыхъ поддерживавшихъ роялистское движеніе, вздумалъ погасить свѣчи; тутъ принуждены были разойтиться.

Я жалѣлъ о сѣтовавшихъ на нарушеніе нашей народной славы, и дѣлилъ съ ними грусть ихъ: но мнѣ нечего сказать объ этихъ людяхъ, которыхъ находятъ при всѣхъ перемѣнахъ правленія, царедворцевъ фортуны, безъ всякихъ другихъ правилъ, кромѣ эгоизма и которые всегда держатся такихъ мнѣній, какія доставляютъ прибыльныя мѣста; Богъ знаетъ, какія толпы ихъ нахлынули тогда въ Парижъ. Правда то, что изготовленіе внезапныхъ изъявленій преданности, завело уже слишкомъ далеко рвеніе нѣкоторыхъ особъ; такъ что онѣ кидались въ объятія иностранцамъ. Политика вмѣстѣ съ разсудкомъ, можетъ быть, ставили то въ законъ, когда видѣли, что эти иностранцы всѣ носили на рукахъ бѣлыя повязки, въ знакъ союза и мира; но есть нѣкоторое достоинство, котораго никогда съ себя совлекать не должно, и народная стыдливость, предписывающая уваженіе. Я не осуждаю громкаго выраженія чувствованій, какими сопровождали Александра на булеварахъ, потому

что видѣли въ немъ надежду на лучшее будущее; но я бы хотѣлъ болѣе приличія, въ особенности относительно падшей власти; однимъ словомъ, я объясню всю мою мысль, сказавъ, что одобряю тѣхъ, кто кричалъ да здравствуетъ Александръ! да здравствуютъ Бурбоны! но никакъ не похвалю кричавшихъ: Долой Бонапарте! долой тирана. Что касается до людей, которые обнаруживали сильное негодованіе, то это точно такъ, какъ бы они кричали: Да здравствуютъ мои мѣста! да здравствуютъ мои доходы!

Какъ бы то ни было и какъ бы о томъ ни судили, восторгъ ознаменовавшійся на булеварѣ въ день вступленія союзниковъ, есть истинное событіе; можно его одобрять или порицать, но нельзя отрицать; я замѣчалъ хорошо все чего былъ свидѣтелемъ и видѣлъ тутъ болѣе, чѣмъ любопытство; я видѣлъ тутъ выраженіе чувства, которое издавна предвидѣлъ. Когда я замѣчалъ, что Наполеоново честолюбіе послѣ союза съ дочерью Кесарей, возрастало по той мѣрѣ, какъ оно удовлетворялось, и что упоеніе побѣдами лишало его разсудка, то я потерялъ всякое сомнѣніе относительно его паденія, хотя тогда и не могъ еще предвидѣть эпохи онаго. Кто со вниманіемъ слѣдовалъ за движеніемъ дѣлъ въ послѣдніе четыре года Имперіи, тому дѣйствительно должно было замѣтить, какъ я

то замѣтилъ, что съ самой Наполеоновой женидьбы на Маріи Луизѣ, формы правленія дѣлались противъ прежняго еще жесточе и угѣснительнѣе. За однимъ опредѣленіемъ Сената слѣдовало другое съ такою поспѣшностью, что народъ, изъ числа котораго выбылъ почти десятый, былъ безпрестанно увлекаемъ за границу, и къ этимъ ни сколько не соразмѣрнымъ наборамъ людей, присоединялись еще обидныя насмѣшки; Рено де Сенъ-Жанъ Анжели осмѣлился сказать, что конскрипція увеличиваетъ народонаселеніе. Изъ сказаннаго мною прежде о томъ, какъ въ концѣ 1813 года, законодательное сословіе, совлекши себя нѣмоту, на которую было осуждено, осмѣлилось дать урокъ тому, кто до того ихъ ни отъ кого не получалъ, можно было судить, до какой степени зло сдѣлалось нестерпимо. Тридцать перваго Марта вспомнили, каково было тогда поведеніе Наполеона, и оставшіеся въ Парижѣ депутаты разсказывали, какъ Жандармы не дозволяли имъ опять войти въ залу собранія. Все это чудесно способствовало къ раздраженію умовъ противъ Наполеона. Самыя мечты, которыя ему такъ хорошо служили въ продолженіе его блестящаго поприща, съ каждымъ днемъ изчезали, а слава перестала представлять трону его подпору, и тронъ этотъ остался безъ подпоры. Сдѣлавшись властителемъ Франціи посредствомъ сабли, ко-

гда онъ однажды вложилъ саблю въ ножны, то потерялъ всякое на властительство право, потому что никакое народное постановленіе у націи не сливалось съ мыслію о новой династіи, которую онъ основать надѣялся. Нація ему удивлялась, но не любила; потому что нельзя любить то, чего боишся, и Наполеонъ не дѣлалъ ничего, чтобы заслужить привязанность Франціи.

Можетъ быть, сужденіе мое объ Императорѣ покажется строгимъ, но я говорю то, что думаю, и имѣю, можетъ статься, больше всякаго другаго на то права, потому что мнѣ не возможно раздѣлить въ умѣ моемъ сдѣланное имъ зло, отъ добра, какое бы онъ могъ сдѣлать. Какъ бы то нибыло, погрѣшала или нѣтъ нація, но она была утомлена и недовольна, и всѣ причины, такъ сказать ощутительныя, общественнаго неудовольствія, сильно способствовали расположенію Александра и Фридериха Вильгельма низвергнуть Наполеона.

Съ тридцатаго на тридцать первое Марта, когда Императоръ Александръ избралъ для жительства своего во время пребыванія въ Парижѣ домъ Г. Талейрана, я видѣлъ этого Монарха; я разглядывая его со вниманіемъ, безъ труда разгадалъ, что крики, слышанные имъ на пути, только что утвердили его въ намѣреніи, на которое онъ уже твердо рѣшился. Событія

войны дали ему возможность перемѣнить династію Наполеона, дѣло, на которое онъ рѣшился, если къ тому допуститъ судьба, съ самаго еще начала Московской кампаніи.

Я присутствовалъ на всѣхъ собраніяхъ, при всѣхъ совѣщаніяхъ, какія были у Г. Талейрана. Этотъ Принцъ былъ изо-всѣхъ изъ насъ по видимому, наиболѣе расположенъ сохранить Наполеону власть, дѣлая ограниченія въ исполненіи его власти. Въ томъ положеніи, въ какомъ были дѣла, были только три возможныя стороны: 1) Заключить съ Наполеономъ миръ, принявъ всѣ противъ него предосторожности; 2) учредить Регенство; и 3) призвать Бурбоновъ. Что касается до Бернадота, то никто его не хотѣлъ, не потому что опасались его личнаго характера, но потому что, съ одной стороны тучи соперниковъ поднялись бы противъ него, чтобы могло быть поводомъ къ народной войнѣ, а вовторыхъ потому что положеніе бывшаго Француза, вооружившагося противъ Франціи, было таково, что могло раздражить много народной подозрительности. Когда Императоръ Александръ вошелъ въ гостиную Г. Талейрана, то многая часть изъ собравшихся тамъ, и въ особенности Аббатъ Прадтъ, Аббатъ Монтескю и Генералъ Дессоль, стали у него требовать Бурбоновъ; въ первую минуту онъ не рѣшился; однакоже, когда я подошелъ къ

нему поближе, то онъ отвелъ меня къ окну, которое было на улицу и сказалъ нѣсколько словъ, а по нимъ я могъ судить, каково будетъ его рѣшеніе. «Г. Буріеннъ,» сказалъ онъ мнѣ, «вы были другомъ Наполеона, и я также; я «былъ его другъ самый искренній; но невозмо«но жить въ мірѣ съ такимъ лживымъ человѣ«комъ. *Надобно съ нимъ кончить.*» Эти послѣднія слова открыли мнѣ глаза.

Начали разбирательство о трехъ возможныхъ видахъ правленія, въ вопросахъ, предложенныхъ самимъ Императоромъ Александромъ, такъ какъ я ихъ объяснилъ. Императоръ Александръ спросилъ Г. Талейрана, какое средство тотъ предполагалъ употребить, чтобы призвать Бурбоновъ. Я увѣренъ, что въ эту минуту Александръ дѣлалъ возраженія только для того, чтобы увидѣть, кто изъ окружающихъ его особъ будетъ сильнѣе настаивать. Г. Талейранъ увѣрялъ его, что если только рѣшительно это положатъ, то установленныя власти будутъ дѣйствовать съ такою правильностью, какую дозволятъ обстоятельства, и что онъ полагаетъ, что можетъ поручиться за согласіе Сената. Тогда Г. Талейранъ далъ говорить Аббату Луи и Аббату Прадту, которые вмѣстѣ съ Десоллемъ, наиболѣе настаивали въ пользу Бурбоновъ; я даже помню, что Г. Талейранъ совѣтовалъ Императору Александру спросить ихъ,

какъ лица, въ особенности занятыя благоденствіемъ Франціи, и знающія все, что дѣлается и что думаютъ. Кромѣ Французовъ тутъ были съ Императоромъ Александромъ, Король Прусскій, Князь Шварценбергъ, Г. Нессельроде, Г. Поццо-ди-Борго и Принцъ Лихтенштейнъ. Александръ не садился и ходилъ, какъ казалось, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ; однакоже онъ намъ сказалъ, возвысивъ голосъ: «Вы знаете «господа, что не я началъ войну; вы знаете, «что Наполеонъ пришелъ ко мнѣ; насъ при«вела сюда не жажда къ завоеваніямъ, ни же«ланіе отмстить; вы видѣли, что я дѣлаю для «сохраненія вашей столицы, этаго чуда искуствъ, «отъ ужасовъ грабежа, которому участь войны «ее бы подвергала. Ни мои союзники, ни я, «не ведемъ войны удовлетворенія, и мнѣ бы «очень прискорбно было, если бы сдѣлали ка«кой вредъ вашему великолѣпному городу. Мы «не воюемъ съ Франціею, повторяю вамъ, го«спода; намъ надобно сражаться съ двумя не«пріятелями; съ Наполеономъ и со всякимъ «врагомъ свободы Франціи, Вильгельмъ, и вы «Князь» (присовокупилъ Александръ, обращаясь къ Королю Прусскому и къ Князю Шварценбергу, представлявшему Австрійскаго Императора) «не правда ли, что я изъяснилъ и ваши чувства?» Оба объявили свое согласіе на все, что сказалъ Александръ, который нѣсколько разъ по-

вторялъ другими словами эту рѣчь, въ которой болѣе, и болѣе выражались великодушныя чувства; въ особенности онъ утверждалъ, что Франція совершенно свободна, и какъ скоро ея желанія будутъ совершенно извѣстны, то онъ и его союзники будутъ ихъ поддерживать, не стараясь имѣть какое либо вліяніе на то, или другое правительство.

Тогда Аббатъ Прадтъ сказалъ съ увѣрительнымъ видомъ, что мы всѣ Роялисты, такъ какъ и вся Франція; что во всемъ Парижѣ были тѣхъ же мыслей; что уже по утру Парижъ обнаружилъ свои чувствованія на пути Ихъ Величествъ, что сдѣлано будетъ еще болѣе торжественнымъ образомъ, когда желанія жителей не будутъ обуздываемы страхомъ. Онъ присовокупилъ, что Парижъ есть глава Франціи, и что во всѣхъ перемѣнахъ революціи, Франція всегда повиновалась тѣмъ движеніямъ, какія ей внушала столица.

Между тѣмъ Александръ, исчисляя еще при мнѣ разныя правительства, которыя бы могли въ настоящихъ обстоятельствахъ приличествовать Франціи, говорилъ и о поддержаніи Бонапарте на тронѣ, и о учрежденіи регенства, и о Бернадотѣ, и о призываніи Бурбоновъ; Талейранъ началъ говорить, и я не забылъ того, что онъ сказалъ Русскому Императору: «Государь, только есть двѣ возможныя вещи, или

«Бонапарте, или Лудовикъ XVIII. Бонапарте, «если вы можете; но вы не можете этаго, по«тому что не одни!... Кого бы захотѣли дать «на его мѣсто? ... Солдата? ... Мы не хо«тимъ ихъ болѣе, а если бы хотѣли, такъ оста«вили бы того, который у насъ есть: это пер«вый солдатъ на свѣтѣ. Послѣ него тѣ, кого «бы намъ предложили, не будутъ имѣть и де«сяти человѣкъ на своей сторонѣ. Я повторяю «Вамъ, Государь, все что не Лудовикъ XVIII «или Бонапарте, есть интрига.»

Эти примѣчательныя слова Принца Беневентскаго произвели надъ умомъ Императора Александра все то дѣйствіе, котораго мы могли надѣяться. По этому вопросъ сдѣлался проще, потому что сдѣлался двоякимъ, и такъ какъ было очевидно, что Александръ не хотѣлъ болѣе ни Наполеона, ни его фамиліи, то вопросъ этотъ сдѣлался единственнымъ; то есть въ отношеніи возстановленія Бурбоновъ. Александръ упрашиваемый всѣми нами, кромѣ Г. Талейрана, который хотѣлъ все оставить вопросъ не рѣшенымъ между Бонапарте и Лудовикомъ XVIII, только бы избрали одного кого либо изъ нихъ, Александръ наконецъ объявилъ, что не будетъ болѣе вести договоровъ съ Наполеономъ; а когда ему представили, что это объявленіе имѣетъ предметомъ исключеніе только особы Императора, не распространяясь на его

фамилію, онъ присовокупилъ: «Ни съ кѣмъ изъ фамиліи Наполеона.» И такъ съ тридцать перваго Марта Бурбоны опять сдѣлались Государями Франціи. Изо всѣхъ тогда сдѣланныхъ предложеній, самымъ пагубнымъ казалось мнѣ предложеніе о регенствѣ. Въ этомъ случаѣ все, какъ бы остановилось. Въ самомъ дѣлѣ, какое пространство оставить этой смѣшенной власти, которая сдѣлалась бы ни чѣмъ, если бы Наполеонъ пересталъ быть ея душею? Какъ увѣриться въ томъ, что когда союзники уѣдутъ, то Бонапарте не явится опять, чтобы сдѣлаться главою правительства и не начнетъ опять дѣлать великія безумства, причинившія его паденіе?

Наглядѣвшись, какъ я сказалъ, на то зрѣлище, какое представлялъ мнѣ Парижъ, а въ особенности на булеварахъ, когда поѣздъ Государей миновалъ новую Луксамбургскую улицу, я отправился въ Сенъ-Флорентинскую улицу въ домъ Г. Талейрана, чтобы поспѣть туда прежде Императора Александра, который туда пріѣхалъ, около четверти втораго часа. По прибытіи его, начались описанныя мною совѣщанія, которыя продолжались до трехъ часовъ. Тутъ Императоръ Александръ подписалъ декларацію, въ которой было сказано: «что условія мира должны «заключать сильнѣйшія обезпеченія, если положено будетъ обуздать Наполеоново честолюбіе;

«онѣ должны быть выгоднѣе, когда, возвратясь «къ благоразумному правленiю. Францiя сама «представить обезпеченiе въ спокойствiи.

«Государи объявляютъ, что они не станутъ «болѣе договариваться ни съ Наполеономъ Бо«напарте, ни съ кѣмъ изъ его фамилiи.

«Что они уважаютъ цѣлость прежней Фран«цiи, каковою она была подъ правленiемъ сво«ихъ законныхъ Государей; они даже могутъ «сдѣлать болѣе, потому что по ихъ правиламъ «надобно, чтобы Францiя была велика и «сильна.

«Что они признаютъ и обезпечатъ ту кон«ституцiю, какую дастъ себѣ Французская на«цiя По сему поводу они приглашаютъ Сенатъ «назначить теперь же временное правленiе, ко«торое бы могло удовлетворить потребности по «дѣламъ и приготовить конституцiю, приличную «Французскому народу.

«Изъясненныя мною намѣренiя раздѣляютъ «со мною всѣ союзныя Державы.

Парижъ 31 Марта, послѣ полудня.

АЛЕКСАНДРЪ.

Я не могу удержаться, чтобы не упомянуть здѣсь о томъ, съ какою поспѣшностью, съ какою торопливостью, Лаборiй, котораго Г. Талейранъ въ послѣдствiи назначилъ въ должность Секретаря времяннаго правительства, бросился изъ комнаты, когда ему отдали дек-

ларацію Императора Александра. Онъ побѣжалъ въ Типографію, гдѣ эта бумага была напечатана такъ скоро, что много что чрезъ часъ она была прибита ко всякой стѣнѣ въ Парижѣ.

Эта декларація произвела чудесное дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ она все кончила разомъ, и очевидно показывала, какъ были бы тщетны покушенія тѣхъ, которые бы затѣвали ковы съ противною цѣлію. Ничто не препятствовало вѣрить слову Александра; и имѣли причины думать, что Франція при новомъ правительствѣ, или находясь опять подъ скиптромъ Бурбоновъ, получитъ выгоднѣйшія условія, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы союзники вели переговоры съ Наполеономъ.

Въ вечеру тридцать перваго Марта, я опять былъ у Г. Талейрана. Императоръ Александръ прибылъ туда въ одиннадцать часовъ вечера; онъ подойдя ко мнѣ, сказалъ: «Г. Буріеннъ, надобно чтобы вы приняли на себя главное управленіе почтами.» Я не могъ отказаться отъ такого положительнаго приглашенія Императора; къ тому же Лаваллетъ уѣхалъ на канунѣ, и дѣла бы на другой день остановились, что было бы чрезвычайно предосудительно движенію возстановленія, которому мы хотѣли способствовать. Я тотчасъ поѣхалъ въ домъ въ улицѣ Ж Ж. Руссо, гдѣ я дѣйствительно нашелъ, что

не только не было приказанія объ отправленіи на другой день почты, но было еще и запрещеніе. Я въ туже ночь былъ у управляющихъ, которые по моему приглашенію собрались. При ихъ пособіи, я успѣлъ собрать къ слѣдующему утру всѣхъ Чиновниковъ на ихъ мѣста; я устроилъ дѣлопроизводство, и почта отправилась перваго Апрѣля точно также, какъ-то обыкновенно бывало. Таковы мои воспоминанія о тридцать первомъ Мартѣ.

ГЛАВА III.

Самая важная вещь получена отъ Александра. — Погрѣшность, какую сдѣлалъ Наполеонъ удаливъ Императрицу изъ Парижа. — Основаніе и составъ временнаго правительства. — Снисхожденіе Сената. — Аббатъ Прадтъ въ почетномъ легіонѣ. — Увеличеніе числа приверженцевъ къ Бурбонамъ. — Ложное мнѣніе о поведеніи Австрійскаго Императора, и моя въ этомъ отношеніи увѣренность. — Югъ Франціи обнаруживаетъ себя за Бурбоновъ. — Порученіе данное Наполеономъ Коленкуру. — Подробности этого порученія. — Коленкуру предшествуетъ градское Начальство. — Слова Александра депутаціи и Наполеонову посланному. — Свиданіе въ Парижѣ. — Полномочіе Коленкура. — Привѣтствіе Александра Сенатской депутаціи. — Неудовольствіе, причиняемое присутствіемъ Коленкура въ Парижѣ, и приказаніе выѣхать. — Нерѣшимость Г. Талейрана между Бонапарте и Бурбонами. — Возвращеніе Коленкура въ Фонтенебло.

Самое важное дѣло, которое надобно было получить отъ Императора Александра, это была декларація, которую я помѣстилъ въ предъидущей главѣ; остальное казалось долженствова-

ло идти само собою. Тогда-то особы, оставшiеся приверженными къ дѣлу Бонапарте увидѣли, какую важную онъ сдѣлалъ ошибку, удаливъ изъ Парижа свою жену и сына. Если бы было правительство, то принуждены бы были договариваться съ этимъ правительствомъ; но нельзя было дать этого имени однимъ Начальникамъ, оставшимся при должностяхъ, Сенскому Префекту и Префекту Полицiи, которые впрочемъ были на сторонѣ призванiя Бурбоновъ. Такъ какъ Государство не можетъ существовать безъ правительства, а всѣ министры уѣхали въ Блоа, то надлежало заняться учрежденiемъ временнаго правительства, или, лучше сказать, утвердить это правительство, которое, какъ я слышалъ, создало само себя и за ранѣе. Сенату однакоже предоставили честь назначить членовъ по собственному ихъ избранiю, справедливо предполагая, что при перемѣнѣ властителя, онъ не слагаетъ съ себя обязанностей своихъ. Г. Талейранъ сдѣланъ предсѣдателемъ правительства; другiе члены были Генералъ Бернонвиль, Графъ Францискъ Жокуръ, Герцогъ Далбергъ, женатый на дочери госпожи Бриньоле, одной изъ Женевскихъ дамъ Марiи Луизы, и Аббатъ Монтескю. Этотъ правительственный совѣтъ сдѣлалъ Министрами Финансовъ Аббата Луи, Морскимъ Г. Малуэ, военнымъ Генерала Дюпона, Полицiи Г. Англе-

са, Командующимъ народною гвардіею Генерала Дессоля, и Великимъ Канцлеромъ Почетнаго Легіона, Аббата Прадта. Выше видѣли, какимъ образомъ я самъ попалъ въ должность Главнаго Директора почтъ; но можно замѣтить, что между членами временнаго правительства, были два Аббата, Аббатъ Монтескю и Аббатъ Прадтъ, что странно противорѣчило обычаямъ прежняго правительства. По какому-то странному случаю тутъ именно были тѣ, которые служили обѣдню на Марсовомъ полѣ въ день первой федераціи.

Сенатъ, увлекаясь силою своихъ одобрительныхъ привычекъ, никакъ не осмѣлился сдѣлать какое нибудь измѣненіе, въ данномъ ему для составленія временнаго правительства спискѣ, и чтобы слѣдовать прежнимъ своимъ путемъ, онъ превратилъ въ декретъ декларацію союзниковъ, такъ что съ этой минуты, партія желающихъ Бурбоновъ очевидно увеличивалась. Въ рѣшительныя минуты, всегда есть мгновенія посвященныя неизвѣстности, потому что возлѣ надежды, подаваемой новымъ правительствомъ, былъ страхъ увидѣть, что падшее правительство возстанетъ изъ своихъ развалинъ; но какъ скоро не представлялось болѣе опасности объявить себя за Бурбоновъ, то они сдѣлались предметомъ восторга многихъ такихъ людей, которые за двадцать четыре часа и не слыхали

объ нихъ. Я смѣю сказать, что какого бы ни были мнѣнія о Наполеонѣ, въ его ли пользу или напротивъ, выборъ одного изъ членовъ временнаго правительства былъ всѣми осуждаемъ; почитали за насмѣшку для Почетнаго Легіона то, что ему назначили Аббата Великимъ Канцлеромъ; но Аббатъ Прадтъ показалъ столько усердія къ ниспроверженію Наполеона, столько привязанности къ Бурбонамъ, что нельзя было не дать ему чего нибудь; все бы можно было избрать для него высшую должность, менѣе не совмѣстную съ духовнымъ саномъ, въ который онъ былъ облеченъ, а особливо если принять въ разсужденіе тогдашній образъ мыслей.

Людямъ недовольнымъ событіями и дѣйствіями тридцать перваго Марта, подпорою въ ихъ напрасныхъ надеждахъ, было только предположеніе, что Австрійскій Императоръ отстанетъ отъ своихъ союзниковъ, или по крайнѣй мѣрѣ не будетъ дѣйствовать за одно съ ними для сверженія съ трона своей дочери, съ намѣреніемъ возстановить Бурбоновъ. Я уже имѣлъ случай говорить объ этомъ Государѣ, воспитанномъ въ правилахъ второй политики своего дома и преданномъ древнимъ правиламъ своего кабинета. Я старался вывести изъ заблужденія нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ, которые раздѣляли такое мнѣніе, и сказалъ имъ, сколько не

основательно было ихъ предположеніе, потому что я навѣрное зналъ, что Императоръ Францъ, былъ совершенно согласенъ съ союзниками. Желая не имѣть никакой скрытной мысли по этому предмету, я дозволилъ себѣ, разговаривая съ Императоромъ Александромъ, доложить ему о слухахъ, которые я собралъ относительно отсутствія Австрійскаго Императора; не помню его отвѣта отъ слова до слова, но по немъ я могъ заключить съ достовѣрностью, что Францъ II ни сколько непротивъ ниспроверженія своего зятя; но что его удаленіе отъ мѣста разсужденій имѣло поводомъ только какую-то совѣстливость, по причинѣ родства его съ Наполеономъ; онъ не хотѣлъ лично присутствовать при паденіи своего зятя, ни показать видъ, что беретъ прямое участіе въ рѣшимости, на которую далъ свое согласіе. Такая уловка обманула иныхъ, и можно полагать бы, что въ послѣдствіи обманула и самого Наполеона, если бы на другой годъ, онъ дѣйствительно повѣрилъ, что Австрійскій Императоръ дозволитъ возвратиться во Францію его женѣ и сыну.

Между тѣмъ, какъ эти вещи происходили въ Парижѣ, южная Франція объявила себя за Бурбоновъ, и многіе города тамъ послѣдовали примѣру, данному городомъ Бордо 12 Марта. Въ это же время положеніе Наполеона станови-

лось съ каждою минутою затруднительнѣе и хуже. Ахъ! если бы я могъ читать въ его мысляхъ въ эти дни скорби, сколько бы я могъ сказать! Какія мысли долженствовали волновать его душу, въ ней тѣсниться и бороться, когда онъ узналъ о капитуляціи Парижа! Онъ послалъ Коленкура въ главную квартиру Императора Александра, куда Коленкуръ пріѣхалъ въ ночи съ тридцатаго на тридцать первое Марта; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ быть принятымъ отъ Императора Александра, сей послѣдній принялъ уже правительственный Совѣтъ и двухъ префектовъ.

Вотъ какія тогда дошли до меня подробности о порученіи, сдѣланномъ Коленкуру къ Императору Александру. Хотя я не видалъ его пока онъ оставался въ Парижѣ тридцатаго Марта, но я узналъ, что онъ въ тотъ же вечеръ видѣлъ ясно, что многіе уже объявили себя противъ Императорскаго правленія, и онъ даже думалъ, что дѣло зашло далѣе, чѣмъ то въ самомъ дѣлѣ было. Меня не было у Г. Талейрана тогда какъ онъ къ нему пріѣхалъ; я уже чрезъ нѣсколько часовъ узналъ о томъ, въ какомъ онъ былъ заблужденіи. Но такъ какъ впрочемъ у него было порученіе только въ главную квартиру Русскаго Императора, то онъ туда и поспѣшилъ; и пріѣхалъ туда, какъ я уже сказалъ, послѣ градскаго Совѣта города

Парижа подъ предводительствомъ Г. Шаброля. Въ первую минуту Александръ, показался удивленнымъ, увидя градской Совѣтъ и не сдѣлалъ ему такого пріема, какой ожидали; но это первое движеніе было мгновенно, и потомъ Александръ сказалъ депутаціи: «Вы меня видите, «господа, предъ вратами вашей столицы; участь «оружія доставила мнѣ это, и я могу войти. Я «войду завтра, но я не врагъ Французской на«ціи, потому что у меня во Франціи только «одинъ непріятель, съ которымъ мнѣ надобно «сражаться. Жалѣю о бѣдствіяхъ, которыя онъ «навлекъ на васъ и я постараюсь облегчить «ихъ сколько возможно будетъ. Я поставлю въ «Парижѣ какъ можно менѣе войска; остальныя «будутъ расположены въ окрестностяхъ. Много «ли у васъ казармъ въ Парижѣ?—Государь, от«вѣчалъ префектъ, есть тысячъ на десять че«ловѣкъ.—Тѣмъ лучше; легче будетъ жителямъ, «которымъ ни я, ни союзники мои не желаемъ «никакого зла. Вы можете ихъ въ томъ увѣ«рить со стороны союзниковъ и съ моей.» Такъ говорилъ Алекандръ градскому Совѣту, не упоминая ничего о своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ.

Только послѣ этаго пріема Коленкуръ могъ увидѣть Русскаго Императора. Александръ, очень любившій его лично, принялъ его съ благоволеніемъ, какъ человѣка, а не такъ какъ Напо-

леонова посланнаго; онъ ему сказалъ только, заставивъ долго подождать: «Вы пріѣхали въ «пору, тогда какъ уже пособить не чѣмъ. Те«перь я съ вами говорить не могу; поѣзжайте «въ Парижъ, тамъ я съ вами увижусь.» Слова эти мало оставили Коленкуру сомнѣнія на счетъ послѣдствій его порученія; Императоръ далъ ему неограниченное полномочіе и назначилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ главнымъ Коммисаромъ въ Парижѣ на время пребыванія иностранцевъ въ столицѣ; но эта важная должность осталась ему ненадолго, потому что Коленкуръ не могъ увидѣть Императора Александра у Г. Талейрана прежде, чѣмъ была подписана вышеупомянутая декларація; къ тому же слышали и другія слова Монарха, а эти слова служили основаніемъ справедливымъ надеждамъ. Положивъ даже, что Александръ не имѣлъ твердаго намѣренія возстановить домъ Бурбоновъ, что тогда было и правда, можно ли отрицать давнишнее его желаніе перемѣнить династію во Франціи? Абовское свиданіе имѣло ли что другое въ предметѣ, и не прошло ли послѣ того три года, какъ Императоръ вступилъ въ Парижъ?

Въ это время рѣчи Александра были во всѣхъ обстоятельствахъ одинаковы; читатели видѣли, какъ онъ говорилъ съ нами у Г. Талейрана. Вотъ что онъ сказалъ Сенатской депутаціи, на

которую возложено было представить ему положеніе о временномъ правительствѣ: «Человѣкъ, называвшійся моимъ союзникомъ, пришелъ въ мое Государство, какъ несправедливый зачинщикъ ссоры; съ нимъ я веду войну, а не съ Франціею. Я другъ Французскаго народа; сдѣланное вами удвоиваетъ еще эти чувства: справедливо, благоразумно дать Франціи учрежденія, которыя бы согласовались съ настоящимъ просвѣщеніемъ. Мои союзники и я, мы пришли сюда только для того, чтобы поддержать ваши рѣшенія.»

Коленкуру извѣстны были намѣренія Александра; разговоръ, который они имѣли между собою, остался тайною для всѣхъ, потому что ни Александръ, ни Герцогъ Виценскій намъ объ немъ не говорили; но все мы могли заключать по нѣсколькимъ вырвавшимся у Русскаго Императора словамъ, что онъ принялъ Коленкура такъ какъ частнаго человѣка, котораго любилъ, а не такъ какъ посланника отъ Наполеона, котораго власти онъ не могъ болѣе дѣйствительно признавать послѣ своей декларацiи. Между тѣмъ временное правительство смотрѣло неблагопріятнымъ окомъ на Коленкурово пребываніе въ Парижѣ; безъ настоящей пользы дѣлу Наполеона, это пребываніе могло только продолжить нерѣшимость нѣкоторыхъ робкихъ людей, и я помню

что Аббатъ Прадтъ принялъ на себя въ этомъ случаѣ говорить Александру, потому что, какъ я уже замѣтилъ, Г. Талейранъ оставался до того почти постороннимъ въ дѣлахъ, имѣвшихъ непосредственно въ предметѣ ниспроверженіе Императора. Аббатъ Прадтъ сказалъ Императору, что, какое бы ни было сдѣлано предложеніе, мнѣнія не объявятъ, пока не удостовѣрятся на счетъ его собственныхъ мыслей, и что пребываніе Г. Коленкура въ Парижѣ охлаждало всѣхъ.

Александръ согласился съ мнѣніемъ временнаго правительства, изъясненнымъ чрезъ посредство Аббата Прадта. Онъ велѣлъ Г. Коленкуру выѣхать изъ Парижа, объявивъ ему, что союзникамъ нечего было отвѣчать по порученію, сдѣланному ему Императоромъ Наполеономъ. По сему Г. Коленкуръ выѣхалъ изъ столицы и возвратился къ Императору, который тогда имѣлъ свое пребываніе въ Фонтенебло.

ГЛАВА IV.

Положеніе Наполеона во время Парижскихъ происшествій. — Бонапарте въ Троа тридцатаго Марта. — Десять миль въ два часа.—Прибытіе въ Санъ.— Императоръ въ тележкѣ.— Наполеонъ въ Фроадманто.— Генералъ Белліаръ и первыя извѣстія о Парижскомъ сраженіи.— Карты и цвѣтныя булавки.—Колеикуръ посланъ въ Парижъ. — Скорый отъѣздъ въ Фонтенебло. — Бонапарте запирается на цѣлый день въ своемъ кабинетѣ. — Мармонъ призванъ въ Фонтенебло.— Подробности, доставленныя Императору.—Планы нападенія на Парижъ и мысль отступить за Лоаръ. — Дурной успѣхъ Колеикурова посольства.—Прибытіе головъ колоннъ въ Фонтенебло.—Рѣчь Императора гвардіи.— Наполеонъ утверждаетъ о своемъ желаніи мира. — Бѣлая кокарда и преданность гвардіи.— Благородное поведеніе Генераловъ въ арміи.—Ослабленіе умственныхъ способностей Наполеона.— Что мнѣ сказалъ Маршалъ Лефебръ о Наполеонѣ.

Теперь я разскажу, что дѣлалъ Императоръ въ то время, какъ мы были заняты въ Парижѣ новою участью, какую надѣялись доставить Франціи. У меня было довольно пріятелей въ главной квартирѣ Императора, и потому я могъ быть увѣренъ, что не обманываюсь, полагаясь на сдѣланныя ими мнѣ въ то время разсказы которыхъ, признаюсь, я очень жадни-

чалъ, по тому что я занимался не только тѣмъ, что видѣлъ въ Парижѣ, будучи совершенно убѣжденъ, что если бы и было какое препятствiе паденiю Имперiи, то препятствiе это могло случиться только отъ какой нибудь мгновенной рѣшимости, какiя родились въ Наполеоновомъ умѣ внезапно.

Тридцатаго Марта утромъ, когда сраженiе подъ стѣнами Парижа было въ самомъ пылу, Бонапарте находился еще въ Троа; онъ выѣхалъ изъ этаго города въ десять часовъ, въ сопровожденiи только Бертрана, Коленкура, двухъ Адъютантовъ и двухъ ординарцевъ. Онъ не болѣе двухъ часовъ ѣхалъ первыя десять миль, каковой переѣздъ онъ и его слабое прикрытiе сдѣлали на однѣхъ лошадяхъ не слезая. Императоръ никому изъ сопровождавшихъ его такимъ образомъ не сдѣлалъ довѣренности о томъ, куда онъ направляетъ путь свой и они прiѣхали въ Санъ въ первомъ часу по полудни. Многiе жители этаго города, съ которыми я послѣ видѣлся, увѣряли меня, что у него былъ еще очень спокойный видъ, и что онъ останавливался неболѣе полчаса. Все было въ такомъ безпорядкѣ, что нельзя было приготовить для Императора экипажей; онъ былъ принужденъ сѣсть и со свитою своею въ дурную тѣлежку, и въ такомъ-то экипажѣ Государь, до того столь великiй и

котораго роскошь изгладила даже воспоминанія о пышности Лудовика XIV, прибылъ въ первомъ часу утра въ Фроадмаито, въ четырехъ миляхъ отъ Парижа.

Тамъ Императоръ услышалъ отъ Генерала Белліара, который велъ артиллерійскую колонну, первыя извѣстія о Парижскомъ сраженіи. Отъ одной бывшей при немъ особы, я слышалъ, что онъ узналъ объ этомъ событіи съ спокойствіемъ, вѣроятно притворнымъ, для того, чтобы не привести въ уныніе его окружающихъ. Онъ болѣе четверти часа прохаживался по большой дорогѣ, разговаривая съ Белліаромъ и послѣ такой прогулки послалъ Коленкура въ Парижъ съ порученіемъ, о которомъ я говорилъ. Послѣ этаго Наполеонъ вошелъ въ почтъмейстерскій домъ и велѣлъ принести свои карты, на которыхъ онъ, по своему обыкновенію означалъ разныя позиціи своихъ и непріятельскихъ войскъ булавками, у которыхъ головки обмазаны были воскомъ разнаго цвѣта. Послѣ такой работы, которою Наполеонъ занимался ежедневно, а иногда и нѣсколько разъ на день, онъ сѣлъ въ карету и отправился въ Фонтенебло, куда прибылъ въ шесть часовъ утра. Онъ не велѣлъ отпирать большихъ комнатъ замка, а помѣстился, или лучше сказать, пріютился въ маленькой любимой имъ горницѣ (*).

(*) Это маленькая комната въ первомъ этажѣ, смѣжная съ галлереею, которая называется галлереею Франциска перваго; тамъ Христина велѣла казнить Мональдечи.

Наполеонъ по прiѣздѣ заперся въ своемъ кабинетѣ и пробылъ тамъ одинъ цѣлый день тридцать перваго Марта.

Такъ-то Фонтенебло сдѣлался послѣднею Императорскою главною квартирою. Ввечеру тридцать перваго числа, Императоръ послалъ за Герцогомъ Рагузскимъ въ Эссону, куда онъ привелъ свои войска, которыя на основанiи Парижской капитуляцiи должны были выдти изъ столицы минувшею ночью. Маршалъ, немедленно выполняя повелѣнiя Императора, прiѣхалъ въ Фонтенебло перваго Апрѣля между двухъ и трехъ часовъ утра; тутъ Наполеонъ узналъ всѣ подробности событiй тридцатаго числа, и, какъ я уже сказалъ, хвалилъ очень Мармонта за прекрасное его поведенiе предъ Парижемъ. Я не стану болѣе говорить объ этомъ, такъ какъ и о томъ, что я разсказывалъ о поѣздкѣ, сдѣланной Императоромъ на другой день для осмотра корпуса Герцога Рагузскаго, и во время которой онъ узналъ отъ Полковниковъ Фавье и Дениса о произшествiяхъ тридцать перваго числа, о которыхъ въ то время и Маршалъ ничего не зналъ.

Тридцать перваго числа прибывали въ Фонтенебло одинъ за другимъ и Маршалъ Монсей, который предводительствуя народною гвардiею, защищалъ заставу Клиши, и Маршалъ Лефевръ, который не смотря на свою старость служилъ

лично въ послѣднюю кампанію, и Герцогъ Реджіо, котораго однажды Г. Талейранъ при мнѣ назвалъ Баярдомъ; наконецъ Принцъ Невшательскій возвратившійся изъ Троа, гдѣ его оставилъ Императоръ. Г. Маре былъ тогда единственный Министръ, котораго имѣлъ при себѣ Наполеонъ; Коленкура онъ послалъ съ порученіемъ въ Парижъ, а другимъ Министрамъ приказано было ѣхать къ Маріи Луизѣ въ Блоа. При этомъ случаѣ я вспоминаю, какъ Савари, въ послѣдній разъ какъ я его видѣлъ, казался мнѣ опечаленъ тѣмъ, что не имѣлъ дозволенія ѣхать къ Императору. Все было печально и угрюмо въ Фонтенебло; однакоже Императоръ сохранялъ еще тамъ свою власть, и меня увѣряли, что онъ даже нѣсколько времени размышлялъ о томъ, отступить ли ему за Лоару или покуситься немедленно сдѣлать отчаянный ударъ на Парижъ, что было болѣе въ его характерѣ, чѣмъ оставаться неопредѣленное время выжидая случая. Это намѣреніе ласкало его, и онъ нешутя занялся своими планами атаки, когда извѣстія тридцать перваго числа, и дурной успѣхъ посольства Коленкурова, заставили его подумать, что его положеніе гораздо отчаяннѣе, чѣмъ онъ до того воображалъ себѣ. Но все, что онъ узнавалъ о Парижскихъ происшествіяхъ, только что болѣе и болѣе его раздражало, и если бы въ эти минуты гнѣва,

Маршалы были одушевляемы необдуманною рѣвностью молодыхъ окружавшихъ Императора Офицеровъ, то на вѣрное онъ далъ бы волю безполезной мстительности, потому что, повторю еще разъ, паденіе Наполеона сдѣлалось неизбѣжнымъ.

Между тѣмъ головы колоннъ, которыя Императоръ оставилъ въ Троа пришли перваго Апрѣля въ Фонтенебло, при чемъ превзошли все, что извѣстно о самыхъ скорыхъ движеніяхъ арміи; эти войска менѣе чѣмъ въ три дня прошли пятдесятъ миль. Втораго Апрѣля Наполеонъ объявилъ окружавшимъ его Генераламъ о Парижскихъ происшествіяхъ, строго приказавъ имъ скрывать про нихъ отъ арміи, въ томъ опасеніи, что эти извѣстія могли ослабить солдатскій духъ, на который онъ еще хотѣлъ полагаться. Онъ въ тотъ же день сдѣлалъ смотръ на дворцовомъ дворѣ; собравъ своихъ гвардейскихъ Офицеровъ, сказалъ имъ съ твердымъ видомъ:

«Солдаты, непріятель опередилъ насъ тремя «маршами и завладѣлъ столицею — надобно его «оттуда выгнать. Недостойные Французы, эми«гранты, которымъ мы простили, надѣли бѣ«лую кокарду и присоединились къ непріяте«лямъ. Подлые! они получатъ награду за это «новое покушеніе. Поклянемся побѣдить, или «умереть, и заставить уважать эту трехъ-цвѣт-

«ную кокарду, которая уже двадцать лѣтъ ви-«дитъ насъ на пути славы и чести.»

Не довольствуясь этою рѣчью, которую онъ велѣлъ помѣстить въ дневномъ приказѣ по арміи, онъ, какъ я то знаю отъ заслуживающаго довѣрія человѣка, чтобы склонить Генераловъ содѣйствовать его безумнымъ видамъ на Парижъ, покушался увѣрить ихъ, что онъ отъ прямой души старался заключить миръ, говоря имъ, что онъ предлагалъ Императору Александру купить этотъ миръ большими пожертвованіями; что онъ соглашался отказаться даже отъ завоеваній, сдѣланныхъ во время революціи и предоставить себѣ прежнія границы Франціи. «Александръ отказалъ мнѣ, присово-«купилъ Наполеонъ; не довольствуясь такимъ от-«казомъ, онъ бросился въ объятія кучки эмигран-«товъ, которымъ я, можетъ быть, худо сдѣлалъ, «что простилъ то, что они служили противъ «Франціи. По ихъ вѣроломнымъ внушеніямъ, «Александръ дозволилъ надѣть бѣлую кокарду «въ Парижѣ; мы сохранимъ нашу и черезъ нѣ-«сколько дней я пойду на Парижъ; я полагаюсь «на васъ!»

Кто знаетъ, какова была неограниченная преданность гвардіи къ Императору, тотъ не удивится, что эти послѣднія слова, сказанныя возвышеннымъ голосомъ всѣмъ его окружавшимъ, произвели такъ сказать электрическое

движенiе восторга въ рядахъ гвардейцевъ; эти старые товарищи славы ихъ главы, вскричали въ одинъ голосъ: «Парижъ! Парижъ!» но по счастiю въ слѣдующую ночь Генералы, посовѣтовались между собою, увидѣли, въ какую ужасную пропасть они низвергнутъ сердце отечества, и рѣшились объяснить ему въ самыхъ умѣренныхъ выраженiяхъ, что они не хотятъ подвергать Парижъ раззоренiю, и такая умѣренность мало по малу вкралась въ духъ солдатъ, и третьяго числа уже болѣе благоразумныя мысли замѣнили вчерашнiй безумный восторгъ. Поведенiе Наполеона въ этомъ случаѣ доказало мнѣ то, въ чемъ меня многiе уже увѣряли, то есть, что на его имѣли влiянiе всѣ огорченiя, испытанныя имъ въ нѣсколько мѣсяцевъ; во всякое другое время, съ его предпрiимчивостью и рѣшительностью, онъ ничего не сказалъ бы своимъ войскамъ о Парижскихъ произшествiяхъ; онъ бы не говорилъ имъ о намѣренiи идти къ столицѣ, а пошелъ бы предводительствуя ими, и они полные слѣпой довѣренности къ своему Генералу, тогда бы повиновались; по крайней мѣрѣ я въ томъ увѣренъ; провидѣнiю должно быть благодарнымъ за то, что онъ не дѣйствовалъ, а говорилъ.

Собранные въ Фонтенебло остатки армiи, остатки отъ миллiона людей, набранныхъ за

пятнадцать мѣсяцевъ, состояли только изъ корпусовъ Герцога Реджіо, Нея, Макдональда и Генерала Жерара, и вообще простирались до двадцати пяти тысячъ человѣкъ, къ которымъ прибавивъ остальные семь тысячъ гвардіи, у Императора не было болѣе тридцати двухъ тысячъ войска, которымъ бы онъ могъ располагать. По истинѣ можно считать за слѣдствіе безумія или отчаянія, намѣреніе восторжествовать съ такими малыми способами надъ громадами иностранныхъ войскъ, занимавшихъ Парижъ и окружавшихъ его. Большую часть этихъ подробностей я знаю отъ Маршала Лефевра; я видѣлся съ нимъ скоро послѣ того: этотъ превосходный человѣкъ, служившій Франціи, ни когда, такъ какъ и Массена, не любилъ Бонапарте. Храбрый Маршалъ Лефевръ показывалъ ко мнѣ всегда много пріязни и часто говорилъ мнѣ со своимъ Нѣмецкимъ выговоромъ, который у него былъ еще замѣтнѣе чѣмъ у Раппа: «Эта с.... не будетъ до тѣхъ «поръ доволенъ, пока не дастъ перебить до по«слѣдняго.» Лефевръ сказалъ мнѣ, что Наполеонъ изумился, когда узналъ съ какимъ пренебреженіемъ Александръ отказался выслушать порученное Коленкуру изъясненіе. Онъ мнѣ говорилъ еще, что время отъ времени уничиженіе уступало мѣсто гнѣву, и что тогда, въ особенности Наполеонъ говорилъ о движеніи

на Парижъ съ остающимися у него войсками; но по счастію для Франціи, ни одинъ изъ Маршаловъ безъ исключенія, не былъ расположенъ способствовать ему въ его намѣреніяхъ безполезной мести.

Digitized by Google

++

ГЛАВА V.

Объявленный Сенатомъ актъ о лишеніи правъ.—Адресъ временнаго правительства къ Французской арміи.—Письмо мое къ Мармонту.—Генералъ Дессоль на сторонѣ Бурбоновъ.—Посольство Монтессюи въ Эссону.—Согласіе мыслей моихъ съ мыслями Дессоля. — Пробужденныя воспоминанія объ отечествѣ.—Переписка у Мармона съ Шварценбергомъ. —Какъ странно Маршалъ Макдональдъ узнаетъ о занятіи Парижа.—Приписка Бутье.—Опасенія на счетъ столицы Герцога Тарантскаго.— Макдональдъ въ Фонтенебло.—Горячій разговоръ съ Императоромъ.—Отчаянныя намѣренія Наполеона.—Письмо Бернонвиля, и дѣйствіе, произведенное Парижскими извѣстіями.—Первое отреченіе подъ условіемъ учрежденія регенства.--Ограничивательныя выраженія.—Мечты Бонапарте. — Ложная радость отъ невѣрнаго донесенія.—Наполеонъ хочетъ взять обратно свой актъ отреченія.—Отказъ Маршаловъ. — Макдональдъ, Ней и Коленкуръ Императорскіе коммисары. — Макдональда отзываютъ.—Наполеонъ признается, въ чемъ виноватъ.—Императорскіе коммисары въ Эссонѣ.—Что мнѣ сказалъ о Мармонтѣ Князь Шварценбергъ.

Втораго Апрѣля, Сенатъ издалъ слѣдующее постановленіе:

1. Наполеонъ Бонапарте лишается престола

и право наслѣдства, установленное въ его фамиліи уничтожается.

2. Народъ Французскій и армія освобождается отъ присяги на вѣрность Наполеону Бонапарте.

3. Настоящее постановленіе будетъ передано Временному Французскому Правительству, а потомъ разослано по всѣмъ Департаментамъ, и немедленно обнародовано во всѣхъ частяхъ столицы.

Предсѣдатель и Секретари, БАРТЕЛЕМИ, Графъ де ВАЛАНСЪ, НАСТОРЕ.

Получивъ этотъ актъ, и не ожидая утвержденія его отъ Законодательнаго Корпуса, которое послѣдовало на другой день, Временное Правительство обнародовало того же числа, слѣдующій адресъ къ Французскимъ арміямъ:

«Солдаты,

«Франція сокрушила иго, подъ которымъ «она стенала столько лѣтъ вмѣстѣ съ вами.

«Вы никогда не дрались иначе, какъ за отечество; теперь только противъ него можете сражаться подъ знаменами предводительствующаго вами человѣка.

«Взгляните на то, что вы претерпѣли отъ «его тиранства. Нѣкогда васъ было милiонъ, и «почти всѣ погибли: ихъ предали мечу непріятелей, безъ продовольствія, безъ госпиталей;

«ихъ осудили погибнуть отъ бѣдности и голода.

«Солдаты, пора положить конецъ бѣдствіямъ «отечества. Миръ въ рукахъ вашихъ; откажете «ли вы въ немъ сѣтующей Франціи! Самые не«пріятели у васъ его требуютъ. Они съ при«скорбіемъ видятъ, какъ раззоряютъ здѣшнюю «прекрасную страну, и хотятъ ополчаться толь«ко на вашего и нашего притѣснителя. Не уже«ли вы будете глухи къ голосу отечества, ко«торое васъ призываетъ и упрашиваетъ! Оно «говоритъ вамъ чрезъ посредство своего Сената, «своей столицы, и въ особенности чрезъ по«средство своихъ бѣдствій; вы его благороднѣй«шія дѣти, и не можете принадлежать тому, «кто его раззорилъ, предалъ безъ оружія, безъ «защиты; кто хотѣлъ сдѣлать имя ваше не«навистнымъ у всѣхъ народовъ, и кто, можетъ «быть унизилъ вашу славу, если человѣкъ, ко«торый даже не Французъ, могъ уменьшить «честь нашего оружія и великодушіе солдатъ «нашихъ.

«Вы болѣе не Наполеоновы солдаты. Сенатъ «и вся Франція освобождаетъ васъ отъ присяги «вашей.

«Члены Временнаго Правительства:

Принцъ БЕНЕВЕНТСКІЙ. — Генералъ БЕРНОНВИЛЬ.—Франсоа ЖОКУРЪ.—Аббатъ МОНТЕСКЮ.—Герцогъ АЛБЕРГСКІЙ. — Помощникъ Секретаря ЛАБОРИ.

Этотъ адресъ долженствовалъ быть разосланъ къ Маршаламъ, и естественно дошелъ прежде къ тѣмъ, которые были ближе къ столицѣ; изъ сего числа былъ Мармонъ, котораго покорность къ Императору, мы видѣли, что уступала только предъ священными пользами отечества. Монтескю поручено было отъ Временнаго Правительства доставить ему оный, а чтобы усугубить еще въ немъ ту преданность къ Франціи, которая у него брала верхъ надъ всѣми драгоцѣннѣйшими личными уваженіями, я далъ Монтескю письмо къ Мармонту. Въ этомъ письмѣ я ему сказалъ:

«Другъ, любезный другъ, говоритъ мнѣ, что «онъ поѣдетъ къ вамъ, и передастъ вамъ воспо«минаніе моей дружбы. Оно будетъ имѣть влія«ніе на вашу рѣшимость; одного слова доволь«но, чтобы убѣдить васъ пожертвовать всемъ «для счастія страны вашей. Вы такой хорошій «Французъ, такой благородный воинъ, не по«боитесь ни опасностей, ни препятствій, чтобы «упрочить ей это счастіе. Мы васъ ждемъ, же«лаемъ, и увидимъ; скоро, надѣюсь, вашъ другъ, «ваши друзья прижмутъ васъ въ своихъ объя«тіяхъ.

«Я васъ обнимаю такъ какъ люблю

«Б.»

2 Апрѣля.

Монтескю кромѣ моего письма взялъ еще

письмо къ Мармонту отъ Генерала Дессоля, котораго Временное Правительство назначило командующимъ народною гвардіею, на мѣсто Маршала Монсея, который разсудилъ выѣхать изъ Парижа до вступленія союзниковъ. Дессоль былъ другъ Моро и любимъ въ арміи. Мы не сообщали другъ другу переписки нашей съ Мармонтомъ, но послѣ я видѣлъ письмо Дессоля, и замѣтилъ согласіе въ мысляхъ нашихъ на счетъ Мармонтова патріотизма, къ которому отнестись надлежало. Дессоль писалъ ему въ своемъ письмѣ, что намѣреніе его принято; онъ говорилъ о небольшемъ своемъ честолюбіи и о принятой имъ рѣшимости участвовать въ движеніи Парижа. Въ концѣ онъ прибавилъ, какъ помнится: «Я убѣжденъ, что «выгоды и благо моего отечества то предпи«сываютъ. Свобода, благоразумная свобода—вся«кой истинный гражданинъ долженъ желать ея.»

Было очень мало разницы между обоими нашими письмами. Дессоль не приглашалъ Мармонта ни на какое дѣло, онъ только представлялъ ему свой примѣръ, какъ достойный подражанія; я, такъ какъ чаще видался съ Мармонтомъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ былъ съ нимъ друженъ, то и дозволилъ себѣ уговаривать его пріѣхать въ Парижъ; но можно замѣтить, что Дессоль и я, мы оба одинаково знали, что можетъ тронуть Мармонта, потому

что, какъ одинъ, такъ и другой говорили ему объ этой любви къ отечеству, которая всегда была столь глубоко запечатлена въ его сердцѣ и которая одна была способна заставить его принять великое намѣреніе; сейчасъ тому увидятъ доказательство изъ отвѣта, какой онъ сдѣлалъ Князю Шварценбергу. Князь писалъ къ нему въ слѣдующихъ словахъ, въ подкрѣпленіе сдѣланныхъ нами покушеній, чтобы обратить его на ту сторону, которая по нашему мнѣнію, сдѣлалась стороною Франціи.

«Господинъ Маршалъ!

«Имѣю честь препроводить къ В. П. съ на«дежнымъ человѣкомъ обнародованныя бумаги «и документы, нужные, чтобы ознакомить со«вершенно В. П. съ произшествіями, случив«шимися послѣ отбытія вашего изъ Парижа, «также приглашеніе членовъ Временнаго Пра«вительства, стать подъ знамена праваго дѣла «Франціи. Я прошу васъ именемъ вашего оте«чества и человѣчества, выслушать предложе«нія, долженствующія положить конецъ проли«тію драгоцѣнной крови, командуемыхъ вами «храбрыхъ.

«Маршалъ Князь ШВАРЦЕНБЕРГЪ.

На это письмо, въ которомъ Князь Шварценбергъ говорилъ Мармонту почти тоже, что Генералъ Дессоль и я, Маршалъ сдѣлалъ нижеслѣдую-

щій отвѣтъ, и безъ сомнѣнія читатель, также какъ и мы сдѣлали въ то время, отдастъ справедливость выраженію старой привязанности его къ Наполеону.

«Господинъ Маршалъ!

«Я получилъ письмо, которымъ Ваша Свѣтлость почтить меня изволили, также какъ и приложенныя при немъ бумаги. Общественное мнѣніе было всегда правиломъ для моего поведенія; армія и народъ освобождены отъ присяги на вѣрность Императору Наполеону Сенатскимъ постановленіемъ. Я готовъ способствовать сближенію арміи съ народомъ, чтобы предупредить всякой поводъ къ народной войнѣ и отвратить пролитіе Французской крови. По этому я согласенъ оставить, съ моими войсками, армію Императора Наполеона, на слѣдующихъ условіяхъ, въ выполненіи которыхъ я прошу письменнаго вашего ручательства.

«*Ст.* 1. Я, Карлъ, Князь Шварценбергъ, Маршалъ и главнокомандующій союзными арміями, ручаюсь всѣмъ Французскимъ войскамъ, которыя въ послѣдствіе Сенатскаго постановленія 2 Апрѣля, оставятъ знамена Наполеона Бонапарте, что онѣ могутъ свободно отойти въ Нормандію съ оружіемъ, богажемъ и снарядами и съ тѣми же самыми военными по-

«честями, которыя взаимно должны быть оказаны союзнымъ войскамъ.

«*Ст.* 2. Ежели, въ послѣдствіе этаго движенія, военныя событія предадутъ въ руки союзныхъ Державъ самаго Наполеона Бонапарте, «то его жизнь и свобода будутъ обезпечены «на извѣстномъ и ограниченномъ пространствѣ «по избранію союзныхъ Державъ и Французскаго Правительства.

Послѣ этаго отвѣта, Мармонтъ присоединился къ дѣлу Франціи, и Маршалъ Князь Шварценбергъ увѣрилъ Мармонта отзывомъ отъ 4 Апрѣля, что на всѣ изъясненныя имъ условія согласны (*). Между тѣмъ, тотчасъ увидятъ,

(*) Вотъ отзывъ Князя Шварценберга, который я помѣщаю здѣсь въ выноскѣ, чтобы не затмить мой текстъ слишкомъ многими бумагами, хотя помѣщаемыя здѣсь мнѣ кажутся необходимы.

«Господинъ Маршалъ,

«Я не умѣю достаточно выразить вамъ того удовольствія, «какое ощутилъ я узнавъ, съ какою готовностью вы согла«шаетесь на приглашеніе Временнаго Правительства, всту«пить, согласно съ постановленіемъ втораго числа сего мѣ«сяца, подъ знамена праваго Французскаго дѣла.

«Отличныя заслуги, вами оказанныя странѣ вашей, при«знаны всѣми; но вы довершите ихъ возвративъ отечеству «малое число храбрыхъ, уцѣлевшихъ отъ честолюбія одно«го человѣка.

«Я прошу васъ вѣрить, что я наиболѣе умѣю цѣнить «разборчивость, требуемой вами статьи относительно особы «Наполеона, на которую я соглашаюсь. Ничто такъ не «отличаетъ превосходное естественное Французамъ велико-

какъ и для чего Мармонтъ почелъ своимъ долгомъ потребовать обратно свое слово, и я долженъ присовокупить, съ какимъ благородствомъ Князь Шварценбергъ ему возвратилъ его. Я скажу также, какъ благородно было въ эту эпоху поведеніе Маршала Макдональда; впрочемъ я долженъ напередъ замѣтить, что Макдональдъ былъ не столь въ трудныхъ обстоятельствахъ, какъ Мармонтъ.

Я тутъ узналъ, какимъ образомъ Маршалъ Макдональдъ извѣстился о взятіи Парижа. Онъ два дня не имѣлъ никакого извѣстія отъ Императора, когда онъ получилъ написанное рукою Бертье, слѣдующее Императорское повелѣніе: «Императоръ повелѣваетъ, чтобы вы остановились тамъ, гдѣ получите это повелѣніе.» За симъ послѣ подписи Бертье была слѣдующая приписка. «Безъ сомнѣнія вы знаете, что «Парижъ въ рукахъ непріятеля.» Стараясь разгадать, что за намѣреніе имѣлъ Императоръ, приказывая извѣстить съ какою-то презрительною небрежностью о новости, которая совершенно измѣняла видъ дѣлъ, я остался въ

«душіе, которое въ особенности есть отличительная черта «характера Вашего Превосходительства.

«Примите увѣреніе въ моемъ высокопочитаніи.

«Въ Главной моей квартирѣ, 4 Апрѣля 1814.

подписано:

ШВАРЦЕНБЕРГЪ.»

увѣренности, что цѣль его была заставить Маршала думать, что онъ считаетъ это событiе менѣе важнымъ, чѣмъ оно дѣйствительно было. Онъ не достигъ этой цѣли, потому что я помню, какъ при мнѣ Макдональдъ разсказывалъ о томъ, какое удивленiе, вмѣстѣ съ безпокойствомъ причинила ему странная приписка Бертье и этотъ видъ равнодушiя.

Маршалъ Макдональдъ командовалъ тогда арiергардомъ армiи, занимавшей окрѣстности Монтеро. Онъ сказалъ намъ, какъ столь роковое событiе, безъ всякой подробности при извѣстiи объ немъ, его опечалило; потому что весьма было возможно, что непрiятели въ отплату заставили бы Парижъ испытать участь Москвы, чтобы вѣроятно и случилось безъ Парижской капитуляцiи. Шесть часовъ спустя Маршалъ получилъ предписанiе двинуть свои войска и онъ узналъ о намѣренiи Императора идти на Парижъ со всѣми оставшимися у него силами.

Въ увѣренности, что доставлю подробности, извѣстныя только немногимъ и въ такой же увѣренности, что скажу только одну совершенную истину, я опишу нѣкоторыя сцены, происходившiя въ Фонтенебло; потому что слѣдующее взято изъ замѣчанiй сдѣланныхъ немедленно послѣ того, какъ я слышалъ отъ Макдональда тотъ занимательный разказъ, сдѣ-

ланный имъ съ жаромъ, котораго, къ сожалѣнію, перо выразить не можетъ.

Получивъ второе повелѣніе Императора, Маршалъ оставилъ свой корпусъ въ Монтеро, чтобы по возможности поспѣшить къ Наполеону въ Фонтенебло. Когда онъ пріѣхалъ, Императоръ уже объявилъ Генераламъ, командовавшимъ дивизіями въ корпусѣ, собравшимся въ Фонтенебло, о намѣреніи идти къ Парижу. Испуганные такимъ намѣреніемъ, эти Генералы, которые, по большей части, имѣли въ столицѣ женъ, дѣтей, пріятелей, пришли къ Маршалу просить его пойти съ ними къ Императору. «Господа,» сказалъ имъ Маршалъ, «Императору, въ теперешнемъ его положеніи, такой «поступокъ можетъ не понравиться; намъ надобно его поберечь. Но, Господа, дайте мнѣ волю; я иду въ замокъ.»

Маршалъ Макдональдъ дѣйствительно пошелъ въ Фонтенеблосскій дворецъ, и я прошу читателя не терять изъ виду то, что я раскаэываю, я слышалъ все отъ самого Маршала. Едва онъ вошелъ къ Императору, какъ тотъ выступилъ къ нему на встрѣчу и сказалъ: «Ну! «каково?—Очень худо, Государь.— Какъ! . . . . «очень худо! . . . Что же думаетъ ваша армія?— «Моя армія, Государь, совершенно уныла. Парижскія произшествія ее смутили.— Какъ вы «думаете, соединится ли она со мною, чтобы

«сдѣлать движенiе на Парижъ? — Не надѣйтесь на «это, Государь. Если бы я объ этомъ далъ «приказанiе моимъ войскамъ, то рисковалъ бы «встрѣтить неповиновенiе (*). — Но что же дѣ«лать? Я не могу оставаться такъ, какъ теперь; «у меня есть еще надежды, приверженцы. Го«ворятъ, что союзники не хотятъ болѣе вести «со мною договоровъ? Ну! все равно! я пойду «къ Парижу; отомщу Парижанамъ за ихъ не«постоянство, и Сенату за его трусость: бѣда «членамъ правительства, которое они слѣпили «въ ожиданiи возвращенiя своихъ Бурбоновъ, «потому что они этого только и хотятъ. Но «завтра, я веду свою гвардiю, и завтра мы «будемъ въ Тюльери.»

Пока Наполеонъ далъ волю своему хвастовству, безумнымъ замысламъ, приходившимъ ему въ голову, Маршалъ слушалъ его не говоря ни слова; наконецъ, видя, что онъ немного поуспокоился: «Государь,» сказалъ онъ ему, «вы по это«му не знаете того, что происходитъ въ Пари«жѣ; учрежденiе Временнаго Правительства, и « . . . . — Знаю. Еще что? — Государь, прибо«вокупилъ Маршалъ, отдавая ему бумагу, вотъ «это скажетъ вамъ болѣе, чѣмъ могу сказать «я. — Что это такое? — Посмотрите, Государь.» Тутъ Маршалъ представилъ Императору пись-

(*) Дѣйствительно въ это время въ армiи было уныше, и дороги были покрыты дезертирами.

мо Маршала Бернонвиля, который извѣщалъ его о обнародованномъ Сенатомъ лишеніи правъ Императора и о принятомъ союзными Державами намѣреніи не входить въ переговоры ни съ Наполеономъ, и ни съ кѣмъ изъ его фамиліи. «Г. Маршалъ,» сказалъ Императоръ, «можно «ли прочесть это письмо въ слухъ? — Можно, «Государь.» Макдональдъ отдалъ это письмо Барре, который его прочелъ. Одинъ изъ тутъ бывшихъ разсказывалъ мнѣ послѣ, какое вліяніе, это чтеніе сдѣлало на Императора; лице его ужасно корчилось—я его довольно часто видалъ въ подобныя минуты и представляю себѣ, каковъ онъ былъ. Однакоже, умѣя владѣть собою, когда то нужно было для его политики или для его самолюбія, когда Бернонвилево письмо было прочитано, онъ сдѣлалъ безпечный видъ и упорствовалъ въ своемъ намѣреніи идти къ Парижу. «Идти къ Парижу! Го«сударь,» сказалъ ему тогда Маршалъ Макдональдъ; «надобно отказаться отъ этого намѣре«нія; ни одна шпага не вынется изъ ножень, что«бы способствовать вамъ въ такомъ дѣлѣ.»

Тутъ оказалось важнѣе дѣло объ отреченіи Императора, о которомъ Коленкуръ уже говорилъ ему, давая видѣть возможность, если онъ лично отречется, то склонить союзниковъ къ учрежденію регентскаго совѣта. Я всегда находилъ немножко смѣлымъ предложеніе, сдѣлан-

ное Коленкуромъ Наполеону въ такихъ обстоятельствахъ. Какъ-бы то ни было, видя мнѣніе Маршаловъ и узнавъ, что лишеніе его правъ объявлено Сенатомъ, онъ разсудилъ, что лучше согласиться на предлагаемый ему совѣтъ. Поведеніе Сената было дѣломъ довольно обыкновеннымъ въ здѣшнемъ мірѣ; Наполеонъ, въ свою очередь, дѣлался жертвою сословія, которое онъ уничижалъ безпрестанно, и которое отомщевало за все, что онъ заставлялъ его дѣлать во все продолженіе своего всемогущества. Какъ-бы то ни было, Наполеонъ размышляя объ этомъ постановленіи, которое объявляло его и его фамилію, лишаемыми всякаго права на Французскій престолъ, что на другой день было утверждено Законодательнымъ Корпусомъ; видя сопротивленіе Маршаловъ способствовать ему въ отчаянныхъ замыслахъ, и увлекаясь надеждою, которою манилъ его Коленкуръ, относительно учрежденія регентства, Наполеонъ рѣшился подписать свой актъ отреченія, который онъ написалъ самъ слѣдующимъ образомъ:

«Союзныя Державы объявили, что Императоръ Наполеонъ есть единственное препятствіе къ возстановленію мира въ Европѣ, по чему Императоръ Наполеонъ, вѣрный своей присягѣ, объявляетъ, что онъ готовъ оставить престолъ, покинуть Францію и даже лишиться

«жизни для блага отечества, нераздѣльнаго съ «правами своего сына, правами регентства Им«ператрицы и соблюденіемъ законовъ Имперіи.

»Дано въ нашемъ Фонтенеблоскомъ Дворцѣ 4 Апрѣля 1814.

«НАПОЛЕОНЪ.»

Написавъ этотъ актъ, Императоръ показалъ его Маршаламъ, говоря имъ: «Вотъ, Господа, «извольте! довольны ли вы.»

Должно замѣтить, что въ этомъ актѣ Императоръ ничего не упоминаетъ о Сенатскомъ декретѣ, ни о утвержденіи Законодательнаго Корпуса; это бы значило признать какое либо право въ учрежденіи народнаго представительства, а Наполеонъ того не хотѣлъ даже снисходя съ престола; онъ хотѣлъ, удостовѣрить въ томъ, что онъ покоряется силѣ, а не народному праву; наконецъ онъ хотѣлъ, чтобы самое его отреченіе носило отпечатокъ деспотизма, который былъ съ нимъ неразлученъ. Что завѣщалъ онъ намъ отрекаясь: законы Имперіи! . . . Какое прибавленіе къ духовной для Франціи въ этомъ политическомъ завѣщаніи!

Отреченіе Наполеоново было безъ сомнѣнія безполезно; но если бы ему придали большую важность, то этотъ актъ могъ сдѣлаться совершенно мечтательнымъ, когда бы обстоятельства перемѣнились. Смыслъ его можетъ показаться прямымъ всякому, только не мнѣ, по-

тому что я знакомъ былъ съ хитростью Наполеона, которую онъ никогда не упускалъ употреблять. Замѣтьте, что Бонапарте не говоритъ, что *онъ оставляетъ престолъ*, а только, что *готовъ оставить престолъ*. Это одна изъ его любимыхъ увертокъ, съ помощію которой онъ хотѣлъ завести новые переговоры, въ видѣ и на условіяхъ регентства своего сына, въ томъ случаѣ, если бы союзные Монархи на это согласились. Это было средство, чтобы выиграть время; потому что онъ еще не всю потерялъ надежду; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ странно ошибался.

Подписавъ свой актъ отреченія, Наполеонъ льстилъ еще себѣ возможностью устроить такъ, чтобы престолъ остался Маріи Луизѣ и ея династіи; онъ не могъ представить себѣ, чтобы Австрійскій Императоръ захотѣлъ споспѣшествовать паденію своей дочери; это впрочемъ онъ говорилъ многимъ бывшимъ съ нимъ въ Фонтенебло Генераламъ, которые мнѣ послѣ разсказывали. Онъ съ удовольствіемъ принялъ извѣстіе, привезенное ему, думаю, Генераломъ Аликсомъ. Этотъ Генералъ повстрѣчался съ Австрійскимъ Офицеромъ, котораго Францъ II послалъ къ Князю Шварценбергу; онъ сказалъ Наполеону, что этотъ Офицеръ положительно увѣрялъ его, что все произшедшее въ Парижѣ, было противъ воли Австрійскаго Императора.

Можетъ статься, что такъ думалъ Австрійскій Офицеръ, и считаю даже это довольно сбыточнымъ, но на дѣлѣ оказывается, какъ увидятъ изъ послѣдствія попытки Герцога Кадорскаго, о которой я буду говорить въ своемъ мѣстѣ, что это дѣйствительно могло быть только личное мнѣніе Офицера, посланнаго Австрійскимъ Императоромъ, къ тому же я вспомнилъ то, что говорилъ Александръ. Какъ бы то ни было, когда Генералъ Аликсъ сказалъ Императору эту, какъ онъ говорилъ, добрую вѣсть: «Говорилъ я вамъ, «Господа,» вскричалъ Наполеонъ, обращаясь къ окружавшимъ его, «говорилъ я вамъ! Францъ II «не можетъ быть до того моимъ непріятелемъ, «чтобы свергнуть съ престола дочь свою. Ви«сенсъ, ступайте, возьмите отъ Маршаловъ мой «актъ отреченія. Я пошлю курьера къ Австрій«скому Императору.

Такъ Бонапарте, въ своемъ крушеніи видѣлъ по всюду доску-спасительницу, и старался питать себя мечтами. Герцогъ Висенскій пошелъ въ самомъ дѣлѣ къ Маршаламъ Нею и Макдональду и засталъ ихъ обоихъ готовыми сѣсть въ карету, чтобы ѣхать въ Парижъ; оба положительно отказались отдать этотъ актъ Коленкуру, сказавъ ему: «Мы увѣрены въ согласіи «Австрійскаго Императора, и беремъ все на «себя.» Опытъ показалъ, что они были извѣщены лучше, чѣмъ Генералъ Аликсъ, но этотъ

случай въ особенности доказываетъ, какъ Бонапарте всегда готовъ былъ отступиться, когда рѣшался на что нибудь такое, что должно было почитать неизмѣннымъ; слегка сказанныхъ словъ и льстиво пересказанныхъ довольно было, чтобы заставить его перемѣнить мысли на счетъ столь великой важности, каковъ актъ его отреченія.

Императоръ сидѣлъ пока съ нимъ говорилъ Макдональдъ. Когда онъ принялъ рѣшительное намѣреніе, какъ видѣли выше, онъ вдругъ всталъ, походилъ нѣсколько минутъ большими шагами по своему кабинету, и наконецъ сказалъ: «Господа, надобно идти защищать у союз«ныхъ Державъ выгоды моего сына, выгоды «арміи, а всего болѣе, выгоды Франціи. Я на«значаю моими коммисарами Герцога Висенска«го и Маршаловъ Принца Московскаго и Принца «Рагузскаго... Довольны ли вы,» прибавилъ помолчавъ Императоръ, «кажется всѣ эти выгоды ввѣ«рены въ добрыя руки.» Всѣ присутствовавшіе точно въ одинъ голосъ отвѣчали: «Довольны, Го«сударь.» Но, какъ скоро этотъ отвѣтъ былъ произнесенъ, Императоръ сѣлъ на маленькой стоявшій у окна желтый диванъ, и хлопая себя по ляжкѣ съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ: «Нѣтъ, Господа,» вскричалъ онъ, «нѣтъ! не «надобно регентства! съ моею гвардіею и кор«пусомъ Мармонта, я буду завтра въ Парижѣ.»

Потому, что намъ говорилъ Маршалъ и что я слышалъ послѣ отъ другихъ бывшихъ при этой сцѣнѣ Офицеровъ, легко было видѣть сквозь всѣ мысли, проходившія въ головѣ Императора, сколько на умственныя его способности имѣли вліянія всѣ сотрясенія, испытанныя имъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ. Ней и Макдональдъ напрасно старались разувѣрить его на счетъ замысла, сколько не возможнаго къ исполненію, столько и пагубнаго; Императоръ всталъ съ очевидною досадою, теръ себѣ голову, какъ-то онъ почти всегда дѣлалъ, когда былъ въ сильномъ волненіи, и сказалъ имъ громкимъ и повелительнымъ образомъ: «Уходите!»

Маршалы ушли, и Наполеонъ остался одинъ съ Герцогомъ Висенскимъ. Не отъ самаго Коленкура я знаю то, что происходило между имъ и Наполеономъ въ продолженіи трехъ минутъ, послѣдовавшихъ за вспышкою Императора противъ Маршаловъ; но это я слышалъ отъ тѣхъ, кому разсказывалъ онъ самъ, и не боюсь ошибиться, прибавивъ, что когда Ней и Макдональдъ вышли изъ Наполеонова кабинета, Императоръ сказалъ Коленкуру, что ему въ сдѣланномъ поступкѣ болѣе всего не понравилось чтеніе Бернонвилева письма: «Но Государь, возразилъ ему Герцогъ Висенскій, письмо «это читано по вашему повелѣнію.—А! правда!...

«Да за чѣмъ же это письмо Макдональдъ пря-«мо не доставилъ ко мнѣ?—Государь, это письмо было адресовано къ Маршалу Макдональду, «но Адъютантъ, который везъ оное, получилъ «приказанiе дать прочесть его, проѣзжая чрезъ «Эссону, потому что Бернонвиль не зналъ на-«вѣрное, гдѣ онъ встрѣтитъ Герцога Тарантска-«го» Такое объясненiе, какъ я уже сказалъ, продолжалось только три минуты; Наполеонъ поуспокоясь, казалось былъ доволенъ этимъ объясненiемъ, и сказалъ Коленкуру: «Позови «Макдональда.»

Герцогъ Висенскiй побѣжалъ за Маршаломъ, котораго догналъ въ концѣ дворцовой галлереи; онъ еще разговаривалъ о происходившемъ у Императора, къ которому Коленкуръ его воротилъ. Макдональдъ нашелъ Императора совершенно спокойнымъ, и когда вошелъ въ кабинетъ, то Наполеонъ сказалъ ему безъ всякой запальчивости: «Ну Герцогъ Тарантскiй, вы ду-«маете, что одно только регентство и возможно! «—Да Государь. — Ну, вамъ поручаю я ѣхать «къ Императору Александру, вы возьмете съ «собою Нея, на мѣсто Мармонта; этотъ лучше «пускай остается при своемъ корпусѣ; его тамъ «присутствiе необходимо; поѣзжайте съ Неемъ, «я на васъ полагаюсь; надѣюсь, что вы поза-«были совершенно то, что разлучало насъ дол-«го.—Забылъ, Государь; я уже объ этомъ и не

«думаю съ 1809.—Очень радъ, Г. Маршалъ; но «я долженъ сказать вамъ, я былъ не правъ.

«Государь!» . . . Императоръ, говоря съ Маршаломъ ощущалъ необыкновенное душевное движеніе; онъ подошелъ къ нему, пожалъ ему руку самымъ дружественнымъ образомъ, и прибавилъ только: «Поѣзжайте.»

Между тѣмъ три Императорскихъ Коммисара, то-есть Маршалы Макдональдъ и Ней, и Герцогъ Висенскій велѣли предупредить Мармонта, что они у него будутъ обѣдать, проѣзжая чрезъ Эссону, и разскажутъ ему все, что происходило въ Фонтенебло.

Прибывъ въ Эссону, три Императорскихъ Коммисара объявили Герцогу Рагузскому о предметѣ ихъ посылки, и приглашали его ѣхать къ Императору, что поставило Маршала въ необходимость объяснить имъ свое положеніе. Ему необходимо было и такъ ѣхать въ главную квартиру Князя Шварценберга, чтобы взять пашпорты для двухъ Маршаловъ и Герцога Висенскаго, для проѣзда въ Парижъ. Переговоры, которые Мармонтъ началъ и почти кончилъ съ Княземъ Шварценбергомъ уничтожились, въ послѣдствіе порученія, въ которомъ онъ сдѣлался участникомъ, и ему надлежало самому сказать это Начальнику Австрійской арміи.

Три Маршала и Герцогъ Висенскій поѣхали изъ Эссоны въ Петербургъ, гдѣ была главная

квартира Князя Шварценберга; Князь возвратилъ Мармонту полученное отъ него слово. Я слышалъ, не отъ Мармонта, а отъ самаго Князя, какое почувствовалъ онъ уваженіе къ Герцогу Рагузскому, когда тотъ изъяснилъ ему желаніе присоединиться къ своимъ товарищамъ. Онъ нашелъ это совершенно естественнымъ; мнѣ помнится, хотя на вѣрное того утверждать не смѣю, что Князь Шварценбергъ оставилъ у себя ужинать Мармонта, Нея, Макдональда и Коленкура, въ ожиданіи отвѣта отъ Императора Александра. Вышедъ изъ-за стола, они поѣхали въ Парижъ къ Императору Александру.

Digitized by Google

ГЛАВА VI.

Первыя мои занятія въ главномъ управленіи почтъ.— Назначеніе мое утверждено Временнымъ Правительствомъ.—Задержанныя письма и объявленіе публикъ.— Неожиданное полученіе 300000 франковъ —Посланный ночью нарочный.— Меня призываютъ къ Г. Талейрану.— Прибытіе Наполеоновыхъ Коммисаровъ.—Опасенія нѣкоторыхъ лицъ. — Старанія мои, чтобы ихъ успокоить. — Слова Г. Талейрана Маршаламъ.—Лудовикъ XVIII.— Выходъ Маршаловъ отъ Императора Александра. — Жаркая сцѣна и привѣтствіе Макдональда —Бурнонвиль и Дюпонъ.—Подробности засѣданія Маршаловъ у Императора Александра.—Вліяніе Дессоля.—Отговорка Императора Александра.—Совѣтуются съ Королемъ Прусскимъ.— Маршалы у Нея. — Мармонтовъ Адъютантъ и извѣстія изъ Эссоны.—Отбытіе войскъ въ отсутствіи Маршала. — Отчаяніе и мужество Мармонта. — Его присутствіе въ Версали и вліяніе словъ его — Новыя безпокойства Временнаго Правленія.—Возвращеніе Мармонта.—Бѣлая и трехцвѣтная кокарда.— Торжество хитрости. —Дурной совѣтъ торжествуетъ.

Читатели видѣли, какъ тридцать перваго Марта Императоръ Александръ потребовалъ, чтобы я принялъ на себя главное управленіе

Почтами, и какъ я сдѣлалъ преобразованiе въ этой части ночью. Только третьяго Апрѣля я получилъ опредѣленiе мое со стороны Временнаго Правительства, и мнѣ небезъизвѣстно, что нѣкоторые люди осуждали меня за то, что я два дни исправлялъ должность, возложенную на меня чужимъ Государемъ. Признаюсь, что въ ту минуту я объ этомъ даже и не подумалъ, и, по правдѣ, чтобы надобно было дѣлать? надлежало ли оставить Францiю безъ извѣстiй изъ Парижа, въ рѣшительную минуту, и когда при безпокойствѣ, царствовавшемъ по всѣмъ мѣстамъ Импéрiи, должно было растолковать молчанiе столицы за слѣдствiе великаго бѣдствiя? Не только не оправдываясь въ томъ, что я счелъ за нужное сдѣлать, я еще положительно объявляю, что въ подобныхъ обстоятельствахъ и въ другой разъ я поступилъ бы также.

Со времени поступленiя моего въ управленiе почтъ, служба пошла безпрерывно въ тóмъ же порядкѣ, какъ и прежде. Я посвящалъ все свое время на то, чтобы ознакомиться съ положенiемъ, въ какомъ находилось мое новое управленiе, остальныя же минуты проводилъ у Г. Талейрана. Въ первое время я не заботился о томъ, чтобы отвратить нѣкоторыя злоупотребленiя и сдѣлать улучшенiя, чѣмъ я намѣренъ былъ заняться въ болѣе спокойное и удобное время; но какъ скоро мнѣ доложили, что хра-

нится множество перехваченныхъ писемъ; то я четвертаго Апрѣля послалъ въ Монитеръ слѣдующее объявленіе, которое тамъ было на другой день напечатано.

«Публика извѣщается, что весьма большое «число писемъ, задержанныхъ въ теченіи болѣе «чѣмъ трехъ лѣтъ въ откидочномъ отдѣленіи «Почтоваго Управленія, какъ полученныхъ изъ «Англіи и другихъ заграничныхъ мѣстъ, такъ «равно и адресованныхъ за границу, будутъ от«правлены по назначенію.

«Парижъ, 4 Апрѣля 1814.

«Главный Директоръ Почтъ
«БУРІЕННЪ.»

Это объявленіе доставило Почтовому Управленію полученіе около трехъ сотъ тысячъ франковъ; по этому можно заключить, какое множество писемъ было перехвачено, и такая истребительная система по соображеніи ея съ дружескими и довѣренными сношеніями, есть еще не самая отличительная черта Императорскаго правленія въ продолженіи трехъ послѣднихъ лѣтъ его бытія.

Какъ бы то ни было, послѣ вышеупомянутаго объявленія въ слѣдующую ночь, меня разбудилъ нарочный отъ Временнаго Правительства, привезшій мнѣ приглашеніе явиться во всевозможной скорости въ домъ Г. Талейрана.

Я тотчасъ туда отправился и пріѣхалъ за нѣсколько минутъ до прибытія Маршаловъ Императорскихъ коммисаровъ. Я вошелъ въ залу перваго этажа, которая составляла часть покоевъ, занимаемыхъ Императоромъ Александромъ. Маршалы начали совѣщаніе съ симъ Монархомъ, и мнѣ трудно было бы въ это время изобразить безпокойство, если не ужасъ, нѣкоторыхъ членовъ Временнаго Правительства и другихъ лицъ, собравшихся въ той залѣ. Изъ числа этихъ господъ въ особенности было четверо или пятеро, которыхъ лица со всемъ перемѣнились; объявшій ихъ ужасъ заставлялъ ихъ дурно заключать о послѣдствіяхъ попытки, которая дѣйствительно могла бы имѣть значительныя слѣдствія и перемѣнить видъ дѣлъ, а по правдѣ, мы такъ уже далеко зашли, что назадъ пятиться было уже нельзя; если бы послѣдовало согласіе на регентство, даже безъ Наполеона, то намъ только и было бы спасенія, что въ добровольномъ изгнаніи; а оно вышло бы очень скоро, потому что только четыре дня мы воображали, что опять нашли отечество. Что касается до меня, то привыкнувъ къ сотрясеніямъ сего рода, я сохранилъ свое хладнокровіе, разсудивъ, что мое положеніе все таки не хуже того, какое было, когда отправляясь въ Сенъ-Клу для полезнаго Государству предпріятія 18 Брюмера, я сказалъ Лавалетту,

на Революціонной площади, что мы переночуемъ завтра или въ тюрьмѣ, или въ Люксамбургскомъ дворцѣ. Правда, я не раздѣлялъ ужаса этихъ господъ, который я считалъ безпричиннымъ. Я даже вознамѣрился ихъ успокоить и опровергнуть причины ихъ безпокойства. Я представлялъ имъ, какъ не возможно, чтобы Александръ, послѣ столь точной, столь энергической прокламаціи, какую онъ сдѣлалъ тридцать перваго Марта, могъ перемѣнить первыя свои мысли, столь гласно выраженныя; я напомнилъ имъ все, что было послѣдствіемъ довѣренности, внушенной этою прокламаціею, и Сенатское постановленіе втораго Апрѣля, и лишеніе правъ Наполеона, и утвержденіе Законодательнаго Корпуса. «Въ этомъ положеніи вещей», говорилъ я имъ, «не ужели вы думаете, что Императоръ Александръ нарушитъ всѣ принятыя на себя обязанности? Развѣ вы думаете, что онъ не знаетъ, что Сенатское постановленіе и утвержденіе со стороны Законодательнаго Корпуса послѣдовали только въ увѣренности въ его словѣ? Съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, развѣ онъ не видитъ, что со всѣхъ сторонъ стекаются приверженцы новаго порядка вещей? Развѣ онъ не понялъ цѣны замѣчаній, сдѣланныхъ ему Принцемъ Беневентскимъ, и не однихъ ли съ нимъ Александръ мыслей, что все было бы мечта, кромѣ Бонапарте и Бурбо-

новъ? Развѣ мы кромѣ того не знаемъ, что во многихъ случаяхъ и даже до вступленiя своего въ Парижъ, онъ громко объявлялъ рѣшимость не вести болѣе переговоровъ съ Бонапарте? Развѣ онъ не знаетъ, что регентство будетъ Бонапарте за подмостками правительства, которыя онъ уронитъ когда захочетъ, чтобы опять принять свое всемогущество? Я не могу, Господа, раздѣлять вашихъ опасенiй, и событiя скоро докажутъ, обманываюсь ли я и справедливы ли онѣ.»

Къ этимъ доводамъ я присовокупилъ еще другiе, но что я ни дѣлалъ, никакъ не могъ успокоить самыхъ робкихъ и заставить ихъ раздѣлять мое безстрашiе.

Между тѣмъ, такъ какъ свиданiе Маршаловъ съ Императоромъ Александромъ продолжалось, то я успѣлъ узнать, что прежде входа своего къ сему Монарху, они имѣли совѣщанiе съ Г. Талейраномъ. Я узналъ, что Принцъ сказалъ имъ: «Господа, чего вы хотите? Если вамъ «удастся ваше намѣренiе, то вы подвергнете «опасности всѣхъ, кто входилъ въ эту комнату «съ перваго Апрѣля, а такихъ много. Что ка«сается до меня, то меня тутъ не считайте; я «хочу быть подвергнутымъ этой опасности.» Въ этотъ день я проводилъ вечеръ у Г. Талейрана, и когда онъ прислалъ за мною, то едва ли прошло три часа послѣ того, какъ я его

покинулъ. Въ этотъ самый вечеръ Принцъ Беневентскій при мнѣ сказалъ Императору Александру: «Хотите Вы поддержать Бонапарте? «Нѣтъ: Вы этого и не можете и не захочете. «Я уже имѣлъ честь сказать Вашему Величест«ву, что ничего нельзя поставить между Напо«леономъ и Лудовикомъ XVIII; все чтобы ни «поставили, какой бы выборъ ни сдѣлали, ка«кого бы рода онъ ни былъ, все это будетъ «интрига, а ни какая интрига не можетъ имѣть «довольно силы, довольно твердости, чтобы «поддержать того, кто будетъ ея предметомъ. «Евгеній, регентство—все это интриги. Въ на«стоящихъ обстоятельствахъ есть только одно «начало, довольно сильное, чтобы установить «новый порядокъ вещей, который принять дол«жно. *Лудовикъ XVIII есть это начало.*» Мнѣ помнится даже, что Г. Талейранъ намъ безпрестанно твердилъ эти слова, сказанныя при семъ случаѣ Императору Александру: «Лудовикъ «XVIII есть начало!»

Я могу увѣрить, что то время, пока Маршалы Коммисары оставались съ Императоромъ Александромъ, не одному члену Временнаго Правительства показалось долго; ни одинъ изъ нихъ не былъ допущенъ въ это совѣщаніе, потому что никто не хотѣлъ показать виду, что хочетъ имѣть вліяніе, какимъ бы то ни было образомъ на рѣшеніе, какое сдѣлаетъ глава

союза, по предмету столь важнаго посольства; одинъ только Генералъ Дессоль, какъ командующiй народною Парижскою гвардiею, былъ туда призванъ, и читатель скоро узнаетъ, разсказанныя имъ намъ подробности, объ этомъ совѣщанiи, отъ котораго такъ нетерпѣливо ожидали слѣдствiя, могущаго всѣхъ подвергнуть опасности.

Наконецъ, мы увидѣли, что Маршалы вышли, и та минута, въ которую они появились къ намъ въ залу, произвела такое движенiе, которое мнѣ не возможно было бы описать. Однакоже какое-то удовольствiе, которое намъ показалось замѣтцымъ на ихъ лицахъ, возвратило къ надеждѣ тѣхъ, кто нѣсколько уже часовъ были добычею самой сильной скорби. Мнѣ кажется, что еще теперь вижу Макдональда, который поднявъ голову и давъ волю движенiю сильнаго гнѣва, подошелъ къ Бернонвилю и сказалъ ему въ отвѣтъ на вопросъ того. «Не говорите со мною, сударь; мнѣ нечего вамъ «сказать; вы меня заставили позабыть трид«цати-лѣтнюю дружбу! Потомъ, обратясь къ «Дюпону: Что касается до васъ, Милостивый «Государь», сказалъ Маршалъ все тѣмъ же то«номъ, «то ваше поведенiе, въ разсужденiи Имце«ратора не великодушно; признаюсь, что онъ «поступалъ съ вами строго; можетъ быть да«же онъ былъ съ вами несправедливъ по Бай-

«ленскому дѣлу; но съ которыхъ поръ стараются отмстить за личную несправедливость на «счетъ своего отечества.»

Эти ссоры были съ запальчивостью и спорившіе до того возвышали голосъ, что Коленкуръ сказалъ имъ: «Не забывайте, Господа, «что вы здѣсь у Русскаго Императора.» Въ эту минуту Г. Талейранъ вышелъ отъ Императора, къ которому онъ вошелъ послѣ выхода Маршаловъ, и подойдя къ разгорячённой группѣ, собравшейся около Макдональда, сказалъ: «Господа, если вы хотите *спорить*, разсуждать, «такъ подите ко мнѣ. — Это не нужно,» возразилъ Макдональдъ, «товарищи мои и я, мы не «признаемъ Временнаго Правительства.» И три Маршала Ней, Макдональдъ и Мармонтъ вышли съ Коленкуромъ и отправились всѣ прямо къ Нею, чтобы у него дождаться отвѣта, который Императоръ Александръ обѣщалъ имъ сдѣлать, посовѣтовавшись съ Королемъ Прусскимъ.

Такова была эта ночная сцѣна, въ драмматическомъ отношеніи со всѣмъ отличная отъ тѣхъ, которыя родитъ воображеніе поэтовъ; въ ней все было истинно и отъ развязки зависѣло политическое положеніе Франціи и существованіе всѣхъ тѣхъ, кто объявитъ себя за Бурбоновъ. Когда Маршалы и Коленкуръ ушли, мы всѣ жадничали узнать, что происходило между ними и Русскимъ Императоромъ. Я узналъ отъ

Дессоля, который, какъ я уже сказалъ, находился при этомъ совѣщаніи, какъ командиръ Народной Парижской гвардіи, что Маршалы единодушно требовали у Александра регентства. Макдональдъ въ особенности стоялъ за регентство съ большимъ жаромъ, и между прочимъ что онъ говорилъ въ защиту этаго дѣла, я помню, что Дессоль повторилъ намъ слѣдующія слова: «Мнѣ не предоставлено никакимъ «образомъ договариваться объ участи, какая «предлежитъ Императору; мы уполномочены въ «отношеніи къ регентству, арміи и Франціи, но «Императоръ намъ положительно запретилъ «назначать что-либо въ личномъ къ нему отно«шеніи.» Александръ отвѣчалъ только: «Этому «я не дивлюсь.» Тогда Маршалы начали говорить съ большею силою о томъ, какое уваженіе должно имѣть къ военной славѣ Франціи; они изъявили сильное желаніе не покидать фамилію человѣка, который насъ такъ часто велъ къ побѣдѣ; наконецъ они ссылались на самую декларацію Императора Александра, въ которой онъ объявилъ, какъ отъ себя, такъ и отъ имени союзниковъ, что они пришли во Францію не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы предписать ей то, или другое правительство.

Дессоль, съ самаго начала стоявшій съ жаромъ за Бурбоновъ, въ свою очередь говорилъ не съ меньшею силою, какъ и приверженцы ре-

гентства; онъ представлялъ Императору, сколько людей вдались въ опасность, только за то, что они дѣйствовали или объявили свои мысли, полагаясь на его обѣщанія; онъ повторилъ то, что было уже сказано Александру, то что регентство по настоящему будетъ переодѣтый Бонапарте. Между тѣмъ Дессоль не скрылъ отъ насъ, что жаръ привлекательнаго краснорѣчія Маршала Макдональда, по видимому сильно поколебалъ Александра, и до такой степени, что не хотя отвѣчать Маршаламъ положительнымъ отказомъ, онъ прибѣгнулъ къ уловкѣ, которая давала ему возможность выполнить непремѣнныя свои намѣренія, не показывая, что онъ беретъ на себя одного всю отвѣтственность по перемѣнѣ правительства, и мы узнали отъ Дессоля, что Александръ наконецъ отвѣчалъ Маршаламъ: «Господа, я не одинъ; въ такомъ важномъ обстоятельствѣ мнѣ надобно посовѣтоваться съ Королемъ Прусскимъ, потому что «я далъ слово ничего не дѣлать безъ его совѣта; «черезъ нѣсколько часовъ вы узнаете, на что «я рѣшился.» И этаго-то рѣшенія Маршалы пошли дожидаться у Нея, какъ я сказалъ выше.

Большая часть членовъ Временнаго Правительства приписывали уклончивый отвѣтъ Александра тому, что говорилъ ему Дессоль; что касается до меня, то я отдавая справедливость Дессолю въ томъ, какъ онъ объяснился въ

этомъ важномъ обстоятельствѣ, никакъ не приписываю его краснорѣчiю того, на что рѣшился Александръ. Расположенiе Александра было таково, что я собственно ни мало не сомнѣвался въ томъ, на что онъ окончательно рѣшится, и въ намѣренiи его посовѣтоваться съ Королемъ Прусскимъ видѣлъ только то, что надобно было видѣть, то есть обрядъ вѣжливости личной въ отношенiи къ Маршаламъ, чтобы не имѣть неудовольствiя объявить имъ отказъ въ глаза.

Я возвратился домой совершенно спокоенъ на счетъ послѣдствiй Александрова свиданiя съ Королемъ Прусскимъ; я зналъ очень хорошо отъ приближенныхъ этаго Государя, какiя чувства питалъ онѣ къ Бонапарте; Фидерикъ Вильгельмъ одаренъ довольно сильнымъ характеромъ и не уступитъ такимъ уваженiямъ, какiя и ему, подобно какъ Императору Александру, могли бы попытаться представить на видъ. Впрочемъ, если бы Прусскiй Король и не имѣлъ справедливыхъ причинъ къ непрiязни противъ Наполеона, то политика требовала казаться его врагомъ. Но Королю Прусскому нечего было дѣйствовать по политикѣ; онъ повиновался собственному своему влеченiю, положительно отвергая предложенiя Маршаловъ, что онъ сдѣлалъ ни мало не колеблясь и съ большею энергiею. Александръ, увидя, что все

идетъ по его желанію, далъ знать Маршаламъ о рѣшимости своего союзника, и такимъ образомъ рѣшенъ вопросъ о регентствѣ, бывшій въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ причиною страха всего Временнаго Правительства.

Между тѣмъ, какъ Маршалы отправились въ Парижъ, въ тотъ самый день, когда имъ туда прибыть надлежало, Наполеонъ заботясь узнать пропустили ли его Коммисаровъ чрезъ аванпосты непріятельскихъ армій, въ случаѣ препятствія, все видѣлъ надобность идти къ Парижу; онъ не могъ еще вѣрить, что дѣло его было проиграно. Онъ послалъ Адъютанта къ Мармонту съ приказаніемъ прибыть немедленно въ Фонтенебло. Нетерпѣніе Наполеона было таково, что онъ не только не дождался возвращенія своего Адъютанта, но еще послалъ по его пятамъ другаго, а потомъ и третьяго Офицера съ тѣмъ же порученіемъ. Скорый одинъ за другимъ пріѣздъ его посланныхъ перепугалъ Генераловъ оставшихся въ Эссонѣ и командовавшихъ дивизіями Мармонтова корпуса. Они опасались, не узналъ ли Императоръ о конвенціи, заключенной поутру съ Княземъ Шварценбергомъ и не послалъ ли за Мармонтомъ съ тѣмъ, чтобы строго наказать его. Ихъ страхъ былъ причиною ихъ поведенія; Наполеонъ не зналъ ничего о произшедшемъ, потому что Мармонтъ уѣзжая въ Парижъ съ товарищами своими

Макдональдомъ и Неемъ, приказалъ сказывать, что онъ поѣхалъ осматривать свои линiи. Сугамъ, Лебрэнъ-дез-Эссаръ, Бордесуллъ, изъявившiе свое согласiе на конвенцiю съ Княземъ Шварценбергомъ, конвенцiю, которую Мармонтъ заключилъ не иначе, какъ посовѣтовавшись съ ними, имѣли совѣщанiе въ отсутствiи своего Начальника, и, не зная можетъ быть что, онъ былъ освобожденъ отъ своего слова, къ тому же опасаясь мщенiя, какое надлежало имъ ожидать отъ Наполеона, рѣшились идти къ Версали. Уже прибывъ туда войска, не видя предъ собою своего Начальника, подумали, что имъ измѣнили; мятежное движенiе обнаружилось между ими. Одинъ изъ Адъютантовъ Мармонта, котораго онъ оставилъ въ Эссонѣ, употреблялъ всѣ возможныя усилiя, чтобы не дать корпусу своего Генерала уйти; наконецъ, видя, что не было никакой возможности тому воспрепятствовать, поѣхалъ съ величайшею поспѣшностiю въ Парижъ, чтобы извѣстить Маршала о происходящемъ. Когда къ Мармонту пришла эта плачевная вѣсть, онъ завтракалъ у Маршала Нея, гдѣ были также Макдональдъ и Коленкуръ, — ожидая обѣщаннаго имъ въ прошлую ночь отъ Императора Александра отвѣта. Движенiе его корпуса къ Версали привело его въ отчаянiе. Онъ сказалъ Маршаламъ: «Я поѣду къ моему «корпусу и остановлю его движенiе.» Мармонтъ,

не теряя ни минуты, какъ молнія бросился въ карету; велѣлъ кучеру гнать во весь духъ, и послалъ одного изъ своихъ Адъютантовъ сказать о своемъ прибытіи войскамъ. Приближась на нѣсколько сотъ шаговъ къ тому мѣсту, гдѣ собрались войска его корпуса, онъ увидѣлъ находившихся подъ его командою Генераловъ; они прибѣжали къ нему и стали уговаривать не приближаться къ солдатамъ, которые обнаруживали самый сильный мятежъ. Мармонтъ сказалъ: «Я поѣду къ нимъ; въ минуту меня «убьютъ, или признаютъ своимъ Начальни«комъ.» Тутъ онъ послалъ другаго Адъютанта съ приказаніемъ построится и вскорѣ самъ вышелъ изъ кареты, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ одинъ къ солдатамъ. «Что это такое! ска«залъ онъ имъ, о какой я слышалъ говорятъ «измѣнѣ? Развѣ вы меня не узнаете? развѣ я «больше не вашъ товарищъ? развѣ я не бы«валъ двадцать разъ раненъ посреди васъ? . . . . «развѣ не раздѣлялъ съ вами труды ваши и «нужду? развѣ я не готовъ и опять дѣлать то«же?» . . . Маршалу не дали говорить болѣе — раздался всеобщій крикъ: «Да здравствуетъ «Маршалъ! да здравствуетъ Маршалъ!»

Послѣ сильной тревоги, какую посылка Маршаловъ надѣлала во Временномъ Правленіи, мы почти не менѣе были напуганы, узнавъ о возмутительномъ движеніи Мармонтовыхъ войскъ. Цѣ-

лый день мы провели въ ужасной тоскѣ. Однако же я, зная, сколько его всегда любили его солдаты, одинъ могъ предвидѣть столь хорошее слѣдствiе отъ тѣхъ распоряженiй, для которыхъ онъ отправился въ корпусъ, не признающiй своего начальника и провозглашающiй измѣну. Такое движенiе могло дѣйствительно имѣть подражателей въ другихъ корпусахъ армiи, и пользы Францiи снова подверглись бы опасности; счастливая отважность Мармонта спасла все; по этому не возможно себѣ представить, какъ мы его встрѣтили у Г. Талейрана, когда онъ прiѣхалъ расказывать намъ всѣ описанныя мною выше подробности того, что происходило въ Версали.

Во весь этотъ день я не переставалъ стараться о томъ, чтобы возродить надежду во многихъ Членахъ Временнаго Правительства; но они такъ были встревожены, что поминутно посылали въ Версаль нарочныхъ, которымъ приказывали ѣхать и воротиться какъ можно скорѣе съ извѣстiемъ о томъ, что тамъ происходитъ. Первому изъ посланныхъ отъ Временнаго Правительства поручено было извѣстить Мармонта о рѣшительномъ отказѣ Александра вести переговоры о регентствѣ.

Хотя тому минуло уже пятнадцать лѣтъ, но мнѣ все кажется, что я нахожусь при этой сцѣнѣ; мнѣ кажется, что еще вижу, какъ Мар-

шалъ пріѣхалъ къ Г. Талейрану въ ту самую минуту, какъ всѣ встали изъ-за стола. Я вижу, какъ онъ сидитъ одинъ за маленькимъ столикомъ, на которомъ ему подали обѣдъ посреди залы. Онъ былъ героемъ того дня; каждый изъ насъ подходилъ къ нему, чтобы поговорить съ нимъ и привѣтствовать его.

Выше сего во многихъ мѣстахъ я неоднократно призывалъ на помощь мою память, которая, смѣю думать, меня не обманывала, такъ мнѣ всѣ событія кажутся случившимися только вчера; то что скажу ниже, взято изъ записки, которую я составлялъ въ тотъ самый вечеръ и въ слѣдующіе дни, не смотря на обширныя занятія, которыми меня завалили въ Главномъ Почтовомъ Управленіи.

Въ вечеру того самаго дня, въ который показали Мармонту столько преданности, заговорили о томъ, чтобы дать арміи бѣлую кокарду. На это Маршалъ сказалъ намъ: «Господа, мнѣ «легко было дать моему корпусу выразумѣть, «что прежде всего должно служить Франціи; «онъ возвратился къ повиновенію мнѣ, и те«перь я вамъ за него отвѣчаю. Но не ручаюсь, «чтобы можно было его убѣдить покинуть тѣ «цвѣты, которые двадцать лѣтъ водили насъ «къ побѣдамъ. По этому не надѣйтесь на меня «въ такомъ дѣлѣ, которое я считаю не возмож«нымъ и совершенно противнымъ выгодамъ

«Франціи. Впрочемъ я поговорю объ этомъ съ «Императоромъ Александромъ»

Таковы были сказанныя Мармонтомъ слова; всѣ, повидимому, пристали къ его мнѣнію, и споръ кончился. Между тѣмъ возникъ вопросъ, было ли бѣлое знамя знакомъ отличія Королевскаго дома или древнимъ національнымъ цвѣтомъ, и положили потребовать по этому предмету свѣденій, съ чѣмъ отнеслись къ Г. Лемэру, который, вѣроятно случайно, былъ въ сосѣдней комнатѣ. Ему поручили употребить всѣ ученыя изысканія къ открытію происхожденія трехъ цвѣтовъ и происхожденія бѣлаго знамени. Что касается до меня, то, какъ вижу изъ своихъ замѣчаній, я положительно объявилъ, что согласенъ съ мнѣніемъ Маршала, и если теперь помѣщаю эту подробность, то смѣю надѣяться, что меня не попрекнутъ въ томъ, что объ ней припоминаю, чтобы тѣмъ похвастаться; но это истина, и я долженъ сказать ее.

Такъ какъ мнѣніе Маршала было принято, по крайней мѣрѣ предварительно, то составили, въ самомъ присутствіи, статью, заключающуюся почти въ слѣдующихъ словахъ, и которая была назначена для помѣщенія въ Монитерѣ: «Бѣлая кокарда, въ теченіи четырехъ минув«шихъ дней, была знакомъ обнаруживающимъ «общественное мнѣніе въ отношеніи ниспровер-

«женія притѣснительнаго правительства; это «было единственное средство къ узнанію при«верженцевъ возстановленія древней династіи, «которой мы наконецъ будемъ обязаны спо«койствіемъ. Теперь правительство это болѣе «не существуетъ и всѣ цвѣты, чуждые нашимъ «національнымъ цвѣтамъ, не нужны; а потому «примемъ опять тѣ, которые столько разъ во«дили насъ къ побѣдамъ!» Можетъ статься, что излагая эту статью, я перемѣнилъ въ ней нѣсколько словъ, но могу утвердительно сказать, что это настоящій ея смыслъ и всѣ гласно одобрили ея изложеніе. Однако же на другой день я очень изумился, разкрывъ Монитеръ и не найдя въ немъ этой статьи. Я не знаю, что тутъ такое замѣшалось, чтобы воспрепятствовать напечатанію, но хорошо помню, что Мармонтъ былъ тѣмъ очень недоволенъ и жаловался Императору Александру, который обѣщалъ написать, и дѣйствительно писалъ Временному Правительству о томъ, чтобы статья была напечатана; но этого не сдѣлано, и мы уже разгадали загадку, какъ-то увидятъ, чрезъ нѣсколько дней, а могли бы, можетъ статься, разгадать и прежде, если бы постарались. Императоръ Александръ обѣщалъ также Мармонту написать къ Графу д'Артуа и объяснить ему, что желаніе Франціи есть сохранить три цвѣта, но я не могъ узнать было ли написано

это письмо, а если было, то какой на него сдѣлан ответъ.

Маршалъ Журданъ, бывшій тогда въ Руанѣ, получилъ письмо, написанное безъ вѣдома Мармонта и въ которомъ извѣщали его, что этотъ Маршалъ приказалъ надѣть въ своемъ корпусѣ бѣлую кокарду. Журданъ подумалъ, что ему лучше всего сдѣлать тоже и извѣстилъ Временное Правительство, что по примѣру Герцога Рагузскаго онъ велѣлъ надѣть бѣлую кокарду и въ своемъ корпусѣ. Получивъ такое извѣстіе, смѣло ожидали Мармонта, и когда онъ сталъ жаловаться Временному Правительству на то, что не помѣстили составленной по общему соглашенію статьи, ему сказали: «Но, Г. «Маршалъ, это не возможно; вотъ, посмотрите: «корпусъ Маршала Журдана надѣлъ бѣлую ко«карду; не ужели вы хотите дать арміи два «знамя? »

Мармонту нечего было возражать на дѣло столь положительное. Послѣ уже я узналъ, что Журданъ рѣшился принять бѣлые цвѣты единственно по положительному завѣренію, что Мармонтъ уже это сдѣлалъ. Такимъ образомъ мы утратили цвѣты, которые Лудовикъ XVI носилъ, которые Лудовикъ XVIII принялъ безъ сопротивленія и подъ знаменіемъ, которыхъ Графъ д'Артоа явился по своемъ возвращеніи жителямъ Парижа, куда онъ вступилъ

въ мундирѣ національной гвардіи. Увертка нѣсколькихъ членовъ Временнаго Правительства была пагубна; и сколькихъ золъ избѣгнула бы Франція, если бы отъ чистаго сердца согласились съ мнѣніемъ Мармонта!

Digitized by Google

++

ГЛАВА VII.

Наполеонъ одинъ въ Фонтенебло, и Маршалы въ Парижѣ.— Воззваніе къ арміи.—Онъ обвиняетъ Мармонта.—Странная похвала Сенату отъ Наполеона. — Три правительства во Франціи.—Марія Луиза въ Блоа. — Адресъ регентши къ Французскому народу.—Письмо Графа Монталивета.—Числа и рука.—Марія Луиза посылаетъ Герцога Кадорскаго къ Австрійскому Императору.—Регентство въ Блоа и послѣднія его дѣйствія.—Г. Монталивет пишетъ второе письмо къ префектамъ.—Прибытіе Герцога Кадорскаго въ главную квартиру Австрійскаго Императора.—Пріемъ, сдѣланный Францомъ II посланнику Маріи Луизы. — Увѣренія Императора въ дружбѣ къ Наполеону. — Отсутствіе Меттерниха.—Г. Стадіонъ при Императорѣ и ненависть его къ Наполеону. —Дурной успѣхъ посольства Герцога Кадорскаго.— Дружба Меттерниха къ Наполеону. — Возвращеніе Герцога Кадорскаго къ Маріи Луизѣ.—Отъѣздъ Императрицы въ Орлеанъ.

Императоръ, какъ я уже сказалъ, посылалъ безпрестанно въ Эссону съ приказаніемъ Маршалу Мармонту придти для соединенія съ нимъ въ Фонтенебло, а Мармонтъ уѣхалъ къ двумъ своимъ товарищамъ Нею и Макдональду, имѣв-

шимъ порученіе, о успѣхѣ котораго я разсказывалъ; подчиненные ему Генералы, опасаясь Императорскаго гнѣва, рѣшились двинуться къ Версали. Многіе оставшіеся въ Фонтенебло Офицеры, увѣряли меня, что Наполеонъ былъ точно бѣшеный, когда узналъ, какъ онъ называлъ, объ отложеніи Мармонта. Его несправедливость въ эту минуту была извинительна, потому что ему еще нельзя было знать, что Мармонтъ взялъ назадъ свое слово, данное Шварценбергу, на тотъ конецъ, чтобы имѣть возможность способствовать успѣху сдѣланнаго Нею, Макдональду и Коленкуру порученія. Въ заблужденіи своемъ, раздраженный Сенатскимъ актомъ, которымъ объявлено его лишеніе правъ, и еще полный увѣренности на успѣхъ предпріятія его повѣренныхъ, Наполеонъ пятаго Апрѣля по утру сдѣлалъ къ своей арміи воззваніе, котораго экземпляръ я получилъ въ тотъ же день, и въ которомъ видны изъясненія противныхъ одно другому чувствъ, волновавшихъ душу Императора; вотъ оно:

«Императоръ благодаритъ армію за ту при«вязанность, которую она къ нему оказываетъ «и въ особенности за то, что признаетъ, что «Франція въ его особѣ, а не въ занимающемъ «столицу народѣ. Солдатъ слѣдуетъ за удачею «и неудачею своего Генерала, его честію и ре«лигіею. Герцогъ Рагузскій не внушилъ чувствъ

«сихъ своимъ сослуживцамъ; онъ перешелъ къ «союзникамъ. Императоръ не можетъ одобрить «то условіе, съ которымъ онъ сдѣлалъ такой «поступокъ; онъ не можетъ принять жизни и «свободы отъ милосердія подданнаго.

«Сенатъ дозволилъ себѣ распоряжать Фран«цузскимъ Правительствомъ; онъ позабылъ, что «обязанъ Императору тою властію, которую «теперь употребляетъ во зло; онъ забылъ, что «Императоръ спасъ нѣкоторыхъ его членовъ «отъ ужасовъ революціи, *извлекъ изъ мрака и «защищалъ другихъ отъ ненависти націи.* Се«натъ основывается на статьяхъ конституціи; «для того, чтобы ее ниспровергнуть; онъ не «совѣстился дѣлать упреки Императору, не «примѣчая, что онъ, какъ первое Государствен«ное сословіе, принималъ участіе во всемъ про«исходившемъ. Онъ такъ далеко зашелъ, что «осмѣлился обвинять Императора въ измѣненіи «актовъ при ихъ обнародованіи. Цѣлому свѣту «извѣстно, что такія хитрости были для него «не нужны. Одинъ знакъ былъ закономъ Сенату, «который всегда дѣлалъ болѣе, чѣмъ отъ него «требовали.

«Къ Императору всегда могли имѣть доступъ «представленія его Министровъ и онъ ожидалъ «отъ нихъ, въ этомъ случаѣ самаго неопредѣ«лимаго оправданія принятыхъ имъ мѣръ. Если «энтузіазмъ замѣшался въ адресахъ и публич-

«ныхъ рѣчахъ, то Императоръ былъ обманутъ; «но тѣ, кто говорили такимъ образомъ, должны приписывать самимъ себѣ послѣдствія ихъ «лести. Сенатъ не совѣстится говорить о пасквиляхъ изданныхъ на чужеземныя Правительства и забываетъ, что эти пасквили сочинялись въ собственной средѣ его. Пока счастіе «пребыло вѣрнымъ ихъ Государю, до тѣхъ поръ «эти люди оставались вѣрными и неслышно «было ни одной жалобы на злоупотребленіе «власти. Если Императоръ презиралъ людьми, «какъ его въ томъ попрекнули, то теперь свѣтъ «узнаетъ причины, которыя были поводомъ «его презрѣнію. Онъ получилъ свой санъ отъ «Бога и отъ націи; они одни и могли лишить «его этаго сана, который онъ всегда почиталъ «для себя бременемъ и принялъ въ убѣжденіи, «что онъ одинъ только въ состояніи носить его «съ честію.

«Счастіе Франціи, казалось было, въ судьбѣ «Императора; нынѣ фортуна обратилась противъ «него и воля одной только націи могла убѣдить «его не оставаться долѣе на тронѣ; если онъ «долженъ почитать себя единственнымъ въ томъ «препятствіемъ, то охотно дѣлаетъ Франціи по«слѣднюю жертву. По этому онъ послалъ Кня«зя Московскаго и Герцоговъ Висенскаго и Та«рантскаго въ Парижъ для переговоровъ. Армія «можетъ быть увѣрена, что счастіе Императора,

«никогда не можетъ быть чуждо счастію «Франціи.»

Я безъ сомнѣнія, не остановляся здѣсь, чтобы дѣлать замѣчанія на это воззваніе, замѣчательное по столькимъ отношеніямъ. Однакоже не могу оставить мысли, пришедшей мнѣ въ голову въ отношеніи къ выраженію; которое я подчеркнулъ; не многое число словъ, его составляющее, можетъ доказать, до какой степени уничиженная гордость можетъ ослѣплять.

Чтоже! Наполеонъ въ гнѣвѣ своемъ на Сенатъ, укоряетъ это собраніе, тѣмъ, что онъ одну часть извлекъ изъ мрака, а другую защитилъ отъ ненависти народной. Какое обвиненіе взводилъ онъ тѣмъ на свое правленіе! Это значитъ, что онъ составилъ первое сословіе Государственныхъ чиновъ изъ людей не извѣстныхъ, и изъ людей подверженныхъ народной ненависти. Какое же ихъ было происхожденіе? Никогда злѣйшіе клеветники Наполеона не могли бы взвести важнѣе того обвиненія, которымъ онъ самъ себя обвинилъ.

Въ эту великую эпоху раздѣленія Имперіи, можно сказать, было три правленія, изъ которыхъ два были только призраки: Правленіе Временное въ Парижѣ, Наполеонъ въ Фонтенебло и сомнительное регентство или, такъ сказать, бродящее Правленіе Маріи Луизы. Я не безъ причины называю его сомнительнымъ и бро-

дящимъ, ибо дѣйствительно такъ мало согласны были въ томъ, что дѣлать Императрицѣ, что первое предположеніе было проводить её въ Орлеанъ, потомъ въ Туръ, и наконецъ остались въ Блоа. Въ доказательство сей нерѣшительности, слѣдовавшей за судьбою Маріи Луизы, я имѣю печатный листокъ, который долженъ быть очень рѣдокъ, и мнѣ показался онъ любопытнымъ по обстоятельствамъ, къ которымъ онъ относился; это циркуляръ къ Префектамъ, Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Г. Монталиве, сопровождавшаго Императрицу. — Но происшествія слѣдовали столь быстро, что не многіе его получили. Нетрудно догадаться, что листокъ сей сочиненъ былъ тотчасъ послѣ полученія въ Блоа извѣстій изъ Парижа. Во всякомъ случаѣ, вотъ списокъ съ того, который былъ напечатанъ, безъ означенія имени Типографщика и мѣста Типографіи. Въ (здѣсь вписано Блоа). (Здѣсь вписано 2).

Апрѣля 1814.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ Имперіи Г-ну Префекту . . . . . го Департамента.

Занятіе Парижа войсками могущественныхъ союзниковъ, поставило Правительство въ необходимость водвориться въ настоящее время въ . . . . (*), куда вы должны адресовать переписку вашу съ Министрами и всѣми верховными

(*) Въ пропускъ сей полустроки вписано Блоа.

властями, прекративъ съ Парижемъ всякое сношеніе.

Всѣ приказанія, всѣ инструкціи, которыя будутъ присылаемы къ вамъ изъ сей столицы до той минуты, пока вы не получите повѣстки о возвращеніи Императора или Императрицы въ Парижъ, должны считаться подложными, и повинуясь имъ, вы нарушите вѣрность вашей присяги.

Я надѣюсь, что тяжкія обстоятельства, въ которыхъ мы находимся, усугубятъ ревность вашу и сотрудниковъ вашихъ, и преданность вамъ подчиненныхъ. — Французы всегда были мужественны и велики въ годину бѣдствій; пусть покажутъ они свой характеръ, и бѣдствія скоро будутъ преодолѣны. Рачительность со стороны вашей въ доставленіи рекрутъ, которыхъ отъ васъ требуютъ для общей пользы, немедленный и точный взносъ (Контрибуціи), я не сомнѣваюсь, отличатъ Департаментъ, коего общественное мнѣніе находится подъ вашимъ вліяніемъ.

Пріймите Милостивый Государь увѣреніе въ моемъ особенномъ уваженіи.

Содержаніе циркуляра ясно показываетъ затруднительное положеніе регентства; не были даже увѣрены въ возможности разослать оный изъ того мѣста, гдѣ онъ былъ написанъ; сверьхъ того, требовали людей и денегъ въ то время,

когда народъ съ улыбкою надежды ждалъ конца ужасамъ конскрипціи.

Между тѣмъ Марія Луиза, узнавъ о занятіи Парижа союзными войсками, потребовала къ себѣ Герцога Кадорскаго, и вручая ему письмо, адресованное къ ея отцу, сказала: «Герцогъ, отправтесь къ моему родителю, онъ долженъ быть въ Дижонѣ, я надѣюсь: вы соблюдете выгоды Франціи, Императора и въ особенности моего сына.» Конечно Марія Луиза не могла избрать достойнѣе повѣреннаго, и столь важныя выгоды безъ сомнѣнія были бы защищены Герцогомъ Кадорскимъ, какъ нельзя лучше (Si defendi possent); но судьбы ничто уже не могло измѣнить; я разскажу объ успѣхѣ посольства Шампаньи, котораго Императоръ Австрійскій зналъ лично, во время пребыванія его болѣе трехъ лѣтъ въ качествѣ Французскаго посланника въ Вѣнѣ.

По отъѣздѣ Герцога Кадорскаго, Марія Луиза издала слѣдующую прокламацію къ *Французамъ*; судя по полученному тогда мною экземпляру можно заключить, что регентство въ то время рѣшилось оставаться въ Блоа, ибо нѣтъ въ немъ ни пробѣловъ, ни вписанныхъ словъ. Содержаніе прокламаціи слѣдующее:

«Военныя обстоятельства подвергли столицу «власти чужестранцевъ. Императоръ, предводительствуя войсками, столь часто побѣдоносными, устремился на ея защиту.

«Теперь онѣ предъ лицемъ непрiятеля подъ «стѣнами Парижа. Тѣ только повелѣнiя можете «вы признавать за дѣйствительныя, которыя «будутъ издаваемы изъ моего мѣстопребыванiя «или отъ Императорскихъ Министровъ.

«Каждый городъ, состоящiй во власти непрiя«теля освобождается отъ сего; ибо тамъ управ«ленiе происходитъ отъ воли иностранцевъ, или «по крайней мѣрѣ согласуется съ ихъ непрiяз«ненными видами.

«Вы останетесь вѣрны вашей присягѣ. Вы «будете повиноваться голосу Государыни, *кото«рой вы совершенно преданы* и которая вмѣ«няетъ себѣ въ славу быть Француженкою, и «раздѣлять судьбу Императора, произвольно ва«ми избраннаго.

«Не въ дни нашего благоденствiя, но нынѣ «сынъ мой полагается на вашу преданность.

«Его права и его личная особа, находятся «подъ вашею защитою.

«МАРIЯ ЛУИЗА.»

Блоа 4 Апрѣля 1814 годъ.

Прокламацiя сiя, исполненная чувства не произвела однако никакого дѣйствiя. Судя по получаемымъ тогда нами вѣрнымъ извѣстiямъ о происходившемъ въ Блоа, власть регентства постепенно ослабѣвала; насъ она ни сколько не безпокоила; опасности по моему мнѣнiю вовсе

уже не существовало. Да и тѣмъ болѣе, что о прокламаціи Маріи Луизы узналъ я послѣ свиданія Маршаловъ съ Императоромъ Александромъ, когда всѣ должны были совершенно успокоиться, предвидя ходъ послѣдующихъ событій.

Прокламація была контрасигнирована Монталиве: Здѣсь мѣсто объяснить, зачѣмъ въ циркулярѣ подчеркнулъ я выраженіе: «которой вы совершенно преданы.» Я за достовѣрное знаю, и могу утвердить подробности одного обстоятельства, которое имѣетъ съ симъ связь и стоитъ объ немъ упомянуть: по отпечатаніи циркуляра, листокъ представленъ былъ Императрицѣ; она собственно-ручно вычеркнула слова: «которой вы совершенно преданы» — и замѣнила ихъ словами: «которая вамъ совершенно предана;» изъ сего слѣдуетъ, что она добровольно ввѣрилась преданности Франціи. Несчастная Государыня старалась употребить все, чтобы направить колеблющіеся умы въ пользу свою, и особенно въ пользу сына, и дѣйствительно она лично своею особою внушала истинное участіе, даже тѣмъ, которые изъ политическихъ видовъ и изъ любви къ Франціи, наиболѣе старались ниспровергнуть нестерпимый Императорскій деспотизмъ.

Какъ-бы то ни было, прокламація Маріи Луизы была разослана 4 Апрѣля, въ тотъ самый

день, когда Наполеонъ вечеромъ подписалъ договоръ отреченiя; прокламацiю сiю мы уже видѣли и участь ея извѣстна. Монталиве разослалъ ее къ Префектамъ, приложивъ особый циркуляръ, который я долгомъ почитаю здѣсь помѣстить, ибо документы регентства рѣдки; сверхъ того я увѣренъ, что все помѣщенное мною за исключенiемъ прокламацiи Императора и можетъ быть прокламацiи Марiи Луизы, никогда не было публиковано. Для Исторiи необходимо собранiе оффицiальныхъ актовъ, оставшихся неизвѣстными и свидѣтельствующихъ о послѣднихъ усилiяхъ Министерства Наполеона. Вотъ тотъ циркуляръ:

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ Имперiи. Г-ну Префекту . . . . . -го Департамента.

«Имѣю честь препроводить къ Вамъ прокламацiю Ея Величества Императрицы къ Французамъ; прошу Васъ обнародовать ее съ возможною скоростiю; она должна быть распубликована и выставлена во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, а также разослана къ главнымъ гражданскимъ и воинскимъ Начальникамъ. Прикажите напечатать ее въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ.

«Обратите вниманiе, что одинъ изъ препровождаемыхъ мною экземпляровъ, подписанъ собственно-ручно Императрицею. Ея Величест-

«во, выражая собственныя чувства, желала тѣмъ «оказать Вамъ знакъ своего расположенія.

«Впредь донесенія Ваши адресуйте въ Туръ, «куда отправляются Императрица и Министры.

«Я желаю, чтобы Вы имѣли сношеніе со «мною чрезъ каждые два дня; въ настоящихъ «нашихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, «отдавайте мнѣ вѣрный отчетъ о состояніи «ввѣреннаго Вамъ Департамента, о духѣ его, о «поведеніи разныхъ управленій ихъ дѣйствіи и «о впечатлѣніи, какое производятъ событія на «народъ, подчиненный Вашему управленію. Доставляйте ко мнѣ въ оригиналѣ всѣ акты, и «ложныя предписанія, которые Вы будете «получать изъ Парижа, а съ незначительныхъ «бумагъ можете присылать копіи, или выписки.

«Императрица, зная Васъ, вполнѣ полагается «на Вашу преданность.

«Пріймите Милостивый Государь увѣреніе въ «моемъ совершенномъ уваженіи.»

«МОНТАЛИВЕ»

При семъ циркулярѣ находился Post-Scriptum: «Я отправилъ къ Вамъ втораго числа циркуляръ, котораго экземпляръ прилагаю здѣсь на «всякій случай.»

Но ни циркуляръ, ни Post-Scriptum ничего не произвели. Съ тѣхъ поръ Императоръ Австрійскій, не взирая даже на судьбу дочери

своей, не менѣе другихъ союзныхъ Государей желалъ паденія Наполеона и его династіи. Порученіе Шампаньи, о которомъ я очень хорошо знаю можетъ при случаѣ быть не оспоримымъ тому доказательствомъ.

Получивши отъ Императрицы письмо, Монталиве оставилъ Блоа и отправился въ главную квартиру Императора Австрійскаго, стараясь избѣгать дорогъ занятыхъ казаками. Послѣ многихъ затрудненій онъ пріѣхалъ въ Шансо, куда ожидали Франца II. Императоръ Австрійскій, будучи извѣщенъ вскорѣ по пріѣздѣ своемъ о прибытіи Герцога Кадорскаго пригласилъ его къ себѣ и принялъ съ большимъ уваженіемъ и съ особенными знаками дружбы, которою пользовался онъ въ бытность свою посланникомъ въ Вѣнѣ. Императоръ разсуждалъ о судьбѣ своей дочери съ лицемъ для него уже не чуждымъ, и я нѣсколько разъ замѣчалъ, сколь много имѣетъ вліянія на успѣхъ посольства, личная извѣстность Государю посланника; но Герцогъ Кадорскій слишкомъ много встрѣтилъ препятствій, чтобы надѣяться на успѣшное окончаніе своего порученія. Я узналъ, что онъ оставаясь нѣсколько часовъ съ Францомъ II, ничего болѣе получить отъ него не могъ кромѣ однихъ обѣщаній; Императоръ старался оправдываться, ссылаясь на обязательство заключенное имъ съ союзниками, чтобы одобрять

все то, что они будутъ дѣлать. Однакоже Герцогъ Кадорскій не рѣшился уѣхать изъ главной квартиры Австрійскаго Императора тотчасъ послѣ сего свиданія, надѣясь, что чрезъ ночь Императоръ можетъ еще обдумать, въ сколь трудномъ положеніи находится дочь его, лишенная прежняго величія, а потому испросилъ позволеніе откланяться Императору въ слѣдующее утро, при наступленіи котораго Его Величество едва успѣлъ встать, какъ Герцогъ явился къ нему съ новыми усильными предстательствами за права Маріи Луизы; Императоръ сказалъ ему: «я слишкомъ много люблю мою дочь, и столько же люблю моего «зятя; они заключены въ моемъ сердцѣ, и для «нихъ я готовъ пожертвовать своею кровію.— «Ахъ! Государь», прерывая его рѣчь, сказалъ Шампаньи, «подобной жертвы не требуется. «Да, Герцогъ, я готовъ пожертвовать своею «кровью, и отдамъ за нихъ свою жизнь; но, «повторяю, что я обѣщалъ моимъ союзникамъ «не заключать договоровъ безъ нихъ, и одобрять все, что они будутъ дѣлать. Впрочемъ,» прибавилъ Императоръ, «мой Министръ Метстерниихъ отправился уже въ ихъ главную квартиру, и я соглашусь на все, что онъ подпишетъ.»

Слушая подробности, разсказанныя мнѣ Герцогомъ Кадорскимъ о его посольствѣ, гдѣ усер-

діе не могло восторжествовать надъ невозможностію, я замѣтилъ, что онъ смотрѣлъ на отъѣздъ Меттерниха, и на пребываніе Стадіона при Императорѣ Австрійскомъ, какъ на обстоятельство пагубное для Наполеона. По моему мнѣнію ничто уже не могло удержать хода событій и рѣшительнаго исполненія предположеній союзниковъ. Однакоже должно сознаться, что Министры сіи питали къ Наполеону чувства совершенно противуположныя. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что Меттернихъ въ личномъ отношеніи много любилъ Бонапарте, который всегда оказывалъ ему благоволенія, свре и ласки, а особенно въ бытность его посломъ въ Парижѣ; въ подтвержденіе оказаннаго мною приведу произшествіе, за достовѣрность котораго могу ручаться. Во время бракосочетанія Маріи Луизы, когда поздравляли и привѣтствовали Меттерниха, онъ отвѣчалъ: «очень можно принимать привѣтствія, «оказавши пособіе въ дѣлѣ, имѣвшемъ одобреніе двадцати четырехъ милліоновъ соотечественниковъ.» Подобныя слова, сказанныя въ слухъ Министромъ Вѣнскаго кабинета, были очень пріятны Наполеону; однакоже Меттернихъ въ личныхъ съ нимъ соотношеніяхъ не скрывалъ истины; чему доказательствомъ служитъ слѣдующій разговоръ: «что касается до «васъ» сказалъ однажды ему Императоръ, въ

Дрезденѣ, «вы не будете воевать противъ ме-«ня; это не возможно; вы вѣрно не объявите «себя противникомъ моимъ! — Государь, между «нами нѣтъ совершеннаго союза, и со време-«немъ мы легко можемъ сдѣлаться врагами.» Это были послѣднія слова, которыя Меттернихъ сказалъ Наполеону. Мнѣніе сіе было очень ясно и, дѣйствительно надобно было имѣть все ослѣпленіе Наполеона, чтобы не воспользоваться имъ. Какъ бы то ни было, но приведенные мною два случая, ясно показываютъ доброе расположеніе Меттерниха къ Наполеону. — Что же касается до Стадіона, то это совершенно противное; онъ имѣлъ къ Императору глубокую ненависть, и дѣйствительно онъ не могъ позабыть, что причиною удаленія его предъ тѣмъ временемъ отъ Вѣнскаго кабинета было всемогущее тогда вліяніе Наполеона. Не вѣря, чтобы Министръ могъ перемѣнить рѣшеніе Австрійскаго Императора, я согласенъ однакоже съ тѣмъ, что Герцогъ Кадорскій, долженъ былъ считать дурнымъ предзнаменованіемъ, для успѣха своихъ порученій, присутствіе Стадіона при Императорѣ, и назначеніе его полномочнымъ Австрійскимъ Министромъ.

Оставя то, имѣло ли вліяніе или нѣтъ отсутствіе Меттерниха на рѣшеніе Франца II, скажемъ, что Монархъ сей не изъявилъ никакого согласія на настоятельныя убѣжденія Ми-

нистра, выполнившаго свои затруднительныя порученiя въ столь не благопрiятное время, самымъ благороднымъ образомъ и Шампаньи долженъ былъ получить окончательный отпускъ отъ Австрiйскаго Императора. Снабженный письмомъ его къ Марiи Луизѣ, долженствовавшимъ служить паспортомъ на дорогѣ занятой отрядами Казаковъ, Герцогъ Кадорскiй отправился и засталъ Императрицу въ Орлеанѣ, куда переѣхала она изъ Блоа во время его отсутствiя. Онъ нашелъ Марiю Луизу почти одну: всѣ главные сановники Имперiи одинъ за другимъ, присоединяясь къ Временному Правленiю, возвратились въ Парижъ.

Digitized by Google

ГЛАВА VIII.

Первое время вступленія моего въ должность Главнаго Директора Почтъ.—Посѣщеніе Блюхера.—Воспоминаніе о Гамбургѣ.—Долгій разговоръ.—Блюхеръ въ кабинетъ Наполеона въ Сенъ-Клу. — Мой домъ въ Сенъ-Клу освобожденъ отъ постоя. — Мое представленіе Прусскому Королю. — Представленіе Бертье.—Прусскій Король упрекаетъ Кларка, предъ нами.—Пріѣздъ Бернадота въ Парижъ.—Дружба его ко мнѣ не измѣнилась.—Долгій разговоръ съ Королемъ Правителемъ Швеціи.—Мнѣніе Бернадота о Моро.—Воспоминанія о Бернадотѣ и Наполеонѣ.—Заблужденіе въ разсужденіи ихъ и противуположное счастіе. — Отверженіе Титула: Князь де Понтекорво.—Гнѣвъ Наполеона. — Конференція Императора съ Шампаньи. — Слѣдствіе увѣдомленія.

Едва вступивъ въ отправленіе обязанностей моихъ по званію Главнаго Директора Почтъ при Временномъ Правленіи, я былъ крайне удивленъ, когда утромъ 2-го Апрѣля, пришелъ въ мой кабинетъ Прусскій Генералъ, въ лицѣ котораго я тотчасъ узналъ Блюхера, командовавшаго Прусскими войсками, въ сраженіи

подъ стѣнами Парижа. Входя ко мнѣ онъ сказалъ «По прибытiи въ Парижъ, я почелъ первою обязанностiю благодарить Васъ, за вниманiе ваше, оказанное мнѣ въ Гамбургѣ. Хотя уже восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь видѣть васъ, будучи плѣнникомъ въ Любекѣ, но изъ моей памяти не изгладилось воспоминанiе благородныхъ вашихъ поступковъ. Очень сожалѣю, что я не могъ знать ранѣе о пребыванiи вашемъ въ Парижѣ; я узналъ о томъ уже изъ списка членовъ Временнаго Правленiя, и могу васъ увѣрить, что еслибъ присутствiе ваше въ Парижѣ было мнѣ прежде извѣстно, то взятiе столицы обошлось бы безъ боя и кровопролитiя.—«Генералъ!» спросилъ я его поблагодаривши сперва за комплементъ, «на какихъ началахъ основываете вы слова ваши?— Боже мой! Если бы я могъ только знать, что вы въ Парижѣ, я бы попросилъ васъ пожаловать къ себѣ, и далъ бы вамъ письмо къ Прусскому Королю. Государю сему очень хорошо извѣстны средства союзниковъ, и я увѣренъ, что онъ доставилъ бы вамъ возможность заключить перемирiе, прежде, нежели окрестности Парижа сдѣлались театромъ войны.

«Но, не смотря на доброе согласiе союзниковъ,» отвѣчалъ я ему «почти не возможно было избѣжать обороны; непреоборимое затруд-

«неніе встрѣтилось бы въ раздраженномъ ха-«рактерѣ Французовъ.—Но Господи! вамъ бы до-«казали, что это ни къ чему не ведетъ, что вы «имѣли дѣло съ огромными массами народовъ.— «Вы справедливы, Генералъ, но Французы же-«лаютъ на всегда сохранить свою честь.—Со-«гласенъ; но развѣ для васъ не достаточно ва-«шей славы?—По пылкости характера своего «Французы думали бы, что она угасла, еслибъ «Парижъ занятъ былъ безъ обороны. Что же «касается до одобренія, сдѣланнаго вами Гене-«ралъ на счетъ поведенія моего въ Гамбургѣ, «то я высоко цѣню его при нынѣшнихъ об-«стоятельствахъ; а потому смѣю надѣяться, что «и вы въ Парижѣ покажете туже умѣренность; «время уже прошло, когда можно было гово-«рить, горе побѣжденнымъ.—Да, вы правы» однако присовокупилъ онъ улыбаясь, «вы знаете, «что насъ называютъ сѣверными варварами.— «Чтоже, Генералъ,» отвѣчалъ я въ такомъ же тонѣ, «вамъ теперь удобный случай доказать, «что это клевета.»

Таковъ былъ мой разговоръ съ Блюхеромъ въ кабинетѣ дома почтъ, и дѣйствительно союзники расположеніемъ своимъ къ намъ оправдали увѣренія Блюхера. Въ личномъ отношеніи чувства признательности ко мнѣ Блюхера не угасли; въ чемъ я убѣжденъ обстоятельствомъ, случившимся при второмъ возстановленіи, о

которомъ я намѣренъ теперь же разсказать. Въ то время, какъ Блюхеръ расположилъ главную квартиру свою въ Сенъ-Клудскомъ замкѣ, меня не было въ Парижѣ. По возвращеніи же въ столицу я услышалъ, что Блюхеръ, узнавъ о принадлежащемъ мнѣ прекрасномъ домикѣ, въ Сенъ-Клу, отдалъ приказъ не занимать его военнымъ постоемъ, и точно, я нашелъ домъ мой въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ оставилъ. Будучи доволенъ таковою памятью и вниманіемъ, я почелъ обязанностію благодарить его; и лишъ только доложили обо мнѣ, какъ я уже былъ въ его кабинетѣ. Какой кабинетъ, Господи! тотъ самый, въ которомъ я столько разъ занимался съ Наполеономъ. Мой Гамбургскій плѣнникъ въ томъ кабинетѣ, гдѣ рѣшилось столь много великихъ дѣлъ. Какой урокъ о бренности человѣческихъ замысловъ получилъ я тогда. Могъ ли я предполагать, во время свиданія моего съ Блюхеромъ, въ домѣ почтъ, что чрезъ годъ, отплачу ему визитъ въ замкѣ Сенъ-Клу. Оставя несчастія и стыдъ 1815 года, довольно уже вспомнить объ одномъ 1814 годѣ, чтобъ увѣриться въ превратности счастія.

Вскорѣ послѣ свиданія моего съ Блюхеромъ, я имѣлъ честь представляться въ частной аудіенціи Государю его. Прежде сего читатели уже видѣли, что онъ хотѣлъ дать мнѣ рекомендательное письмо къ Его Величеству о мо-

емъ поведеніи въ Гамбургѣ. Король принималъ меня вмѣстѣ съ Бертье и Кларкомъ, во дворцѣ Евгенія, въ улицѣ Бурбона, въ которомъ жилъ онъ во время пребыванія своего въ Парижѣ. Я не постигаю, какимъ образомъ, говоря о семъ происшествіи прежде, я означилъ мѣсто аудіенціи въ Тюліери. Эту ошибку можно бы было обратить въ вину другому, но мнѣ она простительна. Дворецъ Тюліерійскій слишкомъ много оставилъ впечатлѣній въ умѣ моемъ, а потому не удивительно, если я въ разсѣянности упомянулъ объ немъ не у мѣста.

Бертье, Кларкъ и я находились нѣсколько минутъ въ залѣ, пока Фридрихъ-Вильгельмъ вышелъ къ намъ изъ своего кабинета. Я замѣтилъ на лицѣ его какое-то смущеніе и во взглядѣ, что-то суровое.

Бертье былъ первый, за нимъ Кларкъ, потомъ я. Слѣдуя этому порядку, Король, обратился сперва къ Бертье и сказалъ ему съ видомъ благородства и съ нѣкоторымъ смущеніемъ. «Господинъ Маршалъ! Мнѣ бы пріятнѣе «было видѣть васъ въ Берлинѣ, какъ путешественника, нежели въ настоящее свиданіе, но «дѣлать уже нечего. Вамъ извѣстно, что въ военныхъ обстоятельствахъ счастіе не можетъ постоянно благопріятствовать одной сторонѣ. Ваши войска храбры и хорошо управляемы, но «вамъ не возможно было сопротивляться мно-

«жеству. Увѣряю васъ, не страсть къ завоева-«ніямъ привела союзниковъ во Францію, но «чувство необходимости исторгнуть миръ по-«стоянный, не смотря ни на какія пожертвова-«нія. Цѣлая Европа вооружилась противъ Им-«ператора, чтобы рѣшить судьбу его; терпѣніе «имѣетъ свои предѣлы. Вы, Господинъ Маршалъ, «провели много военнаго времени въ Германіи. «Мнѣ пріятно сказать вамъ, что благородное «поведеніе ваше и умѣренное обхожденіе съ «Германцами въ эпоху бѣдствій, никогда не «будутъ забыты.»

Бертье смѣшался, благодаря Короля за похвалу дѣйствительно имъ заслуженную. И въ самомъ дѣлѣ при всемъ томъ, что онъ имѣлъ можетъ быть ограниченный умъ, слабый характеръ и нѣкоторыя странности, Бертье никогда не былъ злымъ человѣкомъ, въ чемъ я могу увѣрить, бывши постоянно свидѣтелемъ его благороднаго обхожденія съ побѣжденными.

Послѣ благодарности Бертье, Король обратился къ Кларку; я не сводилъ съ него глазъ и замѣтилъ на лицѣ его выраженіе неудовольствія. «Вамъ, Господинъ Генералъ, не могу я «сказать того, что сказалъ Маршалу. Жители «Берлина долго будутъ помнить управленіе ва-«ше. Вы во зло употребили право побѣды, и «мѣры вашей жестокости и обидъ не имѣли «границъ. Континентальную систему вы сдѣла-

«ли ненавистнѣе, нежели какъ она была. Не «скрою отъ васъ, что жители Берлина еще «долго будутъ жаловаться на васъ. Я знаю, что «вамъ были даны строгія приказанія; но вы «при исполненіи ихъ не оказывали никакого «снисхожденія. Притѣсненія ваши въ отношеніи «писемъ превосходили всякое излишество. Со«вѣтую вамъ никогда не возвращаться въ «Пруссію.

Я былъ сильно огорченъ, слушая укоризны, высказываемыя Королемъ при двухъ свидѣтеляхъ, человѣку, съ которымъ, правда, я никогда не искалъ случая имѣть короткія связи, однакоже былъ долгое время въ сношеніяхъ по дѣламъ службы; хотя я зналъ его за человѣка слабаго отъ природы и льстеца, но въ частной жизни онъ былъ человѣкъ превосходный. Приведенныя мною слова, произнесены были Королемъ Прусскимъ голосомъ громкимъ и раздраженнымъ, и до такой степени поразили Кларка, что онъ съ усиліемъ произнесъ нѣсколько невнятныхъ словъ безъ всякой связи и порядка, чего впрочемъ Фридрихъ-Вильгельмъ не замѣтилъ, ибо окончивая къ нему рѣчь свою, въ тоже время обратился ко мнѣ.

«А! Г. Буріеннъ,» сказалъ онъ, совершенно изменя тонъ своего голоса и *rasserenando si*, какъ говорятъ Италіянцы, «очень радъ съ вами ви«дѣться, и повторить тоже, что я писалъ къ

«вамъ изъ Кенигсберга, во время моего тамъ «пребыванiя. Вы оказывали покровительство, «зависѣвшее отъ васъ, всѣмъ Нѣмцамъ, кото«рые къ вамъ обращались. Вы по возможности «смягчали ихъ жребiй. Я съ удовольствiемъ «слушалъ о всемъ, что вы дѣлали для Прус«саковъ, которые жребiемъ войны заброшены «были въ Гамбургъ. Мнѣ прiятно сказать вамъ, «предъ сими господами, что если бы всѣ Фран«цузскiе агенты, мыслили и дѣйствовали по«добно вамъ, то вѣроятно мы бы здѣсь не «были.

Будучи тронутъ благоволенiемъ Прусскаго Короля, я изъявилъ ему признательность мою поклономъ, послѣ чего онъ раскланявшись съ нами удалился. Не смотря на мое удовольствiе, произведенное благосклоннымъ прiемомъ Короля, я вполнѣ раздѣлялъ огорченiе Кларка, ибо нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ быть свидѣтелемъ личнаго оскорбленiя. Бѣдный Генералъ до того былъ разстроенъ, что мы съ Бертье принуждены были взять его подъ руки, чтобы свести съ лѣстницы, по которой онъ сходилъ шатаясь. Безъ сомнѣнiя Кларка можно было обвинять за слишкомъ точное исполненiе данныхъ ему приказанiй, но неожиданныя укоризны вѣнчанной особы, мнѣ кажется сильно подѣйствовали на душевное состоянiе его, довольно слабое отъ природы.

До сихъ поръ въ этой главѣ я говорилъ только объ иностранныхъ особахъ, которыхъ успѣхъ войны по занятіи Парижа привелъ во Францію; разсказъ мой я буду продолжать въ томъ же порядкѣ, только о другомъ лицѣ для меня не чуждомъ, о которомъ я уже много говорилъ, и къ которому я питалъ искреннюю привязанность, это Бернадотъ Шведскій Король Правитель.

Графъ д' Артуа, прибылъ въ Парижъ какъ уже выше сказано 12-го Апрѣля; спустя нѣсколько дней пріѣхалъ туда и Бернадотъ. Положеніе его было сомнительно до того времени, когда сила обстоятельствъ уничтожила совершенно надежды его, которыя онъ могъ имѣть во время свиданія съ Императоромъ Александромъ въ Або. Въ нѣкоторыхъ брошюркахъ называли его измѣнникомъ Франціи, въ чемъ несправедливо обвиняли его, даже нѣкоторые изъ поклонниковъ исчезнувшей нашей славы, негодовавшіе на него въ какомъ-то раздраженіи, извинительномъ въ несчастіи.

Я также помню, что Наполеонъ до паденія своего, велѣлъ издать отъ Полиціи объявленіе, въ родѣ протеста противъ Шведскаго Короля Правителя. Бернадотъ остановился въ улицѣ д' Анжу, въ домѣ гдѣ жила его супруга. Подъ окнами дома были слышны крики. «Прочь измѣнникъ? Прочь вѣроломный!» Но волненіе

сiе не имѣло никакихъ послѣдствiй, и кончилось однимъ оскорбленiемъ, слѣдствiемъ ничтожнаго мщенiя.

Во время пребыванiя Бернадота въ Парижѣ, я видѣлся съ нимъ каждый день. Онъ скрывалъ отъ меня свои слабыя надежды на престолъ Францiи. Не смотря на то въ разговорахъ, при занятiяхъ моихъ съ нимъ я убѣдился, что онъ имѣетъ виды наслѣдовать Наполеону, хотя о томъ онъ мнѣ и не говорилъ прямо. Со дня встрѣчи моей съ Генераломъ Рейньеромъ у Герцога Ровиго. Я убѣдился въ моихъ догадкахъ о видахъ Бернадота; я разсказалъ объ этомъ Бернадоту, и онъ не нашелъ болѣе средствъ скрываться отъ меня.

Я спросилъ Бернадота, что думалъ онъ о замыслахъ, приписываемыхъ Моро, и справедливо ли то, что Моро искалъ опасной славы править Францiею. «Эти слухи,» отвѣчалъ мнѣ Король, «ни на чемъ неоснованы: могу васъ увѣ«рить въ томъ, по крайней мѣрѣ въ разгово«рахъ со мною, Императоръ Александръ, не «сказалъ ничего такого, чтобы могло подтвер«дить это предположенiе. Мнѣ извѣстно, что «Россiйскiй Императоръ желалъ въ возгорѣв«шейся великой борьбѣ воспользоваться воин«скими дарованiями Моро и желалъ при счаст«ливомъ окончанiи войны доставить случай со«сланному Генералу возвратиться въ свое отс-

«чество, гдѣ бы онъ могъ пріобрѣсть почести «и права за прежнія свои заслуги.»

Объяснивши мнѣ настоящее положеніе, въ которомъ находился Моро, при Императорѣ Александрѣ, Бернадотъ признался, что онъ удивляется возвращенію Бурбоновъ. Онъ даже не вѣрилъ, чтобы Французскій народъ могъ такъ скоро согласиться на предложеніе признать ихъ вновь своими Государями. Онъ также не скрылъ отъ меня, что онъ прибылъ въ Парижъ, съ намѣреніемъ имѣть участіе въ происшествіяхъ, но съ самаго начала, увидя холодный пріемъ прежнихъ своихъ сотоварищей по арміи, онъ убѣдился, что ничего не можетъ выиграть въ свою пользу.

Во время пребыванія своего въ Парижѣ, Бернадотъ оказывалъ мнѣ тѣже знаки дружбы, которыми я пользовался въ Гамбургѣ. Однажды я получилъ отъ него письмо посланное изъ Парижа, слѣдующаго содержанія:

«Господинъ Статскій Совѣтникъ Буріеннъ, «Король мой повелитель предоставилъ въ мое «распоряженіе нѣсколько знаковъ ордена Сѣ«верной Звѣзды. Возложивъ на васъ знаки сего «ордена, я достойнымъ образомъ оправдаю до«вѣренность, которой Его Величество удостоилъ «меня, и мнѣ очень пріятно будетъ имѣть слу«чай воздать этимъ полную справедливость ва«шимъ заслугамъ и доказать вамъ особенное

«уваженіе мое. Молю Всевышняго, да приметъ «онъ васъ подъ свою Святую защиту и пребы- «ваю къ вамъ благосклонный:

«КАРЛЪ-ІОАННЪ.»

Признаюсь, что память и дружба Бернадота радовали меня болѣе, нежели самый орденъ Сѣверной Звѣзды. Въ продолженіе службы моей я часто бывалъ свидѣтелемъ, какимъ образомъ жалуются во Франціи подобные знаки отличія, а потому не думаю, чтобы они могли меня очаровывать.

Какъ-бы то ни было, Бернадотъ не совсѣмъ довольный пребываніемъ своимъ въ Парижѣ, не взирая на дружбу, постоянно оказываемую ему Императоромъ Александромъ, оставался тамъ не долго, и отправился въ Швецію, откланявшись Графу д'Артуа. Я не имѣлъ случая видѣть его послѣ сего прощательнаго визита, а потому не знаю ничего о послѣднемъ разговорѣ сихъ Государей. Конечно я никогда не думалъ, чтобы Бернадоту вручено было правленіе Франціи, и не смотря на постоянную къ нему мою дружбу, если въ политическихъ собраніяхъ случалось что-либо говорить о немъ, я не могъ ничего сказать въ его пользу, ибо я зналъ, да онъ и самъ чувствовалъ невѣрность его предположенія. Его несправедливо обвиняли, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, за участіе съ союзниками.

Онъ какъ Шведъ обязанъ былъ сражаться

противъ всѣхъ враговъ Швеціи; но народъ Франціи по предубѣжденію своему смотрѣлъ на него не болѣе, какъ на Маршала Имперіи. Бернадотъ уже не былъ подданнымъ Франціи, но Моро оставался имъ, вотъ почему безпристрастный Историкъ поставитъ этихъ двухъ знаменитыхъ Генераловъ въ безмѣрномъ разстояніи другъ отъ друга; одинъ сражался за свое новое отечество, а другой палъ, сражаясь противу своей отчизны.

Вѣроятно мнѣ не случится болѣе говорить о Бернадотѣ, а потому скажу нѣсколько словъ о послѣднемъ пребываніи его въ Парижѣ; ибо извѣстно, что въ 1815 году онъ туда не возвращался. Въ эту эпоху я увидѣлъ, что ошибочно полагали, будто Бернадотъ былъ созданіе Наполеона; безъ сомнѣнія читатели моихъ записокъ, могутъ сами разувѣриться въ ошибочномъ мнѣніи, если только примутъ на себя трудъ сблизить происшествія, относящіяся до сего Короля счастливца; однакоже я прибавлю нѣкоторыя обстоятельства, пришедшія мнѣ на память, которыя думаю вполнѣ разрѣшатъ вопросъ сей.— Безъ сомнѣнія съ перваго взгляду можно заключить, что Бернадотъ Маршалъ Имперіи, въ послѣдствіи Князь де Понте-Корво, всемъ обязанъ Императору. Но если принять во вниманіе, что Бернадотъ былъ соперникомъ въ счастіи Наполеону, можно увѣриться, что

Наполеонъ вовсе не вспомоществовалъ возведенію его въ санъ Короля Швеціи. Но напротивъ имѣлъ намѣреніе разрушить судьбу его и судьбу Государства, которымъ управлять онъ былъ призванъ, чего не много исполнить не успѣлъ.

Не стану повторять сказаннаго мною о пребываніи Барнадота въ Гамбургѣ, гдѣ онъ счастливыми качествами своими пріобрѣлъ приверженность Шведовъ.

Вотъ обстоятельство не вполнѣ мнѣ извѣстное, но за достовѣрность котораго я могу ручаться. Когда Герцогъ Кадорскій, бывшій тогда Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, доложилъ Императору объ избраніи Князя де Понте-Корво въ правители Шведскаго Королевства, Императоръ сказалъ: «А, они его избрали, хо«рошо . . . . хорошо . . . . они могли бы сдѣ«лать лучшій выборъ, но, я не хочу препятст«вовать его счастію; ему не возможно отпра«виться съ пустыми руками; дать ему два «миліона.»

И сіе, по видимому доброе расположеніе Императора къ Принцу, вдругъ разрушено было непредвидимымъ обстоятельствомъ: Бернадотъ по моему мнѣнію заключилъ очень благоразумно, что титулъ Князя де Понте-Корво не совмѣстенъ съ его новымъ саномъ, который освобождаетъ его отъ всякихъ обязанностей подданна-

го Французской Имперіи; а извѣстно, что въ то время Наполеонъ желалъ, дабы всѣ Государи Европейскіе зависѣли отъ него, а потому должно заключить, что онъ былъ сильно раздраженъ узнавши эту новость. Мнѣ неизвѣстно, кто ему сказалъ объ этомъ, ибо я находился въ то время въ Гамбургѣ, и узналъ обстоятельство сіе только по возвращеніи моемъ. Но Шампаньи долженъ былъ знать, ибо Императоръ призвалъ его къ себѣ и съ гнѣвомъ сказалъ; «Что «это такое? . . . чего же хочетъ Бернадотъ? . . . «что значитъ это Шведское безуміе, сдѣлаться «Шведомъ? . . . Сколько же этихъ Шведовъ? . . . я «хочу кончить это и болѣе не слышать о томъ; «Г. де Шампаньи, напишите въ этомъ смыслѣ.»

Вотъ что можетъ дать понятіе о степени гнѣва Напалеона, произведеннаго благородною разборчивостью Короля Швеціи. Спустя два дня послѣ сего, Императоръ спросилъ Шампаньи написалъ ли онъ. «Написалъ Государь.—Но все «ли вы написали что я хотѣлъ? Надѣюсь, что «все Государь.—Посмотримъ?» Наполеонъ началъ читать; должно замѣтить, что онъ почти никогда не дѣлалъ подобныхъ требованій; окончивъ чтеніе, сказалъ онъ съ живостію; «это не «то, это слишкомъ снисходительно; я вамъ ска«залъ, что я желалъ бы все кончить, и болѣе «не заниматься этими двумя или тремя миліона«ми Шведовъ.»

Бернадотъ ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ произшествiи, впрочемъ я и самъ нехотѣлъ разспрашивать его. Безъ сомнѣнiя это обстоятельство заставило Бернадота принять участiе въ походѣ Московскомъ, и наконецъ привело его къ стѣнамъ Парижа.

Digitized by Google

++

ГЛАВА IX.

Возвращеніе Императорскихъ коммисаровъ къ Александру. — Присутствіе мое у Талейрана.—Вторая конференція Александра съ Маршалами.—Присутствіе Короля Прусскаго.— Неизмѣнное опредѣленіе союзниковъ.— Перемиріе на двадцать четыре часа. — Вѣжливость, оказанная Александромъ Макдональду, отвѣтъ Маршала. — Фонтенебло въ рукахъ союзныхъ войскъ.—Дружба Александра къ Наполеону.— Отъѣздъ Александра, и Поццо-ди-Борго. — Послѣдній смотръ войскамъ, сдѣланный Наполеономъ, до его прощанія.—Маршалы въ Фонтенебло и необходимость прямаго и яснаго отреченія. — Довѣренность Императора къ Макдональду.—Возвращеніе въ Парижъ и присоединеніе Нея.— Макдональдъ возвращается въ Фонтенебло одинъ. — Необыкновенное положеніе Императора. — Намѣреніе отправиться и сомнѣнія въ разсужденіи этаго.—Глубокая задумчивость Бонапарте.—Любопытный разговоръ Императора съ Маршалами.—Сабля Мурадъ-Бея и благородная награда. —Послѣднее прощаніе.—Прямое и ясное отреченіе Наполеона.—Благородное присоединеніе Макдональда.— Странное сближеніе чиселъ.

Читатели уже знаютъ о слѣдствіи посольства Маршаловъ въ отношеніи къ регентству; едва Мармонтъ растался съ ними, чтобы отправить-

ся въ Версаль, коммисары поспѣшили къ Императору Александру, извѣстить его о движенiи корпуса Мармонта. Утромъ я былъ у Талейрана, и узналъ что надежды наши осуществились; вопросъ совершенно былъ разрѣшенъ. Александръ въ шесть часовъ утра отправился пѣшкомъ къ Прусскому Королю, въ Бурбонскую улицу, и оба Государя вмѣстѣ пришли къ Талейрану, въ то время, когда коммисары Императора возвратились. При семъ случаѣ я замѣчу важную ошибку, которую исправить не могу, говоря что союзники не желали болѣе заключать договоровъ съ Бонапарте и его фамилiею, когда узнали, что лагерь при Эссонѣ снятъ и Наполеонъ открыто находится въ Фонтенебло. Достаточно одного взгляда, чтобы увидѣть истину. Мармонтъ только утромъ пятаго числа, узналъ о движенiи своихъ войскъ, а въ предшествовавшую ночь Александръ объявилъ, что онъ будетъ говорить объ этомъ съ Королемъ Прусскимъ, что походило на вѣжливый, но рѣшительный отказъ договариваться съ Бонапарте, или съ кѣмъ либо изъ его фамилiи, сообразно съ прежнимъ объявленiемъ Александра.

Маршалы и Герцогъ Виченскiй были допущены въ присутствiе двухъ Государей; Александръ началъ разговоръ и сказалъ, что существованiе регентства не возможно. «Вотъ Госпо-

«да,» прибавилъ онъ «что могъ сдѣлать я и мои «союзники. Три дни тому назадъ Парижъ объ«явилъ свое согласіе и со всѣхъ сторонъ полу«чаются такія же извѣстія. Если войско рѣши«лось не соглашаться съ нами, то по крайней «мѣрѣ должно бы было предупредить насъ о «томъ заблаговременно. — Государь,» возразилъ Макдональдъ «осмѣлюсь замѣтить Вашему Ве«личеству, что сдѣлать сего было не возможно; «ибо почти никого изъ Маршаловъ не было въ «Парижѣ. Кто могъ предвидѣть, что обстоя«тельства примутъ настоящій оборотъ? Могли «ли мы думать, что недоразумѣніе и неумѣст«ный страхъ заставятъ войска Герцога Рагуз«скаго уйти изъ подъ Эссоны.» Слова сіи ни сколько не измѣнили опредѣленія Государей; они твердо положили заботиться о прямомъ и безусловномъ отреченіи Наполеона. Маршалы прежде, нежели приступили къ сему важному вопросу, испросили у Императора Александра перемиріе на двадцать четыре часа, для истребованія отъ Наполеона акта о его отреченіи. Это требованіе не встрѣтило препятствій, и Императоръ Александръ съ особенною вѣжливостію, показывая Макдональду карту окрестностей Парижа, подалъ ему карандашъ, и сказалъ: «Возмите Г. Маршалъ, и назначте сами «границы обѣихъ армій.» — Нѣтъ Государь, отвѣчалъ Маршалъ, «не намъ побѣжденнымъ слѣ-

«дуетъ назначать линію» Александръ назначилъ границею Сену, которой правый берегъ предоставлялся союзникамъ, а лѣвый Французскимъ войскамъ, что было поводомъ къ спору, послѣ котораго признали не возможность такого разграниченія по неудобству раздѣлить Парижъ на двѣ половины, и наконецъ положили, чтобы линія идя по рѣкѣ обогнула Парижъ. На картѣ отправленной въ Австрійскій Главный Штабъ, для указанія Шварценбергу границъ, рѣшительно положенныхъ, какъ-то нечаянно вкючили въ черту союзныхъ войскъ Фонтенебло, гдѣ находилась главная квартира Императора; Австрійцы до такой точности держались указанія, что Маршалъ Макдональдъ вынужденъ былъ жаловаться Александру, который и уничтожилъ всѣ затрудненія.

Когда былъ сдѣланъ вопросъ объ отреченіи, Макдональдъ сообразно даннымъ ему наставленіямъ отвѣчалъ, что Наполеонъ для себя ничего не требуетъ: «Увѣрьте его» возразилъ Александръ, «что участь его будетъ достойна «занимаемаго имъ сана и скажите, если онъ «желаетъ для своего пребыванія избрать мое «Государство, то не смотря на то, что онъ его «опустошилъ, онъ будетъ принятъ радушно; и «что ему назначатъ Островъ Эльбу или что ни«будь другое.»

Получа отпускъ отъ Императора Александра,

5-го Апрѣля, Коммисары Наполеона возвратились въ Фонтенебло, для отдачи отчета Императору въ ихъ порученіяхъ. Прежде, нежели скажу, какъ они были приняты, и что происходило въ Фонтенебло, должно припомнить, что въ этотъ самый день, я видѣлъ Александра и мнѣ казалось, что онъ чувствовалъ себя облегченнымъ отъ тяжкаго бремени, когда узналъ, что дѣло о регентствѣ кончилось безъ его участія. Я также знаю, что онъ рѣшась выѣхать изъ Парижа на нѣсколько дней, предоставилъ полномочіе Г. Поццо-ди-Борго, наименовалъ его депутатомъ съ своей стороны при Временномъ Правленіи и далъ ему вѣрющее письмо, которое долгомъ считаю помѣстить здѣсь; да прочтетъ его каждый изъ друзей и соотечественниковъ Бонапарте.

«Удаляясь изъ Парижа, я желаю, чтобы без«прерывныя сношенія съ Временнымъ Правле«ніемъ не прекращались. Въ слѣдствіе чего, на«значаю Генералъ-Маіора Поццо-ди-Борго, де«путатомъ съ моей стороны, въ качествѣ Глав«наго Коммисара и предлагаю вамъ М. М. Гг. «имѣть къ нему довѣріе во всемъ, что онъ име«немъ моимъ будетъ объявлять вамъ и сооб«щать ему всѣ предположенія, которыя требу«ютъ моего участія. Онъ пользуется моею до«вѣренностію, и въ настоящемъ случаѣ вполнѣ «ее оправдаетъ и употребитъ все, что только

«можетъ упрочить миръ, столь счастливо воз-«становленный между Россiею и Францiею.

«Примите, М. М. Гг. увѣренiе въ моемъ уваженiи.

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Въ этотъ самый день 5-го Апрѣля, Наполеонъ сдѣлалъ опять смотръ войскамъ своимъ на дворѣ Фонтенебло; онъ замѣтилъ какую-то холодность въ Офицерахъ и даже въ рядахъ солдатъ, которые изъявляли ему столько восторга во время смотра 2-го Апрѣля, эта холодность до того оледенила его, что онъ чрезъ нѣсколько минутъ возвратился во дворецъ. Хотя обстоятельство сiе и не слишкомъ важно среди всего, что происходило тогда; но я говорю о немъ какъ о послѣднемъ появленiи Наполеона предъ войскомъ, ибо послѣ сего онъ не показывался уже войску до дня прощанiя. Онъ очень хорошо понялъ общее неудовольствiе, выраженное безмолвiемъ, къ которому онъ не былъ прiученъ; съ тѣхъ поръ тяжкiя мысли не оставляли его. Ночью съ пятаго на шестое или, если угодно, шестаго числа, въ двѣнадцать часовъ, Маршалъ Ней, Маршалы Макдональдъ и Коленкуръ явились въ Фонтенебло дать отчетъ Императору въ успѣхѣ своего порученiя и сообщить о намѣренiяхъ Александра въ минуту ихъ отъѣзда. Маршалъ Ней началъ говорить первый и объявилъ На-

полеону, что союзники требуютъ отъ него яснаго и прямаго отреченія, безъ всякихъ условій, кромѣ увѣренія въ личной его безопасности. Маршалъ Макдональдъ и Герцогъ Виченскій сказали тоже, только въ выраженіяхъ болѣе мягкихъ, ибо Ней не имѣлъ искуства выражаться хорошо. Когда Макдональдъ пересталъ говорить, Наполеонъ обратился къ нему съ нѣкоторымъ смущеніемъ и сказалъ: «Я знаю, «Маршалъ, все что вы для меня сдѣлали, знаю «ревность, съ какою вы защищали права мо«его сына! Они хотятъ отъ меня прямаго и «яснаго отреченія! И такъ я снова предоста«вляю вамъ власть защищать выгоды мои и «моего семейства.» Послѣ нѣкотораго *молчанія* Наполеонъ сказалъ: «Маршалъ! гдѣ же я буду «находиться.» Тогда Макдональдъ объявилъ Императору слова Александра, «если онъ хочетъ «избрать для своего жительства Россію, то онъ «будетъ принятъ ею радушно. Впрочемъ Госу«дарь!» присовокупилъ онъ, «Императоръ Россій«скій сказалъ мнѣ, что онъ назначаетъ вамъ ос«тровъ Эльбу, или что нибудь другое (Lile d' Elbe «ou autre chose). Или что нибудь другое! съ живостію возразилъ Наполеонъ, . . . «но чтожъ это «другое?— Не знаю Государь. — А! это безъ сомнѣнія островъ Корсика (L'ile de Corse); онъ не хотѣлъ сказать сего, не желая встрѣтить непріятную игру словъ. «Маршалъ, я на васъ по-

«лагаюсь.» Я могу ручаться за достовѣрность всего мною сказаннаго, ибо о произшествіяхъ сихъ слышалъ я отъ лицъ важныхъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Впрочемъ всѣ эти подробности давно уже описаны. Мнѣ также извѣстно, что Наполеонъ сперва изъявилъ неудовольствіе и хотѣлъ еще попытаться идти на Парижъ; но въ изъявленіи своего неудовольствія, показалъ менѣе пылкости, которой должно было бы отъ него ожидать; это обнаруживало черту его характера; ибо до сихъ поръ, вздумавъ что-либо однажды, Наполеонъ приступалъ въ тоже время къ рѣшительному исполненію. Переговоры для него не существовали.

Маршалы, получивъ отъ Наполеона полномочіе возвратились въ Парижъ.

По пріѣздѣ туда, Маршалъ Ней присоединился къ Временному Правленію, и Макдональдъ долженъ былъ возвратиться туда одинъ, чтобъ представить Наполеону рѣшительныя условія (*) союзниковъ. Коленкуръ оставался въ Фонтенебло. Ней не возвращался уже въ Фонтенебло, на что Императоръ изъявилъ свое удивленіе и неудовольствіе. Ней, всѣ его друзья согласны въ томъ, истощивъ всю свою энергію на поляхъ битвы, часто внѣ сраженія не имѣлъ рѣши-

(*) Условія сіи находятся въ концѣ тома, между примѣчаніями и историческими поясненіями.

мости и потому я не удивляюсь, что онъ перешелъ къ союзникамъ прежде нѣкоторыхъ своихъ товарищей. Что же касается до Макдональда, то онъ имѣлъ одинъ изъ числа тѣхъ великодушныхъ характеровъ, на который тѣмъ болѣе можно было полагаться, чѣмъ болѣе превратности счастія и не удачь. Наполеонъ въ этомъ убѣдился. И такъ Макдональдъ возвратился въ Фонтенебло одинъ; войдя въ комнату Императора, онъ засталъ его сидящимъ въ небольшихъ креслахъ возлѣ камина; на Наполеонѣ былъ бѣлый канифасный сертукъ; въ туфляхъ на босую ногу, локтями онъ опирался въ колѣна, а голову поддерживалъ руками. Онъ былъ неподвиженъ, и казался погруженнымъ въ глубокія размышленія При немъ находились только двѣ особы, Герцогъ Бассано, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Императора, а Коленкуръ возлѣ камина. Онъ до такой степени предался задумчивости, что даже не замѣтилъ прихода въ кабинетъ Маршала Макдональда; Герцогъ Виченскій долженъ былъ увѣдомить его о присутствіи Маршала: «Государь,» сказалъ Коленкуръ, «Герцогъ Тарантскій привезъ для вашего подписанія договоръ, который завтрашній день «долженъ быть утвержденъ.» Тогда Императоръ, какъ будто пробудившись отъ летаргическаго сна, оборотился къ Макдональду и сказалъ ему

только сіи слова: «А! это вы Маршалъ!» Лице Наполеона до того измѣнилось, что Маршалъ, пораженный перемѣною не могъ удержать себя, чтобъ не сказать Государю: «Ваше Величе«ство не здоровы!—Да! . . . . . я провелъ ночь «очень дурно (*).»

Императоръ съ минуту еще оставался въ креслахъ, потомъ всталъ, взялъ изъ рукъ Маршала договоръ, прочиталъ его, не дѣлая никакихъ замѣчаній, подписалъ, и отдавая Маршалу сказалъ: «Я нестолько богатъ, чтобъ могъ «вознаградить послѣднюю вашу услугу. — Вы «знаете Государь, что интересъ никогда мною «не управлялъ; я это знаю и теперь вижу, что «много несправедливаго говорили мнѣ о васъ. «Я ясно понимаю теперь намѣренія тѣхъ, ко«торые меня противъ васъ предубѣждали!— Го«сударь, я уже вамъ сказалъ, что съ 1809 го«да, я вашъ на жизнь и смерть!— Это правда,

(*) Въ ночь, предшествовавшую возвращенію Маршала Макдональда въ Фонтенебло, увѣряютъ, будто Наполеонъ покушался отравить себя; но какъ я не имѣю достовѣрныхъ свѣденій объ этомъ и желаю говорить только о томъ, въ чемъ совершенно увѣренъ, то и не стану выводить свои заключенія на удачу, какъ нѣкоторые дѣлали объ обстоятельствѣ столь важномъ, и которое Наполеонъ въ разговорахъ своихъ на островѣ Св. Елены отрицалъ. Одна только особа могла бы разрѣшить сомнѣніе относительно сего предмета, это Констанъ, который, какъ увѣряли меня находился ту ночь при Наполеонѣ.

«но такъ какъ я не могу наградить васъ какъ-бы «желалъ, то по крайнѣй мѣрѣ хочу, чтобы вы «вспоминали о томъ, что я никогда не забуду «вашихъ услугъ для меня сдѣланныхъ.» Обратясь къ Коленкуру Наполеонъ сказалъ: «Герцогъ, по«требуйте саблю данную мнѣ въ Египтѣ Му«радъ-Беемъ, которую я носилъ въ сраженіи «при Монъ-Таборѣ.» Констанъ принесъ саблю; Императоръ взялъ ее изъ рукъ Коленкура, и вручая ее Маршалу сказалъ: «Вотъ, мой до«стойный другъ, награда, которая, думаю, до«ставитъ вамъ удовольствіе.» Маршалъ получая ее изъ рукъ Императора, отвѣчалъ: «Государь, «если только будетъ у меня сынъ, то эту саблю «передамъ ему какъ драгоцѣнное наслѣдство, «самъ же буду хранить ее въ продолженіе всей «жизни.—Дайте мнѣ руку и обнимите меня.» Съ сими словами Наполеонъ и Макдональдъ бросились съ равнымъ восторгомъ въ объятія другъ друга и разстались съ слезами на глазахъ.

Такъ кончилось послѣднее свиданіе Макдональда съ Наполеономъ; эти подробности слышалъ я въ 1814 году отъ самаго Маршала, разсказывавшаго у себя въ гостиной, спустя нѣсколько дней послѣ возвращенія съ договоромъ подписаннымъ Наполеономъ. Онъ показалъ мнѣ саблю; я ее призналъ за ту, которую столько разъ видѣлъ у Генерала Бонапарте, и которую

онъ предпочиталъ другимъ, по воспоминанію о Египетскомъ походѣ, я замѣтилъ, что на ней вырѣзана надпись: *сабля, которую носилъ Императоръ въ день битвы при Монъ-Таборѣ.* Я не скрою мыслей внушенныхъ мнѣ словами, вырѣзанными на подаркѣ Мурадъ-Бея: изъ сего я узналъ еще одну черту, принадлежавшую характеру Наполеона. Титулъ Императора, онъ простиралъ до эпохи, когда еще былъ только Генераломъ Французской республики; вѣроятно онъ желалъ этимъ средствомъ сдѣлать свое Императорство нѣсколько старѣе; подобнымъ образомъ онъ украшалъ древніе памятники столицы своими прежними подвигами.

Только одиннадцатаго Апрѣля въ Фонтенебло, когда обѣщаны были Наполеону особыя условія, онъ подписалъ актъ своего отреченія, слѣдующаго содержанія: «Союзныя Державы объя«вили, что Императоръ Наполеонъ былъ един«ственнымъ препятствіемъ къ возстановленію «мира въ Европѣ; Императоръ Наполеонъ, вѣр«ный своему слову, объявляетъ, что онъ отре«кается за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ «Престола Франціи и Италіи; и что всякое по«жертвованіе, даже собственную жизнь, готовъ «онъ принесть на пользу Франціи.»

Вскорѣ послѣ того, какъ Бонапарте написалъ собственно-ручно и подписалъ актъ, который сей часъ читали, Маршалъ Макдональдъ пос-

лалъ актъ своего согласія Временному Правленію, написанный въ выраженіяхъ благородныхъ и простыхъ; вотъ подлинныя слова: «Послѣ отреченія Императора Наполеона, будучи «свободенъ отъ присяги данной ему, объявляю, «что я согласенъ съ дѣйствіями Сената и Временнаго Правленія.» Такъ кончилось царствованіе Наполеона; оставалось еще привесть въ исполненіе договоръ, но какъ это было сдѣлано, увидимъ далѣе. Достойно замѣчанія, что актъ отреченія Наполеона былъ обнародованъ въ Монитерѣ двѣнадцатаго Апрѣля, въ тотъ самый день, когда Графъ д'Артуа прибылъ въ Парижъ въ званіи Королевскаго Генералъ-Лейтенанта, чинъ, которымъ облекъ его *Лудовикъ* XVIII; въ этотъ же самый день происходило подъ стѣнами Тулузы, послѣднее военное дѣло, Императорской арміи, гдѣ Французскія войска, предводительствуемыя Сультомъ, дорого заплатили Веллингтону за вступленіе въ Полуденную Францію.

++

ГЛАВА X.

Противуположныя чувствованія мои, произведенныя паденіемъ Наполеона.— Человѣкъ и система правленія. — Глубокій предметъ.— Деньги сеуженные Наполеономъ Государственному Казначейству. — Сокровища Европы въ Тюльери.— Безполезное скопленіе ихъ и мертвые капиталы.—Ошибочная Финансовая система. — Общее мнѣніе о храннмыхъ деньгахъ.—Мое неодобреніе приговора, изданнаго Временнымъ Правленіемъ. — Порицаніе и подражаніе поступкамъ Наполеона.—Правосудное постановленіе Временнаго Правленія.—Измѣненіе системы воспитанія дѣтей и возвращеніе ихъ семействамъ. — Политическое и моральное дѣйствіе.— Назначеніе въ Лицеи. — Похищеніе дѣтей и разлученіе братьевъ.— Спокойствіе Парижа. — Служба національной гвардіи.—Моя оставленная шпага.—Мои занятія почтовыми дѣлами.— Преодолѣнныя затрудненія и Указъ Императора Александра.

Паденіе Наполеона и его отреченіе заставили меня испытать два чувства совершенно противоположныя; чистосердечно радуясь окончанію угнѣтающаго правленія, я однако не могъ истребить изъ моего сердца участія въ горести,

которую долженъ былъ испытать Наполеонъ; въ подобныхъ дѣлахъ, а особливо въ этомъ случаѣ, я не различаю человѣка отъ Императора. О! Еслибъ онъ положилъ границы своему честолюбію! Если бы страсть владычествовать надъ Европою не увлекла его въ бездну; если бы онъ посвятилъ благосостоянію Франціи, этотъ преизбытокъ генія, который онъ употреблялъ на порабощеніе народовъ; если бы онъ не попралъ правъ Французовъ, и самовластно не измѣнялъ ихъ; если бы онъ по-крайней мѣрѣ, похитя власть надъ свободою народа, занялся утвержденіемъ порядка,—безъ сомнѣнія онъ бы сохранилъ по крайней мѣрѣ въ продолженіе своей жизни, тронъ, прославленный имъ столькими побѣдами и обширными предпріятіями; и если бы тогда имя его менѣе гремѣло въ потомствѣ, за то сколько бы благословеній принесено было ему современнымъ поколѣніемъ! Но духъ честолюбія въ немъ былъ сильнѣе разсудка; онъ-то и довершилъ его участь. Какой предметъ для размышленій, паденіе человѣка геніальнаго и мугущественнаго.

Чтобы оцѣнить царствованіе какого-либо Государя, иногда довольно бываетъ внимательно изслѣдовать, какимъ образомъ вступилъ онъ на престолъ, и въ какомъ состояніи оставилъ его послѣ смерти. Разсматривая такимъ образомъ царствованіе Бонапарте, можно увидѣть, что

владѣнія присоединяемы были силою, за что многіе порицаютъ его. Но въ тоже время должно отдать справедливость, что его попеченіями общественный порядокъ водворился въ различныхъ частяхъ управленія. Не смотря на невѣроятныя ошибки въ Финансовой системѣ его, какое различіе находится между казною Директоріи и Имперіи; во времена послѣдней развивались прежнія отрасли Государственныхъ доходовъ, чрезъ косвенные налоги. Я уже говорилъ, что послѣ восемнадцатаго Брюмера (8 Ноября) въ Государственной кассѣ не оставалось средства къ заплатѣ издержекъ на отправляемаго Первымъ Консуломъ Курьера въ Италію. Но того уже не было во время первой политической смерти Императора; здѣсь кстати упомянуть, съ нѣкоторою подробностію, о томъ, что мнѣ извѣстно объ Императорской казнѣ.

Наполеонъ, собралъ болѣе трехъ сотъ милліоновъ, которые хранились въ погребахъ сѣвернаго флигеля Тюльерійскаго дворца. Онъ имѣлъ болѣе сорока милліоновъ золотомъ. Большая часть той огромной суммы, издержана была въ продолженіе Французской компаніи; въ Генварѣ 1814 года, всѣ были удивлены, когда увидѣли въ обращеніи множество пятифранковыхъ монетъ, совершенно новыхъ, но съ чеканомъ 1806 года. Императоръ изъ своей казны

ссудилъ шестдесятъ милліоновъ въ кассу погашенія долговъ и сорокъ милліоновъ въ кассу Государственныхъ доходовъ. Сверхъ того онъ выкупилъ большую часть акцій Парижскаго банка; къ 31 Марта, изъ сокровищъ Тюльерійскихъ осталось только двадцать восемь милліоновъ золотомъ, изъ которыхъ десять милліоновъ вскорѣ были издержаны. Въ смутныхъ же обстоятельствахъ, бывшихъ въ то время, Правительство, не смотря на всѣ сдѣланныя ему вспомоществованія, должно было занимать суммы изъ казны Императорской, которая получала отъ него въ томъ квитанціи.

Послѣ сказаннаго мною о казнѣ Наполеона, можно судить, что большая часть капиталовъ материка Европа направлена была къ Франціи насильственными путями для того, чтобы обогатить военныхъ сподвижниковъ Наполеона и умножить сокровища Тюльерійскія. Въ послѣдствіи все это золото разсѣяно было на равнинахъ Кастиліи и въ степяхъ Волжскихъ, такъ что при паденіи Наполеона Франція имѣла еще долгу до 500 милліоновъ. Я согласенъ, что все это не можетъ служить къ обвиненію Финансовой системы во времена Имперіи, ибо всѣ потери произошли отъ непредвидимыхъ несчастныхъ обстоятельствъ. Однако сознаюсь, что я никогда не увеличивалъ собою числа тѣхъ людей, которые прославляли превосход-

ство этой системы. — Подати никогда не удовлетворяли не только чрезвычайныхъ, но и обыкновенныхъ издержекъ, между тѣмъ, какъ эти мертвыя сокровища возрастали въ то самое время, когда для удовлетворенія Государственныхъ издержекъ, необходимо было увеличивать налоги; не смѣшно ли это! Въ самомъ дѣлѣ, какіе плоды для Франціи могли принести сіи мертвыя сокровища, пріобрѣтенныя собственною ея кровію (*).

Всѣ здравомыслящіе люди, особенно же тѣ, которые избрали предметомъ своего изученія движеніе Финансовъ какого нибудь обширнаго Государства, кажется должны согласиться съ тѣмъ, что я сказалъ.

(*) Не буду вступать въ безполезное прѣніе; прошедшаго не возвратить; но чрезмѣрный старый долгъ, который Франція обязана была уплатить, и огромныя вознагражденія, слѣдовавшія иностраннымъ Государямъ, по занятіи Парижа въ 1815 году, служатъ выводомъ слишкомъ дорого купленной истины, на которую вниманія не обращали: что при употребленіи суммъ на безполезные расходы, каковы были въ послѣднюю Испанскую войну, могущество кредита, есть вѣрная помощь, если только проценты съ строжайшею точностію уплачиваются.

Въ 1814 году доходъ нашъ состоялъ изъ 60 милліоновъ, пять на сто; съ перемѣною судьбы Наполеона измѣнился онъ на пятьдесятъ пять: теперь же болѣе двухъ сотъ милліоновъ, и сверьхъ того имѣемъ кредитъ, котораго прежде не имѣли: вотъ сравненіе. Многіе сопротивляются уменьшенію налоговъ, которые всѣ увеличены и по большей части обременительны. Однакоже я знаю, что во Франціи эти подати взносятся съ удивительною точностію.

Подобнымъ самовластнымъ образомъ поступалъ Наполеонъ съ Египтянами, которыхъ онъ почиталъ богатыми, да и самъ я испыталъ подобное при окончаніи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Таковыя средства употребляемыя Императоромъ споспѣшествовали упадку кредита во время его Правленія.

Я не безъ прискорбія видѣлъ распоряженіе Временнаго Правленія о задержаніи суммъ, вывезенныхъ Императрицею въ Блоа; изъ сего слѣдуетъ, что Временное Правленіе почитало суммы сіи за похищенныя, и потому причислило ихъ къ Государственной казнѣ.

Правосудное заключеніе. Но мнѣ достовѣрно извѣстно, что суммы сіи были вывезены изъ Тюльери, въ чемъ меня никто разувѣрить не можетъ.

Я не буду останавливаться болѣе на предметѣ, которымъ по моему мнѣнію запятнало себя Временное Правленіе. Лучше приведу здѣсь другое постановленіе его слѣдующаго содержанія:

«Временное Правленіе находитъ: 1) что си«стема исключительно направлявшая способно«сти и склонности людей къ состоянію и духу «военному, побуждала прежнее правительство «исторгать дѣтей изъ отеческой власти для «того, чтобы дать имъ воспитаніе въ обще«ственныхъ заведеніяхъ, сообразно своей осо-

«бенной цѣли; 2) все это оскорбительно для «отеческой власти, и притомъ насильственныя «мѣры сіи препятствуютъ развитію разнообраз«ныхъ дарованій ниспосланныхъ природою, со«единеніе которыхъ въ Государствѣ составляетъ «нравственное богатство народа, и наконецъ «3) что продолженіе подобнаго безпорядка про«тиворѣчитъ правиламъ свободнаго правленія, «постановило:

«Что образъ и направленіе воспитанія дѣ«тей предоставляются власти отцевъ, матерей «и опекуновъ ихъ семействъ, и что дѣти нахо«дящіяся въ школахъ, лицеяхъ, институтахъ и «другихъ публичныхъ заведеніяхъ, не взирая «ни на какія просьбы родителей, будутъ воз«вращены имъ немедленно.»

Постановленіе сіе состоялось 8 Апрѣля и было подписано пятью членами Временнаго Правленія. Похищеніе дѣтей есть таже конскрипція, неслыханное злоупотребленіе силы; я былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ примѣровъ, возбудившихъ мое негодованіе. Я помню тайное опредѣленіе о назначеніи двухъ братьевъ въ лицеи; и въ томъ случаѣ, утонченная предосторожность простиралась до жестокости; ихъ помѣстили въ разные лицеи, для того только, чтобы находясь порознь не могли они сохранить понятія, полученныя ими въ нѣдрахъ ихъ семейства. Эта мѣра, въ особенности упот-

ребллась въ приеоединенныхъ провинціяхъ, въ Піемонтѣ, Голландіи и въ Департаментахъ по правому берегу Рейна; я часто говорилъ объ этомъ нѣкоторымъ членамъ Временнаго Правленія еще до существованія его, а потому не могу слишкомъ много хвалить Временное Правленіе за поведеніе его въ семъ случаѣ.

Времена переворотовъ всегда бываютъ бурны; впрочемъ въ эту эпоху въ Парижѣ все было спокойно, благодаря превосходной дисциплинѣ, въ которой Начальники союзныхъ войскъ, въ особенности Генералъ Сакенъ, начальствовавшій надъ Русскими войсками, умѣли держать своихъ солдатъ; тоже можно сказать и о Парижской національной гвардіи, которая каждую ночь производила дозоры. Рапорты Начальниковъ почтъ, каждодневно мнѣ доставляемые, очень рѣдко упоминали, и то о маловажныхъ безпорядкахъ и обыкновенныхъ проступкахъ, и я не могъ равнодушно смотрѣть на благодѣтельныя слѣдствія учрежденія стражи гражданъ, въ которой я не могъ участвовать по моимъ обязанностямъ въ званіи Главнаго Директора почтъ, а потому долженъ былъ отложить мою шпагу и мой Капитанскій эполетъ. Я въ самомъ дѣлѣ былъ слишкомъ занятъ, и не могъ нести службы тамъ, гдѣ бы я былъ менѣе полезенъ, ибо приближалось уже время, къ которому надобно было приготовить все не-

обходимое для пріѣзда Лудовика XVIII, Принцевъ и Принцессъ его фамиліи. Въ началѣ моего управленія, меня испугало занятіе всѣхъ дорогъ иностранными войсками, и въ особенности казаками, но я долженъ сказать, что Императоръ Александръ въ этомъ случаѣ оказалъ мнѣ наилучшее пособіе. Будучи обязанъ ему первымъ моимъ назначеніемъ, я явился къ Его Величеству и представилъ, сколько затруднительно будетъ мое положеніе, если не будетъ дано охраннаго листа для проѣзжающихъ экипажей и лошадей. Императоръ уважилъ мое представленіе, и немедленно издалъ Указъ, которымъ строжайше воспрещено брать произвольно лошадей почтоваго вѣдомства и трогать то, что относится до службы. Указъ сей по его приказанію былъ напечатанъ и прибитъ на дверяхъ всѣхъ почтовыхъ домовъ; читатели увидятъ, что послѣ 20-го Марта я привелъ дѣла въ такое положеніе, что одинъ изъ начальниковъ почтъ по дорогѣ изъ Лилля изъявилъ мнѣ свою признательность, за то, что онъ имѣлъ случай участвовать въ исполненіи обязанностей почтовой службы.

ГЛАВА XI.

Молебствіе на площади Лудовика XV.— Замѣчательное безмолвіе.—Иностранные мундиры.—Церемонія истинно Французская.—Воспоминаніе и надежда.—Шествіе Графа д'Артуа. — Письмо Монтескю, отвезенное Рошфуко. — Принцъ у Г-жи Дамасъ.—Временное Правленіе и муниципальный совѣтъ представляются Принцу.— Рѣчь Талейрана и одинъ Французомъ болѣе.—Мое мѣсто на булеварѣ, и старый кавалеръ Св. Лудовика.—Пѣсня: vive Henri IV — Шествіе Принца.—Шатобріанъ и могущество брошурки. — Направленіе умовъ. —Александръ въ Элизе—Бурбонъ. — Пріѣздъ Австрійскаго Императора. — Дурное расположеніе Парижанъ.—Природное сужденіе народа.—Повтореніе церемоніи 31-го Марта.— Притворное спокойствіе Императрицы. — Марія Луиза въ Рамбулье.— Посѣщеніе, сдѣланное Императорами Маріи Луизѣ.—Отъѣздъ Маріи Луизы въ Вѣну.

10-го Апрѣля была въ Парижѣ церемонія, о которой такъ много говорили, и точно для любителей зрѣлищъ, она должна была казаться удивительною. Съ утра пѣхота союзныхъ войскъ заняла сѣверную сторону булевара отъ мѣста старой Бастиліи, до площади Лудовика XV;

народная гвардія была выстроена на противуположной сторонѣ; всѣ входы на площадь Лудовика XV были заняты войсками, такъ, что ни одинъ пѣшеходъ не могъ пройти на площадь. Почти на срединѣ площади возвышался четвероугольнаго вида амвонъ, куда союзные Государи должны были явиться съ своими Штабами и войсками, для присутствія при отправленіи обѣдни по обряду Греческаго исповѣданія. Въ этотъ день я имѣлъ въ своемъ распоряженіи окно въ домѣ Морскаго вѣдомства, на самомъ удобномъ мѣстѣ, откуда можно было видѣть всю церемонію однимъ взглядомъ.

Пышная церемонія имѣла болѣе живости предъ окончаніемъ; ибо съ восьми часовъ утра до полудня, должно было ждать, чтобы увидѣть наконецъ шествіе Священниковъ Греческаго обряда, съ длинными бородами и богато одѣтыхъ. Они торжественно прошли площадь и приблизились къ амвону. Послѣ сего должно было выдержать еще антрактъ въ три четверти часа, къ исходу, котораго пѣхота и вслѣдъ за нею конница начали входить Королевскою улицею, и въ нѣсколько минутъ вся площадь покрылась войсками. Наконецъ явились союзные Государи, окруженные блистательнымъ Штабомъ; они сошли съ лошадей и приблизились къ амвону. Замѣчательнѣе всего мнѣ по-

казалось, безмолвіе при такомъ многолюдствѣ, въ продолженіе всего времени богослуженія; не смотря на неподвижность и спокойствіе этого семитрическаго многолюдства, можно было подумать, что видимъ панораму, искусно списанную съ толпы живыхъ людей; признаюсь, что не взирая на великолѣпіе церемоніи, я желалъ скорѣйшаго окончанія ея. Между прочимъ я замѣчу, что наши мундиры красивѣе иностранныхъ.

Церемонія черезъ день послѣ сего происходила съ меньшею пышностію, и мнѣ показалась болѣе Французскою. 12-го Апрѣля шествіе составилось безъ всякаго почти приготовленія, и съ каждымъ шагомъ увеличивалось толпами вокругъ Графа д'Артуа; сколько было воспоминаній для стариковъ и надеждъ для всѣхъ. Радость приверженныхъ къ Бурбонамъ, при одной только мысли, что они увидятъ въ стѣнахъ Парижа Принца изъ сей фамиліи была неописанна.

Графъ д'Артуа, какъ уже извѣстно, прибылъ въ Везуль 21-го Февраля, и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, видя, что дѣла принимаютъ благопріятный оборотъ, переѣхалъ въ Нанси, гдѣ и дожидалъ окончанія происшествій. По отъѣздѣ же Коммисаровъ присланныхъ Наполеономъ къ Александру для заключенія договора о регентствѣ, онъ увѣрился, что союзные Государи не

примутъ никакихъ предложеній Наполеона и его семейства. Временное Правительство рѣшило, что пора уже призвать наслѣдника, чтобы онъ присутствіемъ своимъ одушевилъ приверженныхъ къ Бурбонамъ; Аббатъ Монтескю написалъ къ Принцу письмо, которое къ нему отвезъ Состенъ-де-ла-Рошфуко, ревностнѣйшій изъ приверженцевъ къ дому Бурбоновъ. Принцъ 11 Апрѣля послѣ полудня прибылъ въ загородный домъ Г-жи Шарль-де-Дамасъ, гдѣ и остался ночевать; извѣстіе о его пріѣздѣ разнеслось по Парижу съ быстротою молніи; всѣ готовились праздновать вшествіе его въ столицу. Національная гвардія выстроилась въ два ряда отъ заставы Бонди до церкви Нотръ-Дамъ, куда по пріѣздѣ онъ долженъ былъ явиться по древнему обычаю, отъ котораго уже двадцать лѣтъ какъ отвыкли.

Между тѣмъ Талейранъ, въ сопровожденіи членовъ Временнаго Правленія, къ которымъ присоединились многіе Маршалы и Генералы и муниципальный совѣтъ подъ предводительствомъ Сенскаго Префекта, явились за заставу для встрѣчи Государя, куда онъ прибылъ къ первому часу. Талейранъ отъ имени Временнаго Правленія привѣтствовалъ его рѣчью, и сказалъ слова столь извѣстныя: «Во Франціи ни«что не измѣнилось; только однимъ Фран«зомъ больше.» Слова сіи много обѣщавшія

быстро разнеслись по всей столицѣ. Потомъ у заставы Сенъ-Мартенъ Государь сѣлъ на лошадь. Не участвуя въ шествіи, я отправился на булеваръ возлѣ моста Сенъ-Мартенъ и смѣшался съ толпою, чтобы вмѣстѣ и видѣть церемонію и наблюдать за физіогноміею зрителей. Подлѣ меня стоялъ старикъ, кавалеръ Св. Лудовика, который плакалъ отъ радости при одной только мысли, что увидитъ Бурбона. Между тѣмъ шествіе приблизилось; это я узналъ по раздававшимся звукамъ пѣсни *vive Henri IV*, которую играли музыканты, шедшіе впереди церемоніи. Долго голосъ этой народной пѣсни не раздавался въ стѣнахъ Парижа и казалось, что обожаемый Король, котораго она напоминала, оживетъ въ его потомкахъ. Смотря на шествіе церемоніи, я не обращалъ особеннаго вниманія на тѣхъ, которые ее составляли; я желалъ только разсмотрѣть Государя, котораго прежде никогда не видалъ; онъ показался мнѣ прекраснымъ, съ открытою физіогноміею и взоромъ исполненнымъ довѣрія. Штабъ его былъ слишкомъ блистателенъ, не смотря на то, что составился безъ приготовленія. Въ рядахъ національной гвардіи не было предѣловъ восторгамъ. Государь былъ въ мундирѣ національной гвардіи, имѣя подъ нимъ знаки ордена Св. Духа. Между особами мнѣ знакомыми, которые участвовали въ шествіи, я безъ удивленія за-

мѣтилъ Шатобріана, преданнѣйшаго изъ всѣхъ приверженцевъ къ Бурбонамъ.

Въ этотъ самый день, имя его было объявлено на всѣхъ стѣнахъ Парижа вмѣстѣ съ сочиненіемъ его: *Бонапарте* и *Бурбоны*, которое споспѣшествовало возстановленію, болѣе чѣмъ въ свое время армія Вандейцевъ. Я долженъ откровенно сказать, что во время шествія Государя, я видѣлъ болѣе восторга въ тѣхъ, которые участвовали въ церемоніи и на лицахъ тѣхъ, которые казалось принадлежали къ высшему кругу, чѣмъ въ класѣ называемомъ народомъ, котораго физіогномія, кажется, выражала одно любопытство и удивленіе. Въ половинѣ шестаго часа вечера Принцъ прибылъ въ Тюльери, гдѣ были приготовлены для него покои, тѣ самые, которые прежде сего занимали обѣ Императрицы. Возвращаясь обратно, онъ ѣхалъ булеварами до улицы мира Вандомскою площадью и улицею Сентъ-Оноре, но я будучи задержанъ въ Департаментѣ Почтъ, по дѣламъ моей службы не видѣлъ обратнаго шествія. Только вечеромъ явясь къ Талейрану, узналъ, что всѣ являлись къ Принцу съ изъявленіемъ преданности, подобно Временному Правленію; слѣдуя обыкновенію на другой день и я былъ допущенъ, для врученія намѣстнику портфеля почтоваго управленія, который впрочемъ мнѣ тогда же былъ возвращенъ. Въ самый день вшествія въ Парижъ Принца, Импе-

раторъ Александръ переѣхалъ изъ дома принадлежащаго Талейрану въ Елизе—Бурбонъ. Сколько было различныхъ хозяевъ въ этомъ домѣ современъ Божона и Госпожи Помпадуръ!

Черезъ два дня послѣ вшествія Принца, прибылъ въ Парижъ Австрійскій Императоръ. Монархъ сей не былъ любимъ Парижанами; онъ возбуждалъ къ себѣ какое-то всеобщее негодованіе; даже тѣ, которые пламенно желали сверженія съ трона его дочери, чтобъ только не слышать болѣе имени Наполеона, охуждали его поведеніе въ отношеніи Маріи Луизы; они думали, что честь Австрійскаго Императора должна быть въ томъ, чтобы хотя безъ успѣха стараться о поддержаніи династіи, съ которою послѣ переворотовъ 1809 года, онъ сохранялъ союзъ, какъ средство къ защитѣ своей. Народъ судилъ такъ по истинкту. Онъ и не могъ иначе судить: онъ смотрѣлъ на него какъ на отца, а не какъ на Царя; и потому поведеніе Австрійскаго Императора судили только, какъ поведеніе отца въ отношеніи къ дочери, зятю и внуку; но какъ несчастіе всегда было во Франціи священнымъ правомъ, то въ Маріи Луизѣ болѣе принимали участія въ эту несчастную эпоху, нежели во дни ея благополучія. Не я одинъ такъ думалъ; мнѣніе это раздѣляли даже особы преданнѣйшіе возстановленію престола Бурбоновъ.

Въ въду Франца II назначенному 15-го Апрѣля, союзные Государи, желая придать возможную торжественность, употребили всю ту церемонію, которая сопровождала торжественное ихъ вшествіе 31-го Марта. Императоръ Австрійскій ѣхалъ по Бургонской дорогѣ; Императоръ Александръ и Король Прусскій встрѣтили его у заставы Св. Антонія, откуда три Монарха возвратились верхомъ, сопровождаемые войсками какъ и въ первый разъ, чрезъ булевары до площади Лудовика XV. Я не болѣе минуты любопытствовалъ смотрѣть на эту новую церемонію изъ окна, выходившаго на Монтмартскій булеваръ.

Францъ II не видѣлъ своей дочери съ того времени, какъ оставила она Вѣну, чтобъ отправиться въ Парижъ, для соединенія судьбы своей съ властелиномъ полу-Европы; читателямъ извѣстно, какъ Австрійскій Императоръ принялъ за нѣсколько дней передъ симъ Герцога Кадорскаго, посланнаго отъ Маріи-Луизы.

Въ то время я былъ слишкомъ занятъ происшествіями въ Парижѣ и Фонтенсбло, и потому не могъ наблюдать съ равнымъ вниманіемъ того, что относилось собственно до участи Маріи-Луизы.

Вотъ почему читатель моихъ записокъ, замѣтитъ многіе пропуски, о томъ, что относилось до времени послѣдняго пребыванія Импе-

ратрицы въ Парижѣ. Я только знаю, что она всегда увѣряла особъ ее окружавшихъ, что она во всемъ полагалась на своего отца. Она даже сказала одному Офицеру находившемуся при ней, во время сдѣланнаго порученія Шампаньи, слѣдующія слова: «если, даже союзники захотѣ«ли бы лишить престола Императора Наполе«она, то мой родитель сего не дозволитъ; онъ «двадцать разъ увѣрялъ меня при возведеніи «на престолъ Франціи, что онъ всегда будетъ «поддерживать меня; онъ съ характеромъ бла«городнымъ.» Я знаю также, что Императрица, какъ во время своего пребыванія въ Блоа, такъ равно и въ Орлеанѣ, раскаявалась въ томъ, что не послѣдовала совѣту членовъ регентства, и не осталась въ Парижѣ. Въ этомъ случаѣ она могла винить Іосифа, и то слѣпое повиновеніе, къ которому Наполеонъ пріучилъ своихъ совѣтниковъ. Но участь Маріи-Луизы была рѣшена; ей оставалось только повиноваться, что она и исполнила безпрекословно, и вмѣстѣ съ тѣмъ показала свое величіе.

Между тѣмъ Императрица изъ Орлеана переѣхала въ Рамбулье, что не менѣе замѣчательно среди обстоятельствъ въ послѣднее время, столь обильное необыкновенными происшествіями: въ одно и тоже время можно было видѣть Государей Европы и низверженныхъ Государей Франціи, Государей вторично прини-

мавшихъ скипертъ, и всѣ они были въ близкомъ сосѣдствѣ одинъ отъ другаго; Бурбонъ въ Тюлiери, Бонапарте въ Фонтенебло, его супруга и сынъ въ Рамбулье; оставленная Императрица въ трехъ миляхъ; Императоры Россiйскiй и Австрiйскiй и Король Прусскiй въ Парижѣ; все это мнѣ кажется необыкновеннымъ и теперь, и въ то время, когда все это происходило, а за два года передъ тѣмъ показалось бы во все невѣроятнымъ.

Лишась всѣхъ надеждъ и не получивъ позволенiя видѣться съ Наполеономъ предъ его отъѣздомъ, Марiя-Луиза собиралась оставить Рамбулье и отправиться вмѣстѣ съ сыномъ въ Австрiю; Наполеонъ понялъ всю тягость прощанiя; а потому вѣроятно и не сдѣлалъ о семъ оговорки ни въ договорахъ Парижскомъ и Фонтенеблскомъ, ни въ актѣ своего отреченiя. Въ послѣдствiи я узналъ, почему союзники не изъявили согласiя на просьбу Марiи-Луизы; они боялись, чтобы по чувствамъ сроднымъ женщинѣ, она не вздумала соединиться съ злополучною судьбою Наполеона, и слѣдовать за нимъ на островъ Эльбу; при томъ же Императоръ Австрiйскiй желалъ взять дочь свою къ себѣ.

Въ такомъ положенiи находились обстоятельства, когда Императоръ Австрiйскiй отправил-

ся на свиданіе съ дочерью въ Рамбулье; Императоръ Александръ сопутствовалъ ему. Марія Луиза вмѣстѣ съ сыномъ чрезъ нѣсколько дней послѣ сего визита отправилась въ Вѣну. Вотъ подробности, которыя я слышалъ тогда.

Google

ГЛАВА XII.

Послѣднія заграничныя происшествія. — Италія и Евгеній. — Договоръ, заключенный Евгеніемъ съ Маршаломъ Беллегардомъ.—Прощаніе Евгенія съ войсками Французскими и отказъ проводить ихъ во Францію. — Заблужденія Евгенія.—Посредникъ, неудачно выбранный.—Раздраженіе Италіянцевъ и смерть Министра. — Войска Французскія принуждены остаться въ Миланѣ. — Генералъ Гренье и прокламація его.—Паденіе желѣзной короны.—Сила времени.— Раппъ въ Данцигѣ.—Заключенная, но неутвержденная капитуляція.—Раппъ плѣнникомъ въ Кіевѣ.—Даву не вѣритъ происшествіямъ Парижскимъ. — Выстрѣлы по бѣлому знамю. — Распоряженія Полиціи о разстрѣливаніи. — Радость жителей Гамбурга и ненависть безъ мести.—Генералъ Жераръ въ Гамбургѣ.—Отправленіе Даву и Генерала Гогендорфа. — Окончательное освобожденіе Гамбурга.

Посвѣщаю главу эту на описаніе остатковъ власти, существовавшей въ минуту паденія Наполеона. Я обращу первые взгляды на Италію, эту колыбель толикой славы; Италію, о которой такъ много размышлялъ Наполеонъ

среди дворца въ Фонтенебло. Я воображаю, что мои читатели раздѣлятъ со мною удовольствіе, которое я всегда испытываю, говоря о Евгеніи, какъ о человѣкѣ превосходномъ, съ поведеніемъ благороднымъ и великодушнымъ; человѣкѣ, котораго ни въ одномъ проступкѣ изобличить было не возможно. Еслибъ Наполеонъ могъ перенестись, какимъ-либо волшебствомъ, чрезъ Альпы съ остаткомъ преданныхъ ему войскъ, тотчасъ послѣ взятія Парижа, онъ бы встрѣтилъ сильное препятствіе со стороны Австрійцевъ; Евгенію при всемъ его мужествѣ и дѣятельности удалось держаться въ оборонительномъ положеніи до Апрѣля мѣсяца. Седьмаго числа, будучи утвердительно извѣщенъ величайшихъ несчастіяхъ, тяготившихъ Францію, Евгеній находился вынужденнымъ уступить предложеніямъ, сдѣланнымъ ему Маршаломъ Беллегардомъ, относительно вывода войскъ изъ Италіи и 10 числа былъ заключенъ договоръ, по силѣ котораго войска Французскія подъ предводительствомъ Принца Евгенія, должны были войти въ предѣлы древней Франціи.

Дополнительныя статьи договора сего были утверждены 19 числа. Прежде, нежели Евгеній оставилъ предводительствуемую имъ армію, онъ издалъ прокламацію публикованную въ Мантуѣ, гдѣ была главная квартира до Февра-

ля мѣсяца. Мантуа! Сколько имя сiе должно поселять въ душѣ Евгенiя воспоминанiй о событiяхъ и славныхъ, и печальныхъ; воспоминанiй о томъ, какъ въ первые вступилъ онъ на военное поприще, какъ покорился умнымъ соображенiямъ Бонапарте, какъ сдѣлался вторымъ по армiи, и наконецъ какъ принужденъ былъ оставить ее. Не знаю, справедливо ли я думаю объ этомъ, по крайней мѣрѣ по расположенiю души моей, видъ какого-либо мѣста, или имя его, всегда напоминаютъ мнѣ и самыя произшествiя, которыхъ оно свидѣтелемъ было.

Оставляя солдатъ, сражавшихся подъ его начальствомъ. Евгенiй произнесъ къ нимъ слѣдующiя слова: «Продолжительныя несчастiя тя«готятъ наше отечество (*). Францiя ища сред«ства къ избавленiю отъ бѣдствiй, прибѣгла къ «древней защитѣ . . . . чувствованiе всѣхъ по«несенныхъ ею трудовъ уже не существуетъ «для нея; оно потонуло въ надеждѣ отдыха не«обходимаго послѣ толикой дѣятельности.

«Вы скоро направите путь свой къ родинѣ; «какъ-бы сладко было мнѣ проводить васъ въ «отечество.

(*) Выраженiе notre patrie (наше отечество) показываетъ, что Евгенiй, не смотря на паденiе Наполеона, смотрѣлъ на себя всегда какъ на Француза. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ человѣкъ съ душою высокою и характеромъ сильнымъ.

«Но я долженъ растаться съ вами, потому «что другія обязанности остается мнѣ выпол«нить предъ народомъ Италіи.

Тронутые чувствомъ и выраженіями Евгенія, Генералъ Гренье и другіе Генералы убѣждали его идти съ ними во Францію и привести самому къ Королю остатокъ этой прекрасной арміи, которую онъ спасъ столь чудеснымъ образомъ. Она состояла изъ 21,000 солдатъ, въ числѣ которыхъ было до 5,000 конницы. Всѣ Генералы Французскіе, бывшіе съ Евгеніемъ, любили его искренно и уважали. Евгеній отказался идти съ ними во Францію, говоря, что по обязанности своей онъ долженъ быть предъ народомъ Италіи и среди его ожидать рѣшенія могущественныхъ союзниковъ. Онъ ослѣплялся въ семъ случаѣ и думалъ, что при великомъ переворотѣ, въ минуту раздѣленія, получитъ на свою долю часть, какъ зять Короля Баварскаго.

Евгеній вознамѣрился обратиться къ Сенату Миланскому, думая, что Сенатъ, будучи расположенъ къ нему, предложитъ союзникамъ вручить ему управленіе Государствомъ Италіянскимъ (*).

(*) Вотъ обстоятельство, довольно замѣчательное относительно Сената Миланскаго. Среди величайшихъ нашихъ несчастій онъ назначилъ Депутатовъ для поздравленія Великаго Наполеона съ торжествомъ надъ всѣми его непріятелями. Депутація узнала на дорогѣ объ осадѣ Парижа и тотчасъ возвратилась въ Миланъ поздравить союзниковъ съ паденіемъ тирана.

Можетъ быть Сенатъ и имѣлъ согласіе видѣть Государемъ своимъ сына Наполеона; но человѣкъ, котораго Евгеній послалъ съ порученіями надѣлалъ много дурнаго и возбудилъ презрѣніе и ненависть Сената Миланскаго. Его слушали для того только, чтобъ дать ему почувствовать ту холодность, съ какою смотрѣли они на его поступки и выходки.

Умы были весьма раздражены. Въ самомъ дѣлѣ не успѣла армія сдѣлать трехъ переходовъ отъ Мантуи, какъ возмущеніе вспыхнуло въ Миланѣ.

Домъ Министра Финансовъ Прины былъ разрушенъ и самъ онъ убитъ; Вице-Король не избѣжалъ бы подобнаго несчастія, если бы находился тогда въ столицѣ; такъ народъ Италіянскій былъ раздраженъ и столько показалъ бѣшенства, когда не кого было бояться.

Среди всеобщаго волненія и страстнаго желанія Италіянцевъ освободиться отъ власти Французской, друзья Евгенія почитали за счастіе его, что онъ могъ чрезъ нѣсколько времени, соединиться съ тестемъ своимъ въ Мюнхенѣ (*).

(*) Евгеній спустя нѣсколько времени былъ во Франціи и имѣлъ продолжительную аудіенцію у Лудовика XVII. Онъ представлялся Королю подъ титломъ Маркиза де Богарне. Король привѣтствовалъ его именемъ Маршала и предлагалъ ему остаться во Франціи въ семъ званіи, но Евгеній отказался, потому что въ званіи Принца, при прежнемъ прав-

Я говорю о сихъ произшествіяхъ по свидѣтельству очевидцевъ и особъ достойныхъ, бывшихъ соучастниками въ оныхъ. Евгеній долженъ хорошо знать Италіянцевъ; могъ ли онъ надѣяться на народъ, котораго весь патріотизмъ состоитъ въ томъ, чтобъ быть Австрійцами, когда находятся подъ игомъ Франціи и Французами, находясь подъ властію Австріи?

Послѣ удаленія Вице-Короля Генералъ Гренье принялъ начальство надъ арміею и публиковалъ слѣдующую прокламацію:

«Прокламація Его Величества Вице-Короля «Италіи извѣстила насъ о побудительныхъ при«чинахъ возвращенія нашего во Францію.

«Хотя мы и знаемъ о великихъ преобразова«ніяхъ въ нашемъ отечествѣ, но ничего офи«ціальнаго объ нихъ не имѣемъ. Ожидая опре«дѣленнаго назначенія нашимъ обязанностямъ, «мы пойдемъ дорогою чести и сохранимъ то «благородное и гордое поведеніе, которымъ мы «заслужили уваженіе Принца, народа Италіи, «ся войска и даже самаго непріятеля.

«Распоряженія Правительства безъ сомнѣнія

ленія, онъ повелѣвалъ Маршалами и состоялъ выше всѣхъ по арміи, въ которой было столько знаменитыхъ начальниковъ. Я не видался съ Евгеніемъ въ это путешествіе. Хотя я и былъ увѣренъ въ его дружбѣ, но считалъ болѣе приличнымъ лишить себя этого удовольствія, по причинѣ разстоянія между имъ и мною.

«получимъ мы прежде, нежели достигнемъ до «границъ отечества; наша обязанность повиноваться; мы не имѣемъ права разсуждать.»

Присутствіе войска Французскаго въ Миланѣ было необходимо, по случаю бывшихъ тамъ въ то время возмущеній. Оно должно было отложить свое отправленіе на нѣсколько дней, чтобъ предупредить дальнѣйшіе безпорядки. Войска перешли наконецъ Тезинъ въ первыхъ числахъ Маія и когда Генералъ Гренье получилъ отъ Временнаго Правленія офиціальныя извѣстія, объявилъ приказъ войску. Вотъ изъ него отрывокъ:

«Конституціонный актъ Сената призываетъ «Бурбоновъ на тронъ, прославленный ими въ «продолженіе столькихъ вѣковъ, и Лудовикъ «Станиславъ Ксавье объявленъ Королемъ Французовъ.

«Солдаты! Честь и отечество призываютъ насъ «подъ знамена его. Принесемъ ему покорность «нашу, исполненную вѣрности и преданности. «Вступленіе его на престолъ предвѣщаетъ намъ «будущность болѣе счастливую. Прекрасные «дни Франціи возвратятся при Лудовикѣ XVIII «и скоро чрезъ свои добродѣтели пріобрѣтетъ «онъ права предковъ на любовь Французовъ.»

Такъ пала чрезъ 9 лѣтъ желѣзная корона Наполеона, которую онъ, надѣвая на себя онъ сказалъ: «Богъ мнѣ ее далъ; берегись, кто ее «тронетъ.»

Перемѣны въ обществахъ человѣческихъ неизбѣжны Не смотря на усилія иныхъ остановить оныя, и на стремленіе другихъ ускорить, онѣ идутъ своимъ путемъ, назначеннымъ провидѣніемъ для вещей и времени.

Разсказавъ, что зналъ о послѣднихъ происшествіяхъ, относящихся къ войскамъ Французскимъ въ Италіи, я хочу теперь бросить взглядъ на Германію.

Раппъ не былъ со всемъ во Франціи въ эпоху паденія Наполеона. Онъ находился въ Данцигѣ и выдерживалъ осаду въ продолженіе года съ рѣдкою храбростію и величайшимъ искуствомъ. Наконецъ будучи вынужденъ сдаться самою крайностію, онъ отворилъ ворота города, который представлялъ однѣ только груды развалинъ. Раппъ предложилъ, чтобы гарнизонъ Данцига возвратить во Францію, на что Герцогъ Виртембергскій, производившій осаду изъявилъ свое согласіе. Но Императоръ Александръ не хотѣлъ это утвердить. Раппъ не имѣя болѣе средствъ къ защитѣ сдался въ плѣнъ со всѣми войсками и былъ отведенъ въ Кіевъ, откуда онъ возвратился въ послѣдствіи времени въ Парижъ. Я имѣлъ съ нимъ свиданіе, о которомъ буду имѣть случай разсказать нѣчто послѣ. Когда власть была поражена въ самое сердце, къ чему служило тогда сохраненіе городовъ отдаленныхъ, которые остались однѣми

тщетными трофеями нашихъ прежнихъ побѣдъ?

Однако Гамбургъ держался еще. Наконецъ въ первыхъ числахъ Апрѣля узнали о необыкновенныхъ произшествіяхъ, освободившихъ Европу отъ ея притѣснителя. Россійскій Генералъ Бенингсенъ, будучи увѣдомленъ о томъ Императоромъ Александромъ, спѣшилъ сообщить новости Даву и предложилъ окончить дѣло безъ пролитія крови; но Маршалъ не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію, которое въ одинъ мигъ уничтожило все его могущество и величіе. Онъ позволилъ даже себѣ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ ядрами по бѣлымъ знаменамъ, которыя развивались въ рядахъ союзныхъ войскъ въ подтвержденіе справедливости ихъ объявленія. Ослѣпленіе продолжалось нѣсколько времени въ Гамбургѣ. Даже приказано было растрѣливать тѣхъ, кого Полиція уличила въ распространеніи новостей Парижскихъ. Одинъ изъ агентовъ правленія, отличившійся мѣрами самыми рѣшительными, объявилъ публично намѣреніе свое умертвить одного изъ Принцевъ Французскихъ, у котораго онъ былъ пажемъ. Онъ говорилъ, что онъ писалъ къ нему и просилъ принять къ себѣ въ Адъютанты. Вѣроятно отказъ на его просьбу еще болѣе заставилъ его утвердиться въ своемъ намѣреніи. Я слышалъ это отъ очевидцевъ и отъ людей, кото-

рымъ не могу не повѣрить. Этотъ новый Сеидъ объявилъ громко тѣже намѣренія свои въ Валенсьенѣ говоря, что онъ хочетъ быть Сеидомъ.

Наконецъ не сомнѣваясь болѣе въ состояніи дѣлъ, Маршалъ Даву собралъ всѣ войска свои и объявилъ имъ о лишеніи Императора всѣхъ правъ, послѣ чего водрузилъ бѣлое знамя и увѣдомилъ о томъ Временное Правленіе. Съ тѣхъ поръ каждый думалъ только о личномъ спасеніи своемъ, не заботясь о сохраненіи имущества, хотя законнымъ образомъ пріобрѣтеннаго; тогда всякій старался покупать, еслибъ только можно было найти, дорогія каменья и другія драгоцѣнныя вещи, занимавшія не много мѣста и удобныя къ сохраненію. Хотя сіи достойные агенты выходили изъ Гамбурга съ награбленными Ганзейскими сокровищами, но жители города смотрѣли на нихъ съ радостію, не взирая на то, что они ввергли обитателей Гамбурга въ величайшія бѣдствія, своими не обдуманными и жестокими распоряженіями.

Единственнымъ наказаніемъ для грабителей было одно всеобщее неудовольствіе добрыхъ жителей Гамбурга. Радость при удаленіи ихъ была столь велика, что по видимому смягчала тѣ несчастія, которыя присутствіе ихъ произвело; но воспоминаніе о правленіи столь тягостномъ будетъ переходить въ Гамбургѣ изъ рода въ родъ.

Не упоминая болѣе о томъ, что происходило въ Гамбургѣ въ продолженiе 1814 года, я разскажу о произшествiяхъ, бывшихъ спустя нѣсколько времени послѣ вступленiя Лудовика XVIII. Въ Маѣ мѣсяцѣ Генералъ Жераръ прибылъ туда съ повелѣнiями Короля, который поручилъ ему начальство надъ частiю войскъ, составлявшихъ гарнизонъ города,... которыхъ онъ долженъ былъ проводить во Францiю. Генералъ Жераръ былъ Адъютантомъ Князя де Понтекорво во время командованiя сего послѣдняго въ Гамбургѣ; Жераръ заслужилъ уваженiе отъ людей почетныхъ и прiобрѣлъ дружбу всѣхъ, кто только имѣлъ съ нимъ какiя-либо соотношенiя. Присутствiе его въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ было очень прiятно жителямъ Гамбурга; его добрыя дѣла не изгладились еще изъ ихъ памяти. Губернаторъ Графъ Гогендорфъ слишкомъ часто употреблялъ мѣры самыя жестокiя и утѣснительныя; онъ первый оставилъ Гамбургъ. Онъ даже подстрѣкалъ къ тому Маршала, который послѣ того велѣлъ ему выдти тотчасъ изъ города, потому что онъ носилъ оранжевую кокарду и хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ провожать войска Голландскiя. Маршалъ не могъ сомнѣваться въ чувствахъ, которыя управленiе Гогендорфа внушило жителямъ; онъ могъ опасаться, чтобы жертвы жесткостей его не прибѣгли къ мще-

нію; получивъ приказаніе отъ Генерала Жерара Графъ Гогендорфъ выѣхалъ изъ предмѣстія, Св. Георгія, которое болѣе всѣхъ пострадало и гдѣ болѣе всѣхъ было жертвъ самой ужасной жестокости. Маршалъ оставивъ Гамбургъ возвратился въ Парижъ одинъ 18 Іюля, откуда отправился въ помѣстье свое Савиньи.

Удаленіе Французовъ исполнило Гамбургъ и Ганзейскіе города радостію и энтузіазмомъ, котораго описать не возможно. Часъ освобожденія Германіи пробилъ. Французы очистили Гамбургъ въ первыхъ числахъ Мая, и вспомогательныя войска, бывшія подъ знаменами Сульта, какъ-то: Голландцы, Италіянцы и Поляки, приняли то направленіе, которое назначено было по договорамъ. Въ городѣ оставались одни только больные въ госпиталяхъ; имъ оказаны были всевозможныя вспомоществованія, какихъ только требуетъ человѣчество. Г. Монне, главный Коммисаръ прилагалъ самыя заботливыя попеченія о пользѣ больныхъ.

Вотъ все, что оставалось мнѣ сказать о городѣ, въ которомъ я такъ долго жилъ и который такъ много пострадалъ.

++

ГЛАВА XIII.

Слово о порученіи Мобреля. — Пріѣздъ союзныхъ Коммисаровъ въ Фонтенебло. — Предпочтеніе, оказанное Полковнику Камбелю. — Презрѣніе къ Прусскому Коммисару — Назначеніе дороги и требованіе перемѣнить ее. — Замѣчательныя сближенія. — Союзники соглашаются на требованіе Императора. — Отказъ ѣхать, и слова Бонапарте, сказанныя Генералу Колеру. — Часы Бертрана и воля Императора. — Прощаніе въ Фонтенебло и отъѣздъ. — Первые дни въ дорогѣ и восклицанія: да здравствуетъ Императоръ. — Похвала Наполеонова Велингтону. — Проѣздъ чрезъ Ліонъ — Встрѣча съ Ожеро. — Грубость и оскорбленіе. — Первыя бѣлыя кокарды. — Крики оскорбительные для Наполеона. — Мятежъ передъ Авиньономъ. — Посредничество Коммисаровъ. — Простой народъ въ Оргонѣ, и Бонапарте повѣшенъ въ изображеніи. — Тотъ же миръ и тѣже люди. — Необходимыя ругательства и признательность. — Бонапарте переодѣтый Курьеромъ. — Гостинница въ Каладѣ. — Тоже состояніе Императора, какъ и въ Фонтенебло. — Опасеніе быть отравленнымъ. — Чрезвычайная любезность. — Пріѣздъ въ Э, и таинственная особа. — Отвращеніе Наполеона къ величію. — Принцесса Паулина. — Отъѣздъ на островъ Эльбу.

Между тѣмъ, Наполеонъ находился еще въ Фонтенебло; 17-е число Апрѣля, назначенное

къ его отъѣзду на островъ Эльбу, приближалось. Мобрель человѣкъ жалкимъ образомъ сдѣлавшійся извѣстнымъ, о которомъ послѣ столько было говорено, но котораго я едва зналъ, 17-го Апрѣля явился ко мнѣ въ домъ почтъ и требовалъ свиданія; онъ не объясняясь со мною показалъ повелѣнія, въ которыхъ было сказано, что Мобрель уполномоченъ объѣхать всю Францію по дѣламъ чрезвычайно важнаго порученія. Мобрель предъявилъ подобное повелѣніе Генералу Дюпону, Военному Министру, и временно управлявшему Департаментомъ Главной Полиціи, которые предписали главнымъ, частнымъ и всѣмъ другимъ Коммисарамъ, повиноваться приказаніямъ Мобреля. Предъявленныя мнѣ повелѣнія я призналъ за подлинныя, не желая ни изслѣдовать, ни даже обращать вниманія на то, какого рода было порученіе Мобреля; и въ слѣдствіе подписи двухъ Министровъ я долженъ былъ предписать Начальникамъ почтъ Королевства, давать въ распоряженіе Мобреля нужныхъ для него лошадей и наблюдать, чтобы это исполняемо было безъ малѣйшаго замедлѣнія. Я исполнилъ его требованія, не имѣя никакого сомнѣнія, ни подозрѣнія, и сознаюсь чрезъ нѣсколько дней чрезвычайно былъ удивленъ, когда услышалъ глупые толки, что порученность Мобреля состояла въ томъ, чтобы убить Наполеона.

Подобное подозрѣніе никакъ не могло войти мнѣ въ голову; я никогда не вѣрилъ, чтобы позволено было подобное покушеніе. Я никогда не вѣрилъ, и теперь еще не вѣрю, хотя и увѣряли меня, что порученіе Мобреля было дѣйствительно таково.

Наполеонъ, изъявивъ согласіе на отъѣздъ свой на островъ Эльбу, сообразно съ договоромъ подписаннымъ имъ тринадцатаго числа, требовалъ, чтобы до мѣста, гдѣ онъ сядетъ на корабль сопровождали его Коммисары отъ всѣхъ союзныхъ Государствъ, именно: Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи. Графъ Шуваловъ былъ назначенъ Александромъ, Полковникъ Нель-Кампбель со стороны Англіи; Генералъ Колеръ отъ Австріи и Графъ Вальдбургъ—Трушессъ со стороны Пруссіи. Четыре Коммисара явились шестнадцатаго числа въ Фонтенебло, гдѣ Императоръ въ первый разъ принималъ ихъ каждаго отдѣльно въ частной аудіенціи, въ присутствіи Генераловъ Друо и Бертранда.

Коммисары, Императоромъ вытребованные были приняты холодно, но не всѣ одинаково. Съ Коммисаромъ Англіи Полковникомъ Кампбелемъ, который имѣлъ на себѣ знаки ранъ, онъ обходился благосклоннѣе. Наполеонъ спросилъ его, въ какомъ сраженіи получилъ онъ ихъ, и за что онъ награжденъ орденами его украшавшими. Потомъ спросилъ о мѣстѣ его рожденія,

и узнавъ, что Полковникъ Кампбель былъ Шотландецъ, Императоръ привѣтствовалъ его, какъ соотечественника Оссіана, своего любимаго поэта, котораго онъ зналъ въ однѣхъ только слабыхъ переводахъ; мнѣ извѣстно, что Наполеонъ въ эту аудіенцію сказалъ Полковнику Кампбелю: «Я отъ души моей не навидѣлъ Англичанъ; я съ вами воевалъ всѣми возможными «средствами; но вашъ народъ я уважаю. Я убѣдился, что въ вашемъ правленіи болѣе великодушія, чѣмъ въ другихъ. Я желаю переѣхать «изъ Тулона на островъ Эльбу (*).»

Коммисары, Австрійскій и Русскій приняты были холоднѣе. Пріемъ же Прусскаго Коммисара былъ совершенно другой. Наполеонъ оставался около пяти минутъ съ первыми; послѣднему же онъ очень сухо сказалъ: «Развѣ и «Пруссаки находятся въ числѣ моихъ провожатыхъ.—Нѣтъ, Государь.—Къ чему же вы взяли на себя трудъ сопровождать меня?—Государь это не трудъ, но честь.—Это однѣ только слова» сказалъ Наполеонъ. «Вамъ здѣсь не «чего дѣлать.—Государь! Мнѣ не возможно отказаться отъ почетнаго порученія, сдѣланнаго «мнѣ Королемъ, моимъ повелителемъ.» Послѣ

(*) Нѣтъ никакого сомнѣнія на счетъ того, что Наполеонъ говорилъ Полковнику Кампбелю, потому что послѣдній писалъ къ Лорду Кастельригу о желаніи Наполеона, и Лордъ изъявилъ на это свое согласіе.

сихъ словъ Наполеонъ отвернулся отъ Барона Трушесса.

Коммисары думали, что Наполеонъ, не дѣлая никакихъ затрудненій безъ отлагательства отправится въ путь; но вышло со всѣмъ напротивъ. Потребовавъ маршрутъ, для него назначенный, онъ желалъ перемѣнить его и отправиться чрезъ Ліонъ дорогою Бурбонскою вмѣсто Бургонской, и потомъ слѣдовать на Валенцію и Авиньонъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать чрезъ Гренобль, Ганъ и Динь. Желаніе перемѣнить маршрутъ, назначенный для Наполеона, вѣроятно не было, какъ думали Коммисары, смѣшнымъ предлогомъ отсрочить свой отъѣздъ; но была ли это странность или нѣтъ, только какое-то особенное воспоминаніе пробудилось во мнѣ, когда я узналъ объ этой прихоти Наполеона. Дорога, назначенная Коммисарами союзныхъ Государствъ была точно та самая, которою онъ сначала хотѣлъ слѣдовать изъ Тулона въ Парижъ по возвращеніи своемъ изъ Египетскаго похода на фрегатѣ La Muiron; онъ велѣлъ тогда мнѣ предупредить мою мать, что онъ проѣздомъ чрезъ Санъ заѣдетъ къ ней обѣдать; путь же ими вновь назначенный, былъ тотъ самый, о которомъ я сей часъ сказалъ и на которомъ онъ встрѣтилъ препятствіе видѣться съ Жозефиною, ѣхавшею къ нему на встрѣчу. Не менѣе замѣчательно еще и то, что

путь, назначенный Коммисарами союзниковъ былъ тотъ самый, по которому Наполеонъ въ слѣдующемъ году 21 Марта прибылъ въ Парижъ.

Но оставимъ эти воспоминанія и мечтанія, которымъ предаваться я несклоненъ. Коммисары не желали противорѣчить Наполеону, имѣя повелѣнія обходиться съ нимъ съ уваженіемъ должнымъ Государю. Они отсрочили отъѣздъ; но не смѣя взять на себя отвѣтственности въ перемѣнѣ маршрута, требуемой Императоромъ, они просили Коленкура, находившагося въ Фонтенебло, принять на себя трудъ, извѣстить о семъ Государей бывшихъ въ Парижѣ, за исключеніемъ какъ извѣстно, Принца регента Англіи, ибо у сего послѣдняго былъ представителемъ Лордъ Кастельригъ, который имѣлъ полномочіе отъ своего правительства. Коммисары въ ночь съ 18-го на 19-е число, получили повелѣніе слѣдовать тѣмъ путемъ, который будетъ избранъ Императоромъ. Наконецъ отъѣздъ окончательно былъ назначенъ, 20-го числа.

Въ сей день, въ 10 часовъ утра, экипажи были готовы и Императорская гвардія была въ строю на большомъ дворѣ Фонтенеблскаго дворца, именуемомъ *Дворъ бѣлой лошади.* Всѣ жители города и окрестныхъ деревень тѣснились вокругъ дворца. Наполеонъ потребовалъ

Генерала Колера и сказалъ ему: «Я разсудилъ «о томъ, что мнѣ остается дѣлать, и рѣшился «неѣхать. На союзниковъ нельзя положиться «въ обязательствѣ, которое они со мною за«ключили; я также могу уничтожить мое от«реченіе, которое было условное. Въ эту ночь «ко мнѣ прислано болѣе тысячи адресовъ: меня «заклинаютъ опять принять управленіе Госу«дарствомъ. Если я и отказался отъ всѣхъ моихъ «правъ и короны, то для того только, чтобы «избавить Францію отъ ужасовъ внутренней «войны, ибо слава и счастіе ея были всегда «моею единственною цѣлію; но узнавъ теперь «о неудовольствіи, внушенномъ мѣрами прия«тыми новымъ правительствомъ и увидя, ка«кимъ образомъ исполнены данныя мнѣ обѣ«щанія, я могу объяснить моей гвардіи, причи«ны, которыя побуждаютъ меня уничтожить от«реченіе, тогда увижу, какъ исторгнутъ они «мое сердце; изъ рукъ старыхъ моихъ воиновъ. «Правда, что число войска, на которое я могу «положиться не многимъ превышаетъ тридцать «тысячъ человѣкъ, но мнѣ легко увеличить ихъ «до ста тридцати тысячъ. Знайте, что я так«же легко бы могъ, не оскорбляя своей чести, «сказать моей гвардіи, что для спокойствія и «счастія моего отечества, я *отказываюсь отъ «всѣхъ моихъ правъ* и убѣждаю ихъ исполнить «подобно мнѣ мольбы народа.»

Я слышалъ, какъ пересказывалъ эту рѣчь Наполеона, совершенно такъ, какъ она помѣщена мною, самъ Генералъ Колеръ, по окончаніи своего порученія. Онъ не скрылъ недоумѣнія, произведеннаго въ немъ неожиданною рѣчью Наполеона, и я помню, какъ разсказывали тогда, если бы Бонапарте съ самаго начала Парижской кампаніи, отказался отъ всѣхъ своихъ правъ для того, чтобы сдѣлаться вновь гражданиномъ, несмѣтныя силы союзныхъ войскъ не побороли бы усилія Франціи. Генералъ Колеръ говорилъ также, что Императоръ жаловался на то, что не позволили Маріи Луизѣ слѣдовать за нимъ. Наконецъ Наполеонъ согласясь на представленныя ему возраженія, прибавилъ: «И такъ я останусь вѣренъ «моимъ обязательствомъ; но если новыя при«чины побудятъ меня жаловаться, то я буду «вынужденъ уничтожить то, что я обѣщалъ.»

Между тѣмъ время уходило. Въ одиннадцать часовъ, Адъютантъ Императора, имени котораго я не помню (*) доложилъ ему, что по распоряженію Оберъ-Маршала все уже готово къ отъѣзду: «Для того ли я созданъ, сказалъ На«полеонъ, чтобы распредѣлять дѣйствія по ча«самъ Оберъ-Маршала. Я поѣду въ такое время, «когда захочу!... Можетъ быть и вовсе не по«ѣду.... Оставьте меня.»

(*) Это былъ Графъ де Бюсси.

Чтобы не оскорбить Наполеона, были строго соблюдаемы всѣ формы Императорскаго этикета, къ которымъ онъ былъ привязанъ; когда онъ растворилъ дверь, желая выдти изъ кабинета въ прiемную залу, гдѣ находились Коммисары, то по обыкновенiю раздалось по залѣ слово: «Императоръ;» услышавъ это онъ тотчасъ возвратился назадъ. Однакоже вскорѣ вышелъ опять; быстро прошелъ галлерею, сошелъ съ лѣстницы, (это было ровно въ двѣнадцать часовъ,) и явился предъ своею гвардiею, подобно какъ онъ дѣлалъ смотръ на Тюльерiйскомъ дворѣ, въ блистательныя времена своего Консульства и Императорства. Тогда-то была трогательнѣйшая сцѣна прощанiя Наполеона съ его солдатами. Не буду описывать подробностей, потому что они всѣмъ и вездѣ уже извѣстны. Однакоже въ примѣчанiи я здѣсь помѣщаю послѣднее воззванiе его къ старымъ сослуживцамъ; эту рѣчь произнесъ онъ голосомъ твердымъ и громкимъ, какъ будто во дни его торжествъ. Рѣчь эта принадлежитъ Исторiи (*).

(*) «Прощайте воины моей старой гвардiи. Двѣнадцать лѣтъ «постоянно видѣлъ я васъ на пути чести и славы. Въ по«слѣднiе времена, какъ и во дни нашего благоденствiя, вы «были образцемъ мужества и вѣрности. Съ воинами таки«ми какъ вы, наше дѣло никогда не могло быть проигра«но; но война продолжилась бы безконечно, она содѣлалась «бы войною народною и ввергла бы Францiю въ величай«шiя бѣдствiя. Выгоды отечества я предпочитаю собствен-

Сказавъ послѣднее прощальное привѣтствіе своимъ воинамъ: «Прощайте мои дѣти! Мои «мольбы всегда будутъ вамъ сопутствовать; со«храните обо мнѣ воспоминаніе.» Наполеонъ сѣлъ въ карету съ Бертраномъ (*).

Въ продолженіе перваго дня слышны были по дорогѣ крики: *да здравствуетъ Императоръ* и Наполеонъ, съ обыкновеннымъ своимъ притворствомъ сказалъ нѣсколько словъ, которыми порицалъ непостоянство народа въ отношеніи къ его законнымъ Государямъ; впрочемъ иронія сія была довольно худо прикрыта;

«нымъ. Я ѣду. Вы же друзья мои продолжайте служить «Франціи. Ея счастіе было единственною моею мыслію, и «всегда будетъ предметомъ моихъ моленій. Не сожалѣйте о «моей судьбѣ. Если я рѣшился пережить себя, то единст«венно для того, чтобы быть полезнымъ вашей славѣ. Я опи«шу великія дѣла, произведенныя нами. Прощайте мои дѣти; я «бы желалъ прижать васъ всѣхъ къ моему сердцу.» Потомъ приказалъ поднести къ себѣ орлы; поцѣловавши ихъ, Наполеонъ сказалъ: «Я не могу всѣхъ васъ обнять, но въ лицѣ «вашего Генерала я васъ обнимаю. Прощайте воины, будьте «всегда храбры и великодушны!»

(*) Генералъ Друо ѣхалъ впереди въ закрытой четвероместной каретѣ, не посредственно за нимъ была карета Наполеона, потомъ Генерала Колера, Генерала Графа Шувалова, Полковника Камбеля, вслѣдъ за симъ Прусскаго Коммисара Графа Вильдбурга-Трушесса, потомъ двѣ кареты, принадлежащія двору Императора, и наконецъ еще 6-ть, гдѣ помѣщалась остальная свита Императора, поѣхали другою дорогою, потому что изъ полученнаго мною рапорта, ясно видна была невозможность по одной дорогѣ заготовить достаточное число лошадей.

гвардія сопровождала его до Бріара; откуда онъ хотѣлъ выѣхать ночью, но не взирая на строгія приказанія мною отданныя, чтобы для Наполеона и его свиты все было исполняемо съ величайшею точностію, Императоръ по недостатку лошадей выѣхалъ изъ Бріара только въ полдень двадцать перваго числа. Передъ тѣмъ какъ садился въ карету, онъ еще имѣлъ разговоръ съ Генераломъ Колеромъ, и между прочимъ сказалъ ему: «И такъ вы слышали «сказанную мною вчера рѣчь старой моей гвар«діи; она вамъ понравилась, и вы видѣли ка«кое дѣйствіе она произвела. Вотъ какъ надоб«но говорить и обходиться съ ними; и если «Лудовикъ XVIII не послѣдуетъ этому примѣру, «то онъ ничего не сдѣлаетъ изъ Французскаго «солдата.»

Наполеонъ, видя на пути своемъ общее изъявленіе чувствъ народа для него благопріятныхъ, много разговаривалъ съ Коммисарами бывшими съ нимъ; съ Прусскимъ же Коммисаромъ онъ всегда обходился хуже чѣмъ съ другими; впрочемъ все, что относится до его путешествія слышано мною отъ особъ его сопровождавшихъ, и сверхъ того я приказалъ смотрителю ѣхать впереди Наполеона, котораго всѣ желанія онъ долженъ былъ выполнять и каждый день доносить мнѣ съ подробностію обо всемъ, что узнаетъ. Наполеонъ не скрывалъ отъ Полков-

ника Кампбеля, причины его холодности къ Графу Вальдбургу Трушессу, происходившей отъ того что Пруссія первая оставила его тогда какъ онъ подъ своими знаменами имѣлъ войска всей Европы за исключеніемъ Шведскихъ, Испанскихъ и Португальскихъ, во время послѣдней войны съ Россіею. Въ Бріарѣ оставивъ даже Полковника Кампбеля завтракать съ собою, онъ разсуждалъ о послѣдней Испанской войнѣ, и отзывался съ похвалою объ Англійскомъ народѣ и о воинскихъ талантахъ Веллингтона. Впрочемъ двадцать перваго числа Наполеонъ долженъ былъ уже знать о Тулузскомъ сраженіи. Во время разговора сего, Наполеонъ упрекалъ Сенатъ и изъявилъ желаніе, чтобы вынутыя изъ его кассы деньги были розданы войскамъ.

Двадцать перваго числа Наполеонъ ночевалъ въ Неверѣ, гдѣ онъ былъ еще привѣтствуемъ народомъ, но восторгъ, внушаемый его присутствіемъ былъ сопровождаемъ проклятіями противъ союзныхъ Коммисаровъ, что уже случалось во многихъ городахъ. Отсюда онъ выѣхалъ двадцать втораго числа въ шесть часовъ утра. Передъ отъѣздомъ къ конвою его присоединился Маіоръ Кламмъ, ѣхавшій изъ Парижа съ новыми предписаніями Губернатору острова Эльбы; ибо при отсрочкѣ отъѣзда Наполеона въ числѣ затрудненій представляемыхъ

имъ находилось сомнѣніе, что въ новой его резиденціи, онъ не будетъ принятъ сообразно съ положеніемъ трактата, подписаннаго имъ въ Фонтенебло тринадцатаго числа. По выѣздѣ изъ Невера, Наполеонъ не имѣя при себѣ конвоя своей гвардіи, не слышалъ болѣе восклицаній: *да здравствуетъ Императоръ*; но когда казаки замѣнили гвардію, то онъ съ прискорбіемъ слышалъ одни только восклицанія, да здравствуютъ союзники. Таковая противуположность была еще ничто въ сравненіи съ огорченіями, ожидавшими Императора по ту сторону Ліона, и опасностями, которымъ подвергался онъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ Провансѣ. Однакожъ по донесеніямъ я видѣлъ, что еще и въ Ліонѣ, чрезъ который Императоръ проѣзжалъ двадцать третьяго числа въ одиннадцать часовъ вечера, слышны были крики: *да здравствуетъ Императоръ*; они раздавались въ малочисленной толпѣ, собравшейся предъ почтовымъ домомъ во время перемѣны лошадей.

Ожеро старый республиканецъ и бывшій всегда таковымъ, не взирая на то, что пожалованъ былъ Наполеономъ Герцогомъ Кастильонскимъ, постоянно принадлежалъ къ числу недовольныхъ; съ паденіемъ Наполеона онъ присоединился къ числу роялистовъ, болѣе изъ ненависти къ Бонапарте, нежели изъ привязанности

къ Бурбонамъ. Онъ командовалъ на Югѣ въ то время, когда объявлено было Сенатомъ о лишеніи Наполеона правъ, и былъ однимъ изъ первыхъ перешедшихъ на сторону Временнаго Правленія; неумѣренный во всемъ, что обыкновенно бываетъ съ людьми безъ всякаго образованія, Ожеро обнародовалъ отъ своего имени прокламацію противъ Императора, самую наглую и оскорбительную, даже до грубости.

Зналъ ли объ этомъ Наполеонъ или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно; но только то достовѣрно, что онъ двадцать четвертаго числа встрѣтившись съ Ожеро, на дорогѣ близь Валанса, и притворясь ничего не знающимъ приказалъ остановить карету, вышелъ изъ нея; Ожеро сдѣлалъ тоже, и они бросились въ объятія одинъ другаго въ присутствіи Коммисаровъ. Анекдотъ этотъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ сихъ послѣднихъ. Замѣчено было, что Наполеонъ снялъ шляпу, чего Ожеро не сдѣлалъ. «Куда ты «ѣдешь,» сказалъ ему Императоръ, «ко двору?— «Нѣтъ, въ Ліонъ.—Ты себя велъ въ отношеніи «ко мнѣ очень дурно». Тогда Ожеро замѣтивъ, что Императоръ ему говоритъ *ты*, началъ дѣлать тоже, какъ будто это было еще во времена, когда они оба были Генералами въ Италіи. На «что ты жалуешся,» отвѣчалъ онъ ему; «не твое «ли ненасытное честолюбіе привело насъ къ «настоящему состоянію? не для него ли ты по-

жертвовалъ всемъ, даже счастiемъ Францiи?»

Послѣ этого Наполеонъ поспѣшно отворотился въ сторону, приподнялъ передъ нимъ свою шляпу и сѣлъ въ карету. Коммисары вознегодовали, видя, что Ожеро стоялъ на дорогѣ, заложивъ руки за спину и не снимая съ головы своей фуражки, только рукою сдѣлалъ Наполеону презрительный поклонъ. Этотъ гордый республиканецъ только могъ бы обходиться подобнымъ образомъ въ Тюльери, но на дорогѣ на островъ Эльбу, это была низкая дерзость!

Въ Валансѣ Наполеонъ въ первый разъ замѣтилъ у Французскихъ солдатъ бѣлыя кокарды; они принадлежали къ корпусу Ожеро. Въ Оранжѣ онъ слышалъ вокругъ себя раздававшiяся восклицанiя: *да здравствуетъ Король.* Истинная или притворная его веселость, которую онъ обнаруживалъ въ дорогѣ, здѣсь начала исчезать.

Наполеонъ слишкомъ мало слышалъ привѣтствiй себѣ на дорогѣ отъ Валанса до Авиньона; на послѣдней станцiи передъ этимъ городомъ, какой-то человѣкъ, одѣтый въ простое платье, въ башмакахъ, шелковыхъ чулкахъ и золотыхъ очкахъ, не соотвѣтствовавшихъ остальному его наряду, перебѣжавъ съ поспѣшностiю поле, подошелъ къ каретѣ Императора. Онъ влѣзъ на плеча другаго и наклонился къ каретѣ, какъ будто хотѣлъ кого-то разсмотрѣть. Пеларъ

камердинеръ Императора, увидѣвъ это, замѣтилъ ему его дерзость и требовалъ, чтобы онъ удалился; но какъ незнакомый не обращалъ на то никакого вниманія, то Императорскій фурьеръ показалъ ему пистолетъ, и тѣмъ прекратилъ странное его любопытство. Послѣ сего были слышны оскорбительные крики въ толпѣ, что было только еще прелюдіею къ сценѣ, ожидавшей Наполеона въ Оргонѣ.

Если бы онъ пріѣхалъ въ Авиньонъ тремя часами позже, нѣтъ сомнѣнія, что все было бы кончено; въ Авиньонѣ не перемѣняли лошадей; туда Императоръ пріѣхалъ въ пять часовъ утра; часомъ позже прибылъ онъ въ Сентъ-Андіолъ. Императоръ уставши ѣхать, вышелъ изъ кареты, и вмѣстѣ съ Полковникомъ Кампбелемъ и Генераломъ Бертраномъ пошелъ косогоромъ. Камердинеръ его опередилъ ихъ нѣсколькими шагами, какъ вдругъ повстрѣчалъ почталіона, который спросилъ его: «Не Импе«раторскіе ли экипажи тамъ ѣдутъ? Нѣтъ, это «экипажи союзниковъ. — Я вамъ говорю, что «это Императорскіе; вы не знаете, что я ста«рый солдатъ; совершилъ Египетскій походъ, и «хочу спасти жизнь моего Генерала. — Я вамъ «повторяю, что это не Императорскіе экипа«жи.—Къ чему меня обманывать, я увѣренъ въ «томъ, что говорю: я ѣду изъ Оргона; тамъ по«вешено чучело подъ именемъ Императора и

«если узнаютъ его, то онъ не останется въ «живыхъ. Негодяи поставили висѣлицу и повѣ«сили на ней чучело во Французскомъ мунди«рѣ, обагренномъ кровью, съ надписью на гру«ди: вотъ что съ тобою будетъ. Я не знаю что «со мною можетъ случится за мое довѣрiе, но «что нужды, будьте осторожны.» Потомъ онъ сѣлъ въ свою телѣгу и поѣхалъ рысью; камердинеръ отозвалъ въ сторону Генерала Друо и пересказалъ ему что слышалъ. Друо предупредилъ объ этомъ Бертрана, который разсказалъ все Императору въ присутствiи Коммисаровъ. Коммисары испугавшись, составили родъ совѣта на большой дорогѣ, и рѣшили, чтобы Императоръ ѣхалъ впередъ. Камердинеръ принесъ изъ кареты платье, и одѣлъ Императора въ длинный синiй плащь и круглую шляпу; они хотѣли даже приколоть къ шляпѣ бѣлую кокарду, но Наполеонъ не согласился. Онъ поѣхалъ такимъ образомъ вмѣсто Курьера съ Амодрю однимъ изъ двухъ берейторовъ, сопровождавшихъ его и проѣхалъ Оргонъ не останавливаясь.

По прiѣздѣ Коммисаровъ въ Оргонъ, всѣ жители изъ окрестностей собрались и кричали: прочь корсиканца! прочь разбойника! Оргонскiй Меръ, котораго я видѣлъ, по возвращенiи нашемъ изъ Египетскаго похода, едва не наколѣнях предъ Генераломъ Наполеономъ, обра-

тась къ Пеларду камердинеру Императора, сказалъ: «Развѣ и вы слѣдуете за этимъ бездѣльни«комъ?—Нѣтъ, отвѣчалъ сей послѣдній, я нахо«жусь при Коммисарахъ союзныхъ Державъ.—А? «Вы хорошо дѣлаете, это великій подлецъ, зло«дѣй, я хочу его повѣсить собственными рука«ми. Если бы вы знали М. Г. какъ обманулъ «насъ этотъ разбойникъ! Я его встрѣчалъ, когда «онъ возвращался изъ Египта; мы хотѣли вы«прячь лошадей и на себѣ везти его карету; но «теперь я хочу отмстить за почесть, которую «мы тогда ему оказали.»

Толпа народа быстро увеличилась и кричала съ бѣшенствомъ, которое описывать я почитаю излишнимъ для тѣхъ, кому извѣстно, какъ выражаютъ полуденные жители свою радость или ненависть. Неистовые хотѣли принудить Наполеонова кучера кричать: да здравствуетъ Король; и за его мужественный отказъ угрожали ему саблею; къ счастію, въ то самое время лошади были запряжены, почталіоны по нимъ ударили и поѣхали вскачь. Коммисары не остались даже завтракать въ Оргонѣ, и заплативъ деньги взяли все приготовленное съ собою. Экипажи соединились съ Императоромъ въ Каладѣ, куда онъ пріѣхалъ съ Амодрю четверть часа ранѣе Коммисаровъ, и стоялъ передъ огнемъ въ кухнѣ, разговаривая съ женою трактирщика, которая спросила его,

«скороли тиранъ проѣдетъ? «Ахъ! господинъ» сказала она, «что ни говорите, а этимъ еще не «все кончится; я увѣрена, что отъ него изба«вятся тогда только, когда бросятъ въ коло«дезь и закидаютъ каменьями; какъ бы я была «довольна, еслибъ сдѣлали это у меня на дворѣ. «Вы знаете сударь, что Директорія посылала «его въ Египетъ, для того только, чтобы отъ «него отвязаться, чтожъ? Онъ воротился, и еще «воротится, будьте увѣрены; по крайней мѣрѣ «. . . » Добрая женщина замолчала, и снявъ пѣну съ горшка, при поднялa голову, она замѣтила, что единственная особа, стоявшая безъ шляпы была точно та, о которой она говорила; сперва она смутилась, потомъ испугъ, что такимъ неосторожнымъ образомъ говорила объ Императорѣ, ему самому, потушилъ ея весь гнѣвъ и сердце ея исполнилось чувствъ живѣйшаго великодушія. Не буду говорить о заботахъ ея и осторожности, въ слѣдствіе коихъ нарочный былъ немедленно посланъ въ Э, за покупкою лентъ для бѣлыхъ кокардъ. Она впустила въ свой дворъ всѣ экипажи и велѣла запереть ворота и даже предупредила Императора, что было бы неблагоразумно проѣзжать чрезъ Э, гдѣ собралось народа болѣе двадцати тысячь; для того, чтобы побить его каменьями.

Посреди таковыхъ безпокойствъ, приготовили обѣдъ и Императоръ сѣлъ за столъ. Онъ

съ удивительнымъ искуствомъ скрылъ волненіе своей души, которое въ подобномъ случаѣ, онъ долженъ былъ испытать; и всѣ присутствовавшіе при этомъ странномъ обѣдѣ, единодушно увѣряли меня, что онъ никогда не бывалъ такъ любезенъ, какъ въ то время. Онъ очаровалъ всѣхъ богатствомъ своего воображенія и прелестью воспоминаній; въ заключеніе же сказалъ: быть можетъ съ непритворною небрежностію: «я думаю, что это новое Французское Правленіе ищетъ моей смерти.» Послѣ сего тысяча предположеній столпились въ умѣ его всегда безпокойномъ; онъ хотѣлъ избѣжать толпы народа въ Э, который, какъ ему сказали предполагалъ собраться на почтовомъ дворѣ. Онъ хотѣлъ было воротится въ Ліонъ, и воображалъ, какъ онъ будетъ плыть внизъ по Ронѣ, и потомъ на баркѣ отправится въ Италію. Но предпріятіе сіе также какъ и другіе, только пролетѣло въ его воображеніи, и онъ продолжалъ путь тою же дорогою.

Между тѣмъ Коммисары узнавъ о происходившемъ въ Э, рѣшились послать къ Меру приказаніе запереть ворота и стараться о спокойствіи города; многіе съ мрачными лицами собрались возлѣ гостинницы. Уже было болѣе пятидесяти человѣкъ, какъ нѣкто, не объявляя своего имени, требовалъ говорить съ Коммисарами, и отнести письмо къ Меру города Э. Въ

этомъ письмѣ Коммисары предупреждали его, что если городскiе ворота не будутъ заперты, то они явятся съ двумя полками Уланъ и шестью пушками и будутъ стрѣлять картечью въ тѣхъ, которые станутъ препятствовать ихъ проѣзду. Подобная угроза имѣла желаемый успѣхъ и неизвѣстный возвратился къ Коммисарамъ съ увѣдомленiемъ, что ворота заперты, а Меръ употребилъ для ихъ безопасности все, что отъ него только зависѣло.

Такимъ образомъ избѣжали опасностей угрожавшихъ Императору въ Э; но тѣмъ еще не кончилось; онъ долженъ былъ подвергаться имъ и по прiѣздѣ въ семь или восемь часовъ въ гостинницу Калады. Толпа любопытныхъ значительно умножилась, и неизвѣстно чѣмъ бы кончилось, если бы двери гостинницы не были тщательно заперты и заставлены. Многiе держали въ рукахъ пяти-франковыя монеты съ изображенiемъ Императора, чтобы лучше его узнать. Наполеонъ проведя двѣ ночи безъ сна, задремалъ, склонясь на плечо своего камердинера, въ маленькой комнатѣ, находившейся близь кухни. Въ минуту грусти Наполеонъ сказалъ: «Съ этой поры я отказываюсь навсегда, отъ «политическаго мiра. Я не хочу болѣе принимать «участiя ни въ чемъ, чтобы ни случилось.... «Въ Порто-Ферайо я еще могу жить;... тамъ я «буду счастливъ, какъ еще никогда не бывалъ!...

«Пусть предлагаютъ теперь мнѣ корону цѣлой «Европы, я ее не приму! . . . Я посвящу себя «наукамъ! . . . Вы видѣли, что такое народъ! . . . «Я хорошо дѣлалъ, что никогда не уважалъ лю«дей! . . . Я обходился съ ними такъ, какъ они «заслуживаютъ! . . . . Однакоже Франція! . . . . «Французы! . . . Какая не благодарность! . . . «Я имѣю отвращеніе къ честолюбію; я не хочу «болѣе править народомъ.»

Наконецъ ему доложили, что все готово къ отъѣзду; и рѣшили, чтобы онъ надѣлъ шубу и мѣховую шапку Генерала Колера, и сѣлъ въ карету Австрійскаго Коммисара. Императоръ перерядившись вышелъ изъ гостинницы и пошелъ до кареты своей, между двухъ стѣнъ *любопытныхъ*, которые тщетно старались узнать его. Экипажи отправились около стѣнъ города Э. Императоръ имѣлъ прискорбіе еще однажды слышать крики: прочь тиранъ! прочь завоеватель! Многіе изъ толпы взлезли на деревья, чтобы увидѣть его. Сіи недостойныя восклицанія слышны были еще за четверть мили отъ города.

Бонапарте опечаленный такими знаками ненависти, сказалъ съ видомъ горести и презрѣнія: «Люди этой страны всегда были одинаково буй«ны и свирѣпы. Жители Прованса совершили «ужасныя убійства въ началѣ Революціи. На-

«задъ тому восемнадцать лѣтъ, явился я въ «эту страну, съ нѣсколькими тысячами людей, «чтобы освободить двухъ роялистовъ, кото«рыхъ они хотѣли повѣсить. За что же? Ахъ! «за то, что они носили бѣлыя кокарды. Я ихъ «спасъ; но не безъ усилія исторгъ изъ рукъ «этихъ безумцевъ; а теперь вы видите, что они «тоже хотятъ дѣлать съ тѣмъ, кто отказался «носить бѣлую кокарду!» Въ одной милѣ отъ Э, ожидали Императора лошади и отрядъ Жандармовъ до замка Люкъ.

Возлѣ замка Люкъ, въ загородномъ домѣ, принадлежащемъ Г. Шарлю, Члену Законодательнаго Собранія, находилась въ то время Принцесса Паулина Боргезе. Зная несчастія своего брата, и удивляясь твердости, съ каковою онъ переносилъ ихъ, она рѣшилась сопутствовать ему на островъ Эльбу. Ея присутствіе облегчило несчастія Наполеона; она отправилась въ Фрежюсъ, чтобы оттуда вмѣстѣ съ нимъ сѣсть на корабль. Въ Фрежюсѣ Императоръ нашелъ Полковника Кампбеля, который оставилъ его на дорогѣ для того, чтобъ ввести въ гавань Англійскій фрегатъ *Неукротимый*, сперва назначенный для Императора. Не взирая на желаніе, которое мы выше видѣли, изъявленно имъ Полковнику Кампбелю, онъ показалъ много неудовольствія, садясь на фрегатъ, нако-

нецъ двадцать восьмаго Апрѣля онъ отправился къ острову Эльбѣ на томъ фрегатѣ, который уже не носилъ на себѣ Кесаря и его счастія.

Digitized by Google

ГЛАВА XIV.

Могущество времени.—Бонапарте и Лудовикъ XVIII.— Переписка Гартвеля съ Временнымъ Правленіемъ.—Пріемъ, сдѣланный Лудовику XVIII въ Лондонѣ.—Прибытіе Короля въ Кале.—Письмо Герцога де Дюрасъ.—Услуга почты. — Лудовикъ XVIII въ Кампіенѣ.—Бертье говоритъ отъ имени Маршаловъ.—Представленіе мое Королю въ Сентъ Уенѣ.— Слова исполненныя милости.—Благодарность Царская и отставленіе меня отъ службы безъ увѣдомленія.— Декларація изъ Сентъ-Уеня.— Въѣздъ Лудовика XVIII въ Парижъ, и статуя Генриха IV.—Холодность народа.—Образованіе Министерства.—Отъѣздъ Талейрана.

Могущество времени ничемъ непреодолимо; высокая политика всегда соображается съ нимъ. Для этого потребно не только постигать его, но знать и естественныя нужды времени. Вотъ почему здравые умы справедливо почитали Лудовика XVIII Государемъ, какъ-бы нарочно рожденнымъ для того времени и обстоятельствъ, въ которыхъ мы находились послѣ паденія На-

полеона. Если бы мнѣ полезно было искать аналогіи въ Исторіи Древней, я бы сравнилъ Лудовика XVIII, наслѣдующаго Наполеону, съ Нумою, царствовавшимъ послѣ Ромула, когда судьба возраждавшагося Рима хотѣла, чтобы не опытный Нума совѣтовался съ нею.

Въ концѣ 1813 и началѣ 1814 годовъ, появились въ Парижѣ разныя прокламаціи Роялистовъ, которыхъ распространенію препятствовала Полиція; онѣ содержали въ себѣ зародышъ надеждъ, которыя осуществились бы, если бы приведена была въ исполненіе хартія; я всегда вспоминаю какъ для умноженія числа этихъ прокламацій, я и семейство мое посвящали каждый день по нѣскольку часовъ на списываніе съ нихъ копій. Послѣ окончательной декларацiи Императора Александра, корреспонденція между Временнымъ Правленіемъ и Гартвелемъ производилась чрезвычайно дѣятельно. Городъ Бордо первый сдѣлалъ приглашеніе Лудовику XVIII, который 25 Марта принималъ двухъ Депутатовъ этого города, уполномоченныхъ жителями засвидѣтельствовать предъ нимъ покорность и подданническій долгъ ихъ. Они предлагали и просили Государя опять призваннаго ими, войти въ стѣны ихъ города и съ Герцогинею Ангулемскою; я узналъ, что Лудовикъ XVIII тотчасъ согласился на эти предложенія; онъ располагалъ даже сѣсть на

фрегатъ, какъ вдругъ узналъ о произшествіяхъ 31 Марта. Эти важныя извѣстія заставили Короля рѣшиться перемѣнить свое предположеніе и отправиться въ Лондонъ.

Онъ пріѣхалъ туда 20 Марта съ церемоніаломъ, приличнымъ его сану. Принцъ Регентъ сдѣлалъ ему такой пріемъ, послѣ котораго должно бы было исключить изъ Исторіи Великобританіи страницы, посвященныя описанію плѣна Короля Іоанна. Принцъ Регентъ и Лудовикъ XVIII, помѣнялись орденами Святаго Духа и подвязки. Мнѣ кажется, не смѣю впрочемъ утверждать, что никогда до этого случая ни одинъ Принцъ не Католическій, не видѣлъ себя украшеннымъ знаками ордена Св. Духа.

Лудовикъ XVIII отправившись изъ Дувра, прибылъ въ Кале 24 Апрѣля. Я не буду описывать подробно восклицанія, сопровождавшія присутствіе его на землѣ Франціи; ибо всякой можетъ видѣть это изъ журналовъ того времени. Люди умные смотрѣли съ удовольствіемъ, что Принцы древняго дома Бурбоновъ возведены были на престолъ ихъ предковъ. Они испытали столько несчастій, которыя по словамъ древнихъ философовъ, суть самые лучшіе наставники Царей.

Я напередъ зналъ совершенно маршрутъ, по которому долженъ былъ слѣдовать Лудовикъ XVIII изъ Кале въ Парижъ, потому что полу-

чилъ письмо изъ Лондона отъ 21 Апрѣля отъ Герцога де Дюрасъ, слѣдующаго содержанія:

«Я прибылъ сюда ночью и оставляю Короля «сію минуту. Отправленіе его назначено въ суб«боту; онъ будетъ ночевать въ Дуврѣ, выѣдетъ «оттуда 24 числа, и если не воспрепятствуютъ «вѣтры, въ тотъ же день пристанетъ въ Кале; «въ понедѣльникъ 25 вѣроятно будетъ въ Бу«лонѣ, а 26 въ Аміенѣ. Распоряженія на даль«нѣйшее слѣдованіе не могутъ быть сдѣланы «опредѣлительно; но со всею вѣроятностію по«лагать должно, что Король остановится въ «Компьенѣ. Изъ Кале къ вамъ будутъ вѣрно от«правлены правила на окончательный маршрутъ «болѣе утвердительныя. Я не сомнѣваюсь, что «вы уже откомандировали кого-либо на встрѣ«чу Короля изъ довѣренныхъ лицъ, дабы по«лучить чрезъ него всѣ повеленія съ возмож«ною ясностію. Я бы желалъ, чтобы письмо мое «прибыло къ предполагаемому сроку, потому что «служба не любитъ проволочекъ; 80-ти лошадей «не достаточно; надобно приготовить 120 на «станціи. Я писалъ при этомъ случаѣ къ Ин«спектору почтъ о томъ, что я думаю быть въ «Булонѣ или Кале, и чтобы онъ всего болѣе «заботился о скорѣйшихъ распоряженіяхъ по «его части отъ Кале до Булона, если только «оныя не приведены еще въ исполненіе. Рев«ность ваша къ службѣ Королю, увѣряетъ меня

«въ той дѣятельности, которою употребили вы «для исполненія возложенныхъ на васъ поруче«ній, въ минуту столь счастливую и столь «важную для всей Франціи.

«Краткость времени едва позволяетъ мнѣ за«свидѣтельствовать чувствованіе особеннаго мо«его уваженія и искренней привязанности, съ «которыми имѣю честь быть и проч.

Герцогъ де Дюрасъ.»

«P. S. Король совершенно здоровъ, и энту«зіазмъ, который онъ произвелъ здѣсь не усту«питъ энтузіазму Франціи.»

Желанія Короля были выполнены съ точностію; я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о той ревности, съ которою бывшіе подъ моимъ начальствомъ, служащіе при почтахъ чиновники, исполняли мои порученія. Король пребывалъ въ Аміенѣ, согласно съ увѣдомленіемъ Герцога. Потомъ остановился онъ въ Компьенѣ, гдѣ Временное Правленіе, Министры и Маршалы встрѣтили его для засвидѣтельствованія своей покорности и вѣрности. Бертье привѣтствовалъ Короля рѣчью отъ имени Маршаловъ и сказалъ между прочимъ, что Франція около 25 лѣтъ, стѣная подъ игомъ несчастій, ее подавлявшихъ, ожидала счастливаго дня, который возсіялъ для нея нынѣ. Бертье долженъ бы сказать около 10 лѣтъ. Императоръ Александръ ѣхалъ передъ Лудовикомъ XVIII до Камбресія,

гдѣ оба Монарха обѣдали вмѣстѣ.

Что касается до меня, то я не былъ новое въ Компьенѣ; приказанія, которыя долженъ былъ исполнять безпрестанно не позволили мнѣ отлучаться; но я находился въ Сентъ-Уенѣ 2 Мая, когда Лудовикъ XVIII прибылъ туда.

Въ то время я радовался какъ нельзя болѣе, когда Король вспомнилъ о моихъ услугахъ, которыя я имѣлъ счастіе сдѣлать для него въ Гамбургѣ. Въ одной изъ залъ, чрезъ которую Король проходилъ къ столу, Г. Гю узнавъ меня, представилъ Его Величеству и сказалъ: Вотъ Г. де Буріеннъ. Тогда Король подошелъ ко мнѣ на нѣсколько шаговъ и обратился съ слѣдующими словами. «А, Господинъ де Буріеннъ, мнѣ «очень пріятно васъ видѣть. Мнѣ извѣстны «услуги, оказанныя вами въ Гамбургѣ и Парижѣ, «за которыя я съ удовольствіемъ приношу «вамъ мою благодарность.»

Въ Сентъ-Уенѣ Лудовикъ XVIII обнародовалъ декларацію, которая предшествовала хартіи; она выражала чувствованія, изъявленныя Королемъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ въ декларацiи Кальмарской, о которой я говорилъ прежде. Тамъ же Сенатъ представилъ ему проэктъ конституціи. На другой день 3 Мая Лудовикъ XVIII вмѣстѣ съ Принцессою Агулемскою совершилъ торжественный въѣздъ въ Парижъ; сначала посѣтилъ онъ Соборъ Богоматери (Notre—Dame).

Переѣхавъ новый мостъ (Pont-Neuf) онъ увидѣлъ модель вновь воздвигаемой статуи Генриха IV, имѣющей на пьедесталѣ надпись: Ludovico reduce, Henricus redivivus, сочиненную Г. Лалли Толлендалемъ. Надпись эта гораздо лучше, если позволено будетъ мнѣ мимоходомъ сказать, длинной и многословной надписи, вырѣзанной на бронзовой статуѣ.

Никогда при въѣздѣ въ Парижъ Государей не было такого движенія, какое было при въѣздѣ Лудовика XVIII. Въ разныхъ мѣстахъ Парижа, я замѣтилъ въ тотъ день видъ какого-то удивленія и холодности, которая увеличилась спустя нѣсколько времени, когда Лудовикъ XVIII возстановилъ тѣло-хранителей (le corps rouge), которыя Лудовикъ XVIII уничтожилъ передъ революціею.

Странно было видѣть, что управленіе дѣлами ввѣрено было одному человѣку, который не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ познаній о Франціи. Сначала Г. де Блакасъ принялъ на себя всю власть Министерскую; однажды, именно 11 Мая, поѣхалъ я по обыкновенію во дворецъ Тюльерійскій съ докладомъ къ Королю, на что я имѣлъ право по званію Начальника Главнаго Управленія Почтъ; Г. де Блакасъ спросилъ мой портфель и хотѣлъ взять его изъ моихъ рукъ; это мнѣ показалось тѣмъ болѣе не естественнымъ, что въ продолженіе

7-ми дней, въ которые я имѣлъ честь заниматься съ Королемъ, Его Величество оказывалъ мнѣ необыкновенныя ласки; это де Блакасу было очень хорошо извѣстно. Я хотѣлъ защищать права свои и отказалъ ему въ его требованіи. Но когда онъ объявилъ мнѣ, что это дѣлается по повелѣнію Короля, тогда надобно было уступить. Чрезъ это обстоятельство я сдѣлался жертвою мщенія Блакаса.

Слова Короля, которыми привѣтствовалъ онъ меня въ Сенгъ-Уенѣ исполнили меня радости; но одинъ человѣкъ могъ уничтожить всѣ мои надежды. Чрезъ два дня послѣ этого случая, т. е. 30 Мая, войдя по обыкновенію рано утромъ въ свой кабинетъ, выходящій окнами на улицу Coq - Héron, развернулъ я машинально Moniteur, лежавшій на моемъ столѣ и пробѣгая его прочиталъ, что Графъ де Ферранъ назначается Главнымъ Директоромъ Почтъ на мое мѣсто.

Ни одного увѣдомленія, ни одного письменнаго объявленія, никакого постановленія, ни какого указа; право я думалъ, что все это вижу воснѣ. Я не могъ представить себѣ, отъ чего произошла такая неделикатность въ распоряженіяхъ; но вспомнивъ произшествіе въ Тюльери, я тотчасъ увидѣлъ, откуда нанесенъ былъ ударъ. Вотъ странный способъ, который употребилъ Блакасъ для засвидѣтельствова-

нія мнѣ благодарности Короля. Такой поступокъ де Блакаса стоилъ мнѣ цѣлаго года, въ продолженіе котораго находился я безъ всякаго назначенія. Конечно, мнѣ позволено было въ послѣдствіи жаловаться, но по жалобамъ моимъ я бы получилъ такое же справедливое рѣшеніе, какое Виргилій за свое: Sic vos non vobis, когда онъ намекнулъ о наградахъ незаслуженныхъ, которыми Августъ надѣлялъ Мевіевъ и Бавіевъ своего времени.

Въ томъ же нумерѣ Монитера, въ которомъ объявлено было о грубомъ увольненіи меня отъ должности Главнаго Директора Почтъ, содержалась статья объ образованіи Министерства Лудовикомъ XVIII; вотъ составъ его: Талейрану поручены дѣла Иностранныя, Аббату Монтескю Внутреннія, Аббату Лудовику ввѣрены Финансы, Генералу Дюроку дѣла Военныя, Малуетъ назначенъ Морскимъ Министромъ, а Витроль наименованъ Государственнымъ Статсъ-Секретаремъ.

За исключеніемъ двухъ изъ нихъ, всѣ они были набраны изъ самыхъ неспособныхъ по всей Франціи, которая затруднилась бы даже сдѣлать выборъ хуже этого. Въ добавленіе къ тому Г. де Блакасъ наименованъ Министромъ Двора, съ правомъ присутствовать въ Совѣтѣ; наконецъ Бегноту ввѣрена Полиція; всякой знаетъ, какъ онъ раздѣлался съ нею, хотя увѣ-

рялъ насъ тогда, что Полиція есть капля масла, которая скользитъ въ колесахъ правленія. —Лудовикъ XVIII, не зная еще никого во Франціи, безъ сомнѣнія можетъ быть извиненъ за сдѣланные имъ выборы, большею частію столь неудачные; но признаюсь, что я былъ изумленъ, когда увидѣлъ, какой ходъ данъ дѣламъ.

Со всѣхъ сторонъ слышны были жалобы на образъ правленія, въ которое не чувствительно вкрались старинныя методы; отъ чего произошла смѣсь сурьезнаго съ смѣшнымъ. Парижъ былъ наводненъ брошурками и карикатурами. У меня еще въ памяти вліяніе, произведенное однимъ журналомъ подъ названіемъ le Nain Jaune. Онъ не имѣлъ сожалѣнія къ старымъ причудамъ. Однако все было спокойно до Сентября мѣсяца; но когда Талейранъ отправился на Вѣнскій Конгрессъ, все обрадовалось отсутствію его; всякой желалъ и думалъ быть Государственнымъ человѣкомъ; имъ казалось, что избавились отъ надоѣдалы и, Богъ знаетъ, сколько глупостей надѣлали ученики въ отсутствіи своего учителя.

ГЛАВА XV.

Удивительная неспособность.— Очевидные признаки возмущенія. — Свиданіе на Пломбьерскихъ водахъ и отказъ Евгенія ѣхать туда. — Пожалованъ мнѣ Офицерскій крестъ Почетнаго Легіона.— Причина, побудившая меня отказаться отъ него. — Странности двора и не возможность предлагать ему хорошіе совѣты.— Посѣщеніе одного друга и первые признаки пагубнаго приключенія.—Другое посѣщеніе и страхъ увеличивается.—Ужасъ одного добросердечнаго Роялиста.— Различія мнѣній и хорошая дружба.—Открытія Карла Бедойера. — Равномѣрность трехъ сообщеній. — Невозможность видѣться съ де Блакасомъ. — Аббатъ Флёрьель. — Письмо безъ отвѣта.—Неучтивость и неспособность. — Генералъ Балатьеръ и де Блакасъ.—Занятія Министра.—Посредничество Талейрана. — Потерянное время и мнѣнія неприносящія никакой пользы.—Встрѣча съ Аббатомъ Флёрьелемъ въ дворцѣ Тюльерійскомъ.

При правительствѣ неспособномъ, каковымъ было Министерство 1814 года, во время нахожденія Талейрана въ Вѣнѣ, удобно было произвесть всякой заговоръ. Съ того же 1814

года начались приготовленія къ тѣмъ пагубнымъ замысламъ, которые 20 Марта совершились. Я не вѣрю, чтобы могли когда-либо быть столь неспособными люди, которымъ ввѣрено было управленіе нашими дѣлами. Законъ объ эмигрантахъ, который какъ говорятъ, ничему не научилъ и ничего не искоренилъ, отзывается устарѣлыми требованіями и глупою важностію Кобленца. Большая часть сихъ тщеславныхъ и безразсудныхъ людей, напоминаютъ мнѣ лицо одного романа Волтера, которое безпрестанно говоритъ; «un homme comme «moi!» Мысль о своихъ мнимыхъ достоинствахъ ослѣпила до такой степени правителей, что они ничего не могли видѣть. Они не только не знали потребностей и нуждъ Франціи, которая ниспровергая власть, думала пріобрѣсть свободу, но и не признавали никакого ея объявленія. Я замѣтилъ одинъ случай, послѣ котораго, по моему мнѣнію, должно бы было предостеречься; но они были слишкомъ просты, чтобы замѣтить подобныя дѣла. Принцъ Евгеній долженъ былъ пріѣхать на воды въ Пломбьеры, потому что тамъ находилась сестра его Гортензія. Лошади, экипажи и Адъютантъ Принца прибыли туда и все было готово для принятія Евгенія; но Принцъ не пріѣзжалъ. Онъ вѣроятно получивъ свѣденія объ интригахъ сестры своей съ нѣкоторыми важными лицами

прежняго двора Наполеона, находившимися тогда на водахъ, рѣшился, не мѣшаясь ни во что, жить спокойно при дворѣ тестя своего и остался въ Мюнхенѣ. Обстоятельство это прошло не обративъ на себя никакого вниманія. Люди, управлявшiе тогда нами не имѣли даже и вида къ подозрѣнію. Въ самомъ же дѣлѣ не возможно не удивляться ихъ непредусмотрительности, узнавъ, сколь много обстоятельство это согласовалось съ послѣдствiями.

Также одною изъ несправедливостей въ правленiи Короля въ 1814 году была расточительность, съ какою давали, или лучше сказать, бросали орденъ Почетнаго Легiона. Для доказательства тому, я могу привесть случай лично до меня относящiйся и смѣю сказать, что если бы всѣ поступали такъ, какъ я сдѣлалъ, то предметъ не удовольствiй имѣлъ бы гораздо менѣе важности.

Я находился въ Санѣ; это было 19 Декабря 1814 года, когда братъ Короля прiѣхалъ туда для возобновленiя мавзолея, подъ которымъ покоится прахъ Августѣйшихъ его родственниковъ. На другой день послѣ церемонiи, Префектъ Iоны возложилъ на меня Офицерскiй крестъ Почетнаго Легiона, говоря, что это онъ дѣлаетъ по повелѣнію Принца, который желаетъ изъявить мнѣ этою наградою знакъ своего удовольствiя, за участiе и за ревность, оказанныя мною при возстановленiи монумента,

воздвигнутаго Дофину и супругѣ его. За это Офицерскій крестъ Почетнаго Легіона! думалъ я, и въ ту же минуту отправился къ Принцу просить взять обратно знакъ, которымъ онъ Всемилостивѣйше меня наградить изволилъ. На вопросъ Принца, что было побудительною причиною пріѣзда моего къ нему? Я отвѣчалъ Его Высочеству, что не болѣе еще четырехъ мѣсяцевъ, какъ пожалованъ я кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона, и что таковое быстрое повышеніе будетъ противно правиламъ статута этого ордена и нарушитъ всякое приличіе; да и тѣмъ болѣе не могу я получить креста этаго, что не желаю стать на равнѣ съ тѣми, которые ищутъ случая унизить орденъ, столь дорого прежде цѣнимый; я прибавилъ, что придетъ время когда я заслужу высшія степени. Принцъ нашелъ мои причины справедливыми и принялъ ихъ съ обыкновенною своею добротою. Я думалъ, что сдѣлалъ доброе дѣло, утѣшая себя пословицею: qui refuse muse, a toute sa valeur; но случилось напротивъ, и мое доброе дѣло могло почесться одною глупостью; въ самомъ дѣлѣ я видѣлъ потомъ, что всѣ опередили меня и только въ 1823 году пожалованъ мнѣ Офицерскій крестъ Почетнаго Легіона (*). Я не совѣтую никому

(*) Въ это время мнѣ прислали вдругъ два креста, безъ сомнѣнія въ утѣшеніе за замедленіе; одинъ получилъ я чрезъ Ми-

брать мой поступокъ въ примѣръ, ибо я видѣлъ цѣлую толпу командоровъ бывшихъ моложе меня по ордену.

Въ концѣ 1814 года по извѣстнымъ мнѣ признакамъ, я предвидѣлъ одинъ важный случай. Человѣкъ, котораго я много уважалъ и съ которымъ имѣлъ одни только дружескія отношенія, сказалъ мнѣ однажды. «Вы видите какъ «дурно идутъ дѣла: недостатки, за недостатками: «вы конечно чувствуете, что подобное состоя«ніе дѣлъ не можетъ быть продолжительно. «Пусть это останется между нами, а я думаю, «что все будетъ кончено въ Мартѣ. Надобно «чтобы этотъ мѣсяцъ исправилъ стыдъ прошед«шаго Марта. Мы будемъ наконецъ, однажды «на всегда освобождены отъ фанатизма и отъ «закона объ эмигрантахъ. Вы видите, во всѣхъ «частяхъ господствуетъ духъ нестерпимаго ли«цемѣрія, и вамъ не безъизвѣстно, что вліяніе «духовенства болѣе всего противно націи. Въ «продолженіи 8 мѣсяцевъ намъ велятъ совер«шить обратный путь; я опасаюсь не раскаевае«тесь ли вы, что замѣшались въ дѣла начав«шіеся при наступленіи сего года; впрочемъ «васъ не принуждали къ тому. Я вамъ уже нѣ«сколько разъ говорилъ объ этомъ, вы сожалѣ-

---

нистра Внутреннихъ Дѣлъ, а другой отъ Герцога Ришелье, бывшаго тогда Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.

«ли и послѣ всего дѣйствовали по своему.»

Я не приписываю болѣе, нежели сколько должно, важности этому предсказанію о перемѣнахъ, приготовляемыхъ для Марта мѣсяца, и почитаю такую откровенную бесѣду не инымъ чѣмъ какъ выраженіемъ желанія той особы видѣть свои предположенія и надежды осуществленными. Я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, какъ и всякій на непостоянныя ошибки Феррана (*) и компаніи; я надѣялся, что Правительство болѣе просвѣщенное возвратится мало помалу къ тѣмъ началамъ, которыя согласны съ духомъ націи, и въ этой надеждѣ не вѣрилъ ничему, что мнѣ ни говорили, воображая, что непріятныя послѣдствія, о которыхъ меня предупреждали, не сбудутся. Черезъ нѣсколько времени другой изъ моихъ друзей навѣстилъ меня; онъ занималъ высшія должности и былъ внесенъ въ списокъ изгнанниковъ.

Онъ имѣлъ претензіи на Правительствѣ, которое по мнѣнію его было слишкомъ дурно расположено къ нему. На вопросъ мой, какъ идутъ его дѣла, онъ отвѣчалъ: «Хорошо, «другъ мой; съ моимъ прошеніемъ поступили «справедливо; я не могу нисколько жаловаться

(*) Г. Феррапъ до того былъ увлеченъ старыми идеями, что сказалъ однажды въ присутствіи нѣсколькихъ особъ, что хартія очень хорошая вещь, но ей не достаетъ только, чтобы Парламентъ Парижскій пересмотрѣлъ ее.

«я очень доволенъ.» Онъ напомнилъ мнѣ объ одномъ ученомъ, который удивлялся прекрасному порядку финансовъ подъ управленіемъ Колберта, приказавшаго однажды выдать ему его пенсіонъ первому. На это я сказалъ, что я ни сколько не радуюсь ни той справедливости, которое Правительство ему оказало, ни той чести, которую онъ приписываетъ Правительству, и уловилъ случай намекнуть ему, что если бы Правительство поступало со всѣми такимъ образомъ, то оно бы могло тогда показать свои мудрыя распоряженія по всѣмъ частямъ. «Отдохнемъ теперь» сказалъ онъ мнѣ, я нисколько не согласенъ съ тобою; потомъ прибавилъ онъ: «если Правительство пойдетъ «упорно своимъ настоящимъ путемъ, то не «возможно, чтобы оно удержалось, и это воз«вратитъ намъ Императора.—Возвращеніе его «было бы величайшимъ несчастіемъ» отвѣчалъ я ему; «хотя и желаетъ того Франція, но Евро«па не хочетъ. Будь увѣренъ, что никогда Го«судари Европы не допустятъ этого по догово«рамъ послѣдняго Апрѣля. Европа вторично «возстанетъ противъ него. Что за привязан«ность имѣешь ты къ Бонапарте; ты не мо«жешь не знать ненависти, питаемой къ нему «иностранными Державами и зла, которое онъ «имъ сдѣлалъ. Страхъ видѣть снова опустоше«нною Европу, вооружитъ всѣхъ противъ него

«и успѣхъ будетъ безъ сомнѣнія на сторонѣ Го«сударствъ иностранныхъ. Ты любишь Фран«цію болѣе всего и вмѣстѣ съ тѣмъ мечтаешь «о жребіи могущемъ угрожать ей. Если при«сутствіе Бонапарте принудитъ иностранныя «Державы придти къ намъ вторично, можешь «ли ты себѣ представить печальную идею о «раздѣленіи нашей любезной Франціи? Это не «возможно. Впрочемъ мы никогда не будемъ «согласны съ тобою: мнѣнія наши объ Импе«раторѣ и твоихъ Бурбонахъ, слишкомъ раз«личны. Ты будешь жаловаться на Наполеона, «а я превозносить его. — И такъ лучше замол«чимъ. Но скажи мнѣ однако, чтобы сдѣлалъ «ты, еслибъ онъ возвратился? — Да. — Господи! «Лучше бы я ничего не могъ сдѣлать, какъ «тотчасъ же оставить Францію. Я слишкомъ «убѣжденъ, что онъ никогда не проститъ мнѣ «за поведеніе мое при возстановленіи Правле«нія, и признаюсь чистосердечно, что не буду «колебаться ни одной минуты, чтобы вѣрнѣе «спасти жизнь, оставивъ Францію. — Но ты за«блуждаешься. Я увѣренъ, что если бы ты «присоединилъ себя къ числу друзей его, ты «имѣлъ бы все, что пожелалъ и титулъ, и по«чести и богатствія. Я могу тебя въ томъ увѣ«рить. — Признаюсь, все это не соблазнитъ меня «нисколько. Я также люблю Францію; люблю «столько же какъ и ты, и имѣю доказательства,

«что никогда она не можетъ быть счастлива «съ Наполеономъ. Если онъ возвратится, я бу«ду жить въ странѣ чужой и ждать событiй и «времени.»

Всего я не припомню изъ помянутаго разговора, продолжавшагося слишкомъ долго. Между нами, сколько могутъ судить, былъ совершенный раздоръ; каждый держался своего мнѣнiя, что обыкновенно бываетъ послѣ долгаго умствованiя. Однакоже это третiе предположенiе о возвращенiи Наполеона заставило меня призадуматься, и увеличило тягость перваго предположенiя, изложеннаго мною выше какъ вдругъ за этимъ послѣдовало четвертое. Одна особа хорошо мнѣ извѣстная, и которая по своимъ правиламъ и связямъ, вполнѣ предана сторонѣ Короля, сообщила мнѣ, что произошли необыкновенные случаи, которые ихъ тревожили. — Эта особа, между прочимъ сказала мнѣ:

«Я встрѣтилъ третьяго дня Карла Лабедой«ера, съ которымъ нахожусь, какъ тебѣ извѣ«стно, въ тѣсной связи. Я замѣтилъ въ немъ «какое-то безпокойство; видъ его показывалъ «человѣка, погруженнаго въ размышленiе. Я «пригласилъ его къ себѣ отобѣдать; но онъ от«казался подъ тѣмъ предлогомъ, что мы не «одни будемъ за столомъ. Послѣ того онъ самъ «пригласилъ меня на вчерашнiй день отобѣдать

«съ нимъ, и поговорить кое о чемъ. Дѣйствительно мы обѣдали въ двоемъ, у ресторатора, «въ особой комнатѣ. Долго разговаривали о политическихъ дѣлахъ, о нашемъ положеніи; и «ты повѣришь, что я ни въ чемъ не могъ съ «нимъ согласиться; впрочемъ это всегда случается между нами; споримъ, наговоримъ другъ «другу колкостей, и при всемъ томъ остаемся «хорошими пріятелями. Но меня безпокоитъ «то, что сказалъ мнѣ Карлъ, прощаясь и пожимая мнѣ руку: Завтра ѣду въ Гренобль, чрезъ мѣсяцъ услышишь о Карлѣ Лабедойерѣ, «и потомъ разстался со мною.»

Эти три свѣденія, вскорѣ одно за другимъ полученныя, возбудили все мое вниманіе: онѣ сообщены мнѣ были сперва двумя особами, желавшими успѣха событію, а потомъ третьею, которую оно немало устрашало. Пораженный тѣсною связью этихъ случаевъ съ Пломбіерскими обманами, за нѣсколько предъ тѣмъ мѣсяцевъ происходившими, я рѣшился, въ Генварѣ объясниться о томъ съ Блакасомъ, пользовавшимся тогда полнымъ довѣріемъ и властію, мимо котораго ничего нельзя было довести до свѣденія Короля. Излишнимъ почитаю присовокуплять, что я имѣлъ намѣреніе объявить ему объ однихъ только дѣйствіяхъ, а не объ лицахъ, доставившихъ о томъ свѣденія.

Здѣсь я принужденъ вступить въ область нелѣпости; все, о чемъ буду говорить, справедливо, однако невѣроятно. Блакасъ меня не принялъ и въ этомъ случаѣ нельзя винить его. Что я значилъ въ сравненіи съ столь важною особою? Я удостоился только чести говорить съ его Секретаремъ, который, если стоитъ вспомнить о томъ, былъ и назывался Аббатомъ Флеріедемъ. — Какая находка для комическаго поэта подобное лице! Аббатъ Флеріель былъ образецъ наглости и надменности! какъ шло къ нему приличіе, необходимое для великаго Секретаря великаго Министра; и какъ былъ онъ милъ, когда объявилъ мнѣ съ непринужденною пріятностію что: «Его Сіятельство Графъ не у себя!» Онъ желалъ бы имѣть три языка вмѣсто одного, чтобъ произносить эти слова: Его Сіятельство Графъ! такъ для него пріятно было провозглашать ихъ. Я зналъ, что Блакасъ дома. Не хотѣлъ ли Аббатъ, чтобы я объявилъ ему, о чемъ мнѣ нужно было говорить съ Министромъ? Я отвернулся, не удостоивъ его отвѣта, и вышелъ.

Но по приверженности моей къ Бурбонамъ и по причинѣ важности обстоятельствъ, я въ тотъ же день написалъ къ Блакасу о назначеніи мнѣ свиданія и не получилъ отвѣта. Спустя два дня отправилъ второе письмо, въ которомъ не безъ сожалѣнія давалъ знать, что имѣю нѣчто

весьма важное сообщить ему; и также не получаю отвѣта. Не постигая причины столь страннаго молчанія, я возвратился въ павильонъ Флоры и просилъ любезнаго Аббата Флеріеля объяснить мнѣ причину столь оскорбительнаго безмолвія его начальника: «Милости-«вый Государь,» сказалъ мнѣ черный приказный, «я получилъ два ваши письма и предста-«вилъ ихъ Его Сіятельству. Но мнѣ неизвѣстно, «для чего онъ не отвѣчалъ вамъ. Что касается «до меня, я ничего болѣе не могу сдѣлать; «впрочемъ Графъ такъ занятъ! у Его Сіятель-«ства такая пропасть дѣлъ! Его Сіятельству не «достаетъ для нихъ времени!—Его Сіятельство,» отвѣчалъ я, «будетъ въ этомъ раскаяваться. «Прощайте, Государь мой.»

Такимъ образомъ удостовѣрился я собственнымъ опытомъ о справедливости того, что слышалъ на счетъ Блакаса, и что въ послѣдствіи подтвердили многіе случаи. Въ этомъ нельзя было сомнѣваться: Блакасъ заступилъ мѣсто Графа д'Аваре; пользовался полною довѣренностію Короля и присвоилъ себѣ всю власть. Если нужно было что-либо довести до свѣденія Лудовика XVIII, даже тѣмъ, къ кому онъ прежде наиболѣе былъ привязанъ, они должны были обращаться съ просьбою о томъ къ Блакасу. Но если кто желалъ сообщить полезное извѣстіе, онъ отзывался съ надменно-

стію: «Кто? . . . этотъ человѣкъ? . . . Ба! . . . «это интриганъ, Бонапартистъ, мечтатель, вѣ«стовщикъ, порицатель правленія. Я не хочу «объ немъ слышать.» И благонамѣренный человѣкъ не получалъ доступа. Доказательствомъ тому не я одинъ могу служить; вотъ что случилось съ Генераломъ Балатье черезъ нѣсколько дней послѣ моего безполезнаго домогательства: Генералъ желалъ говорить съ Королемъ о событіяхъ, которыя предусматривалъ и о которыхъ, подобно мнѣ, получилъ свѣденіе. Король отвѣчалъ: «пусть онъ объяснится съ Бла«касомъ.» Балатье былъ принятъ Министромъ любимцемъ, который, выслушавъ его, объявилъ: «все это, Милостивый Государь, сущія сказки. «Странное дѣло! вы думаете знать болѣе, нежели мы, управляя Государствомъ? — Конечно, «возразилъ Балатье съ откровенностію воина, «конечно, Графъ, мнѣ извѣстно болѣе, чѣмъ «вамъ, окруженнымъ льстецами, которые гово«рятъ только то, что можетъ вамъ нравиться.— «Повторяю вамъ, Милостивый Государь, что я «довольно уже знаю о томъ, о чемъ вы хотѣ«ли мнѣ говорить.» Какая жалость!

Но видя опасность, постоянно угрожавшую Франціи и не имѣя возможности преодолѣть тѣхъ преградъ, которыми Блакасъ окружилъ особу Короля, я рѣшился писать къ Талейрану и увѣдомить его о всѣхъ сообщенныхъ мнѣ свѣ-

деніяхъ. Талейранъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Королемъ и нѣтъ сомнѣнія, что до Его Величества дошли бы мои извѣстія; но много времени было потеряно, и происшествія послѣдовали съ такою быстротою, что по полученіи Лудовикомъ XVIII свѣденія о томъ, чему надлежало случиться, нельзя уже было тому воспрепятствовать. Такимъ образомъ извѣстія, которыя я надѣлся сообщить заблаговременно, не имѣли успѣха, и вскорѣ увидятъ, что мои догадки подтвердились письмомъ съ острова Эльбы, которое попалось въ руки правительства вскорѣ послѣ безполезныхъ моихъ домогательствъ. Дѣйствительно какое-то непостижимое ослѣпленіе овладѣло тогда самыми приближенными къ Королю лицами. Но я не кончу этой главы безъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ о достойномъ Секретарѣ Блакаса, хотя слѣдующій случай и относится къ позднѣйшей эпохѣ.

По вторичномъ возвращеніи Лудовика XVIII, я встрѣтился съ Аббатомъ Флеріелемъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Мы разговорились о бѣдствіяхъ, въ которыя вергло Францію двадцатое Марта. Аббатъ сказалъ мнѣ: «Я крайне былъ недоволенъ, что Г. Блакасъ васъ не принялъ;» но Аббатъ никакъ не соглашался отстать отъ прежняго мнѣнія и не постыдился повторить: «Если бы вы однакоже знали, какъ онъ былъ

«занятъ! — Сомнѣваюсь въ этомъ, Г. Аббатъ, «если судить по его дѣламъ. Но перестанемъ «думать объ этомъ; зло было велико, но оно «исправлено—Бурбоны опять здѣсь» Я не сдѣлалъ другаго упрека бывшему Секретарю Блакаса.

ГЛАВА XVI.

Приближеніе двадцатаго Марта и мои приготовленія къ отъѣзду. —Отправленіе изъ Тюльерійскаго дворца нарочнаго тринадцатаго Марта.—Г. Гю вводитъ меня къ Лудовику XVIII. —Достопамятныя слова Короля.—Назначеніе меня префектомъ Полиціи.—Мое изгнаніе въ Ліонъ. — Совѣтъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. — Странное невѣдѣніе нѣкоторыхъ совѣтниковъ Короля. — Слова солдатъ.—Добрый человѣкъ и маленькій капралъ. — Разсужденіе о дорогѣ Короля.— Я предсказываю прибытіе Бонапарте. — Собственноручный списокъ двадцати пяти изгнанниковъ.—Настояніе Короля о взятіи подъ стражу Фуше.—Услуги Г. Фудраса. — Фуше незадержанъ. — Даву изгнанникъ и оставленъ въ покоѣ.— Продолжительный разговоръ съ Блакасомъ.—Безполезность арестовъ. — Довѣренность Короля ко мнѣ. — Переписка Бонапарте съ жителемъ Гренобля.—Перехваченное письмо и потеря времени.—Явныя доказательства заговора.— Ничего не сдѣлано и что надлежало бы предпринять.— Какъ могъ заговоръ быть уничтоженъ. — Царедворцы смягчены несчастіемъ.— Тяжкія и невознаградимыя ошибки. — Настоящія причины революціи двадцатаго Марта.

Тѣ, которые воспротивились исполненію договора, заключеннаго съ Наполеономъ во время отреченія его отъ престола, учинили важную

ошибку, потому что доставили ему предлогъ къ удаленiю съ острова Эльбы. Всѣмъ извѣстны подробности этого непостижимаго предпрiятiя и я не буду повторять того, что уже описано во многихъ сочиненiяхъ. Замѣтивъ съ какою быстротою шелъ онъ къ Лiону, и съ какимъ усердiемъ войска и жители стремились на встрѣчу ему, я рѣшился отправиться въ Белгiю и тамъ ожидать развязки этой новой драмы. Приготовленiя мои къ отъѣзду были кончены вечеромъ тринадцатаго Марта, и уже я собрался въ путь, чтобы избѣгнуть угрожавшихъ мнѣ преслѣдованiй, какъ въ это самое время посѣтилъ меня посланный изъ Тюльерiйскаго дворца, съ приглашенiемъ отъ имени Короля явиться туда немедленно. Прiѣхавъ поспѣшно во дворецъ, я вошелъ къ Г. Гю, чтобы узнать, для чего меня потребовали. Онъ занималъ комнаты, въ которыхъ я провелъ три года жизни въ безпрестанныхъ трудахъ и хлопотахъ. Г. Гю, замѣтивъ, что меня нѣсколько встрѣвожило приглашенiе въ Тюльерiйскiй дворецъ въ ночную пору, объяснилъ мнѣ причины этого обстоятельства. «Я не терпѣливо ожидалъ васъ,» сказалъ онъ. «Король напомнилъ мнѣ, что я всегда выгодно и съ соучастiемъ отзывался ему объ васъ. Его Величеству извѣстно, что я могъ цѣнить дѣйствiя ваши въ Гамбургѣ, и угодно было объявить мнѣ свое намѣренiе возстановить пре-

фектуру Полиціи, ибо Г. Андре не удовлетворяетъ вполнѣ ожиданіямъ, которыя подавалъ Король присовокупилъ, что ему предлагали васъ для занятія мѣста префекта и онъ желалъ, чтобы я объявилъ ему, можно ли на васъ положиться. Я далъ отвѣтъ утвердительный, и, если вы согласны принять назначаемую вамъ должность, требующую довѣренности, то я введу васъ въ кабинетъ Короля.» Мы пришли туда, и Король съ благосклонностію, но вмѣстѣ самымъ выразительнымъ тономъ, сказалъ мнѣ: «Г. Буріеннъ, могу ли положиться на васъ? Я всего ожидаю отъ вашего усердія и вѣрности — Ваше Величество не будете имѣть причины обвинять меня въ употребленіи во зло вашей довѣренности. — И такъ возстановляя префектуру Полиціи, назначаю васъ префектомъ. Вступите въ должность и дѣйствуйте съ успѣхомъ; я въ этомъ полагаюсь на васъ» Странное сближеніе: въ этотъ же день, тринадцатаго Марта, когда Король назначилъ меня префектомъ Полиціи, Наполеонъ, въ Ліонѣ, подписалъ декретъ, которымъ лишалъ дарованнаго имъ всепрощенія тринадцать человѣкъ, въ числѣ которыхъ находилось и мое имя (*). Этотъ декретъ оправдалъ мои пред-

(*) Вотъ списокъ изгнанниковъ, обнародованный въ Ліонѣ: Князь *Бневевентскій*, Герцогъ *Рагузскій*, Герцогъ *д'Альбергъ*, Аббатъ *Монтескю*, Графъ *Жокуръ*, Графъ *Бернонвиль*, *Линшь*, *Витроль*, *Алексій де Ноиль*, *Буріеннъ*,

чувствованія при полученіи извѣстія о возвращеніи Бонапарте. Какъ бы то ни было, по прибытіи вечеромъ изъ Тюльерійскаго дворца, я находился въ нерѣшимости. Сперва я увлекся единственно усердіемъ къ дѣлу Короля; но, вообразивъ обширность отвѣтственности, которую принималъ на себя, былъ устрашенъ ею. Призванный вдругъ къ должности, которой не ждалъ, признаюсь, я былъ несовершенно увѣренъ въ себѣ. Однако я побѣдилъ свою нерѣшимость и долженъ сказать, что по счастію нашелъ въ Г. Фудрасѣ человѣка, заслужившаго полную мою похвалу. Г. Фудрасъ былъ главнымъ Инспекторомъ Полиціи. Его дѣятельность, усердіе, способности и приверженность принесли мнѣ величайшую помощь. Онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ по Полиціи, какимъ и я съ давняго времени, и потому былъ одного со мною мнѣнія во всѣхъ случаяхъ; мнѣ пріятно засвидѣтельствовать нынѣ, что ему обязанъ я облегченіемъ исполненія восьми дневныхъ моихъ трудныхъ обязанностей.

Не могу даже теперь вспомнить безъ величайшаго удивленія о совѣщаніи, происходившемъ ввечеру тринадцатаго Марта у Блакаса, въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Невѣденіе, въ которомъ,

---

Белларъ, ла Рошь-Жакеленъ, Состенъ де ла Рошфуко. Приверженность моя къ дѣлу Короля, давала мнѣ нѣкоторое право на участіе въ этомъ изгнаніи.

Члены Совѣта находились насчетъ нашего положенія, превосходитъ всякое вѣроятіе; меня изумила довѣренность ихъ къ безполезнымъ мѣрамъ, принятымъ ими противъ Наполеона. Мы собрались въ павильонѣ Флоры. Повѣритъ ли кто, что всѣ эти великіе Государственные мужи, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи телеграфъ, почту, Полицію и всѣхъ ея агентовъ, деньги, словомъ всѣ орудія, составляющія власть, спрашивали меня о движеніяхъ Наполеона. Что можно было сказать имъ въ отвѣтъ? Я ограничился повтореніемъ Биржевыхъ слуховъ и того, что въ теченіи сутокъ могъ узнать тамъ и сямъ. Я не скрылъ отъ нихъ о великости опасности и о безполезности всѣхъ ихъ предосторожностей, которыя привели къ вопросу о томъ, что предпримстъ Король. Ему никакъ не возможно было оставаться въ столицѣ; но куда отправиться? Въ Совѣтѣ объявлены были разныя мнѣнія: предлагали Бордо, Вандею, Нормандію; наконецъ одинъ членъ подалъ мнѣніе отправиться Королю въ Мелюнъ. Если дойдетъ дѣло до сраженія, то оно должно, по мнѣнію моему, произойти въ окрестностяхъ этого города; но Совѣтникъ, подавшій этотъ голосъ, утверждалъ, что присутствіе Короля въ коляскѣ, запряженной въ восемь лошадей, произведетъ на духъ войскъ чудесное дѣйствіе! Это предложеніе было смѣшно; дру-

гія казались мнѣ опасными и неудобоисполнимыми. Я объявилъ Совѣту, что въ теперешнемъ положеніи дѣлъ должно отказаться отъ мысли вооруженнаго сопротивленія; что ни одинъ солдатъ не сдѣлаетъ выстрѣла и что безъ явнаго ослѣпленія нельзя смотрѣть иначе на ходъ произшествій. «Измѣна», сказалъ я имъ, «неизбѣжна; солдаты веселятся и пьютъ въ казармахъ на деньги, которыя вы имъ теперь раздаете, чтобы пріобрѣсть ихъ расположеніе. Знаете ли что говорятъ они! . . . Лудовикъ XVIII добрый человѣкъ, но *да здравствуетъ маленькій капралъ*!

По высадкѣ Наполеона, Король тотчасъ отправилъ курьера къ Мармонту въ Шатильонъ, куда онъ поѣхалъ, чтобы находиться при кончинѣ своей матери. Я его видѣлъ, если не ошибаюсь, шестаго или седьмаго Марта, когда онъ выходилъ отъ Короля.» Поговоривъ о высадкѣ Бонапарте и о средствахъ воспрепятствовать прибытію его въ Парижъ, Мармонтъ сказалъ мнѣ: «Вотъ, мой другъ, мысль, которая всего «болѣе занимаетъ меня и которую я сообщилъ «Королю: Государь, не сомнѣваюсь, что Бона«парте устремится къ Парижу и будетъ въ «его стѣнахъ: за лучшее средство воспрепят«ствовать тому нахожу, чтобы Ваше Величе«ство остались въ столицѣ. Надобно привести «Тюльерійскій дворецъ въ оборонительное со-

«стояніе для предупрежденія внезапнаго нападе-«нія и для выдержанія осады, которой нельзя «будетъ производить безъ пушекъ; вы должны «запереться въ вашемъ дворцѣ, съ особами ва-«шего дома, служителями и главными власти-«ми; а между тѣмъ Герцогъ Ангулемскій отпра-«вится въ Бордо, Герцогъ Беррійскій въ Ван-«дею, Графъ д'Артуа въ Франшъ-Конте; но они «должны выѣхать днемъ и объявить, что от-«правляются собирать защитниковъ Вашего Ве-«личества». . . . Вотъ что сказалъ я Королю сегоднишнимъ утромъ, присовокупивъ, что отвѣчаю за все, если послѣдуютъ этому совѣту! Теперь иду приказать Полковнику Фабвіе, моему Адъютанту, составить планъ обороны.» Я не былъ согласенъ съ мнѣніемъ Мармонта; многочисленныя отложенія войскъ, послѣдовавшія прежде двадцатаго Марта, можетъ быть, замедлились бы, еслибъ Лудовикъ XVIII остался въ своемъ дворцѣ; не такъ бы скоро рѣшась почитать себя освобожденными отъ присяги, иные пожелали бы дождаться отъѣзда Короля, и если бы Бонапарте хотѣлъ войти въ Парижъ, то не вдругъ бы приступилъ къ осадѣ Тюльерійскаго дворца.

Мармонтъ основывалъ свое мнѣніе на томъ, что удивленію, произведенному быстротою движенія Наполеона отъ залива Жуанскаго къ Парижу, противудѣйствовало бы чувство жи-

вѣйшаго участія, которое могъ возбудить старецъ, подкрѣпляемый своимъ правомъ и увѣренный, что дерзкій соперникъ не свергнетъ его съ престола, съ котораго не захочетъ самъ сойти. Отдавая всю справедливость добрымъ намѣреніямъ Герцога Рагузскаго, я не думалъ, чтобы его мнѣніе могло быть принято; я возражалъ противъ него, какъ и противъ всѣхъ предложеній касательно назначенія мѣста, куда удалиться Королю. Я предложилъ Лиль, какъ ближайшее и безопаснѣйшее убѣжище, особенно на первый случай «Милостивые Государи», говорилъ я членамъ Совѣта, «примите «въ соображеніе, что тамъ командуетъ Герцогъ «Ормапскій, имѣющій подъ своимъ начальст«вомъ Маршала Мортье, на вѣрность котораго «можно положиться. Бѣлое знамя развѣвается «еще на стѣнахъ Лиля; но если наконецъ Его «Величество доведенъ будетъ до необходимости «удалиться изъ Франціи, въ случаѣ дѣйстви«тельной опасности, тогда онъ безъ малѣйшаго «препятствія можетъ отправиться въ Бельгію. «Господа», присовокупилъ я, «время дорого и по«спѣшный отъѣздъ Короля есть первѣйшая не«обходимость. Все предвѣщаетъ мнѣ, что На«полеонъ непремѣнно будетъ здѣсь въ поне«дѣльникъ; и такъ главный долгъ тѣхъ, кто «обязаны пещись о безопасности Короля, убѣ«дить его къ выѣзду не позже воскресенья. Если

«вы будете медлить, то прошу васъ подумать «о томъ, какъ для Бонапарте легко будетъ, по «причинѣ отложенія войскъ, занять своими сол«датами сѣверныя дороги. Вы дадите ему вре«мя избавиться тѣхъ, кто его безпокоитъ. Те«перь нельзя болѣе предаваться ослѣпленію: Ко«роль можетъ ожидать спасенія отъ однихъ «только чужестранныхъ войскъ, и такъ всего «нужнѣе, чтобъ онъ отправился имъ на встрѣ«чу.»

Было уже за полночь, когда я удалился изъ Тюльерійскаго дворца. Совѣщаніе кончилось, но не рѣшась ни на какую мѣру, положили представить Лудовику XVIII различныя мнѣнія, изъявленныя въ Совѣтѣ, дабы Его Величество могъ принять то, которое ему покажется удобнѣйшимъ. Король принялъ мое, но уже по прошествіи пяти дней.—Дѣйствительно Король предпочелъ Лиль.

Поздно уже былъ я назначенъ префектомъ Полиціи; почти также поздно пожелалъ Наполеонъ, чтобы я отправился полномочнымъ Министромъ въ Швейцарію. Но надобно было доказать мою преданность Королю, и я забылъ несправедливое и произвольное отрѣшеніе меня отъ главнаго управленія почтами. Принимая должность, я весьма былъ увѣренъ въ безполезности мѣръ, которыхъ отъ меня требовали для отвращенія угрожавшихъ намъ со-

бытiй. Когда ввели меня въ кабинетъ, Король спросилъ меня, что думаю о положенiи дѣлъ. «По моему мнѣнiю, Государь, Бонапарте будетъ здѣсь черезъ пять или шесть дней. — «Возможно ли это?—Да, Государь.—Но всѣ мѣры приняты, приказанiя отданы, Маршалы «мнѣ вѣрны.—Не подозрѣваю, Государь, никого «въ измѣнѣ, но могу увѣрить Ваше Величество, «что Бонапарте, сдѣлавшiй высадку, будетъ «здѣсь ранѣе восьми дней. Я его знаю лучше, чѣмъ «Ваше Величество; но съ тою же надеждою могу увѣрить васъ, Государь, что черезъ шесть «мѣсяцевъ его здѣсь не будетъ; безразсудныя «дѣйствiя его погубятъ.—Г. Бурiеннъ, я ожидаю лучшаго отъ произшествiй; но если, по «несчастiю, снова принужденъ буду удалиться «изъ Францiи и второе ваше предсказанiе исполнится, тогда вы можете быть увѣрены въ «моей благосклонности.» Король, въ продолженiи сего краткаго разговора, показался мнѣ спокойнымъ и готовымъ покориться своему жребiю, съ тѣмъ достоинствомъ, которое есть плодъ увѣренности въ своихъ правахъ и Философiи, прiобретенной несчастiемъ.

На другой день я опять былъ во дворцѣ и можно повѣрить, что въ тогдашнихъ опасныхъ обстоятельствахъ, я туда являлся каждый день и даже по два раза вмѣсто одного. Въ этотъ день я получилъ списокъ двадцати пяти лицъ,

которыхъ приказано мнѣ задержать. Я осмѣлился замѣтить, что подобныя дѣйствія не только совершенно безполезны, но даже могутъ произвесть весьма вредное впечатлѣніе въ настоящемъ критическомъ положеніи: «Ни «что,» сказалъ я, «столько, по моему мнѣнію, «не опасно, какъ преслѣдованіе двадцати пяти «человѣкъ, значительныхъ или по крайней мѣ«рѣ очень извѣстныхъ; это послужитъ только «къ указанію предводителей для недовольныхъ, «для приверженцевъ Наполеона. И что вы съ «ними сдѣлаете? тотъ, котораго почитаются они «агентами, будетъ здѣсь чрезъ пять дней. Мож«но ли въ это время кончить двадцать пять до«просовъ и начать двадцать пять слѣдствій? «я не думаю, чтобы имѣли намѣреніе осудить «ихъ безъ разсмотрѣнія дѣла. Я увѣренъ, что «достаточно будетъ одного бдительнаго надзора «для удержанія ихъ въ бездѣйствіи. Не должно «возобновлять ужасную эпоху подозрѣній; и «можно ли доказать въ толь короткое время, «что обвиняемые виновны?»

Сколько я ни представлялъ причинъ къ убѣжденію, сколько ни присовокуплялъ новыхъ замѣчаній, онѣ не произвели желаемаго дѣйствія; правда, убавили двадцать три лица изъ числа двадцати пяти, но требовали настоятельно, чтобы я задержалъ Фуше и Даву; особенно Король повторилъ нѣсколько разъ: «я хочу, чтобы

«вы задержали Фуше.—Государь, прошу васъ «обратить вниманіе на безполезность. . .—Хочу «непремѣнно, чтобы вы задержали Фуше. . . . «Впрочемъ, я увѣренъ, что вы не успѣете въ «томъ, ибо Андре не могъ его захватить.»

Приказъ до того былъ настоятеленъ, что я долженъ былъ исполнить волю Короля. Вскорѣ узнаютъ о моихъ распоряженіяхъ для задержанія Фуше и о томъ, какъ удалось ему спастись. Я вышелъ изъ Тюльерійскаго дворца съ полученнымъ мною спискомъ. У меня хранится подлинникъ, писанный рукою Блакаса; сообщаю здѣсь копію съ сей драгоцѣнной рукописи, неизмѣняя въ ней ничего и даже не исправляя ошибокъ въ собственныхъ именахъ.

* Фуше (Fouché) (1).

* Даву (Davoust).

Ле Комтъ, (Le Comte), въ улицѣ *Бакъ*, на углу Университетской. У него капиталъ Фуше.

Г. Гальяръ, (M. Gaillard), Совѣтникъ Королевскаго Суда.

Гингерло (Hinguerlot).

Ле Меръ (Le Maire).

Жераръ (Gérard).

Межанъ (Mejean).

1) Звѣздочки, коими обозначены двѣ первыя фамиліи: Фуше и Даву, находятся въ оригиналѣ и показываютъ, что они въ особенности обращали вниманіе Правительства; слова: *въ отлучкѣ, не находится здѣсь* были прибавлены мною.

Легранъ (Legrand).
Этьень (Etienne)
Ровиго (Rovigo).
Реаль (Réal).
Мунье (Mounier)
Арно (Arnauld).
Норвень (Norwins).
Бувье-Дюмоларъ (Bouvier-Dumolard).
Маре... (Maret) въ отлучкѣ.
Дювике (Duviquet).
Патри..... (Patris) не находится здѣсь.
Лавалетъ (Lavalette) въ отлучкѣ.
Сіей (Syèyes).
Пьеръ-Пьеръ (Pierre-Pierre).
Флао (Flao).
Эксцелмонсъ (Excellmonce).
Іос. Тюро (Ios. Thurot).

Было уже за полночь, когда я открылъ мое ночное засѣданіе въ префектурѣ Полиціи; ничто столько для меня не было противно, какъ обязанность, возложенная на меня Королемъ, задержать Фуше; но надлежало исполнить ее, не теряя времени. Я объявилъ это приказаніе Фудрасу, который безъ малѣйшаго замѣшательства отвѣчалъ: «Будьте покойны, онъ завтра же будетъ въ нашихъ рукахъ.» Мы сдѣлали надлежащія распоряженія и на другой день наши агенты явились въ домѣ Герцога Отрантскаго, въ улицѣ Артуа. «Какъ, сказалъ

Фуше, «этотъ приказъ ничтоженъ, ничего не «значитъ; онъ подписанъ Префектомъ Полиціи, «но нѣтъ уже болѣе Префекта Полиціи.» По моему мнѣнію, онъ былъ правъ, ибо назначеніе меня, состоявшееся въ ту ночь, еще не было обнародовано законнымъ порядкомъ. Не смотря на то, послѣ отказа Фуше слѣдовать за моими агентами, нѣкоторые изъ нихъ отправились въ Главный Штабъ Національной гвардіи, чтобы въ случаѣ нужды потребовать военной помощи отъ Генерала Дессоля. Этотъ явился въ Тюльерійскій дворецъ, чтобы получить приказаніе Короля, а между тѣмъ Фуше, сохраняя все присутствіе духа и разговаривая съ тѣми изъ моихъ агентовъ, которые остались при немъ, притворился выходящимъ на минуту въ ближайшую комнату; но дверь, имъ отворенная, имѣла сообщеніе съ потаеннымъ выходомъ, гдѣ мои люди остались запертыми въ потемкахъ: самъ же онъ вышелъ на улицу Тебу (Taitbout), сѣлъ въ карету и скрылся. Вотъ развязка исторіи взятія подъ стражу Фуше.

На счетъ Даву я долженъ сказать, что сдѣланное имъ мнѣ зло и еще большее, которое онъ замышлялъ противъ меня, были причиною моего бездѣйствія. Не выдаю себя при этомъ случаѣ притворно великодушнымъ: торжественно объявляю, что его не навижу; но

эта самая ненависть спасла его; я не хотѣлъ чтобъ могли предполагать, что взятіе его подъ стражу было слѣдствіемъ моего мщенія. Я приказалъ только наблюдать за нимъ, чего требовала моя обязанность, и оставилъ его въ покоѣ. Прочіе двадцать три человѣка какъ будто не существовали для меня и можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ не прежде узнаютъ, какъ читая мои Записки, сколько Правительство ихъ опасалось. Во всѣхъ случаяхъ могу увѣрить, что никто изъ нихъ не можетъ принести на меня ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго неудовольствія. Но не имѣю права на ихъ благодарность, — я поступилъ такимъ образомъ потому, что это согласно было съ моими правилами, и происшествія доказали, что я не ошибся; слѣдовательно на предъидущій списокъ должно смотрѣть, какъ на простой историческій актъ.

Но не могу сказать того о слѣдующемъ случаѣ, относящемся также къ исторіи горестной эпохи и доказывающемъ неспособность людей, употребленныхъ въ дѣлахъ Государственныхъ.

Послѣ вышеприведеннаго разговора пятнадцатаго Марта съ Лудовикомъ XIII, я посѣтилъ въ тотъ же день Блакаса и повторилъ ему сказанное Королю; я объявилъ, что, по мнѣнію моему, никакъ нельзя воспрепятствовать Бонапарте прибыть въ Парижъ, и что по собран-

нымъ мною вѣрнымъ свѣденiямъ онъ прибудетъ туда не позже понедѣльника, двадцатаго Марта. «Нахожусь, сказалъ я, въ необходимо«сти посвятить остающееся намъ короткое «время на то, чтобы воспрепятствовать дѣй«ствiямъ противъ Роялистовъ и сохранить спо«койствiе до отъѣзда Королевской фамилiи. Я «буду способствовать удаленiю всѣхъ, кто имѣ«етъ причины для оставленiя мѣста, гдѣ про«изойдутъ великiя и можетъ быть бѣдствен«ныя событiя. Согласитесь, Графъ, продолжалъ «я, что принявъ столь важныя порученiя, не «стану тратить дорогое время на то, чтобъ «задержать людей, поименованныхъ въ данномъ «мнѣ спискѣ; ничего полезнаго нельзя ожидать «отъ исполненiя этой мѣры; она ни къ чему «не приведетъ или произведетъ волненiе въ «умахъ. Увѣренность въ этомъ не позволяетъ «мнѣ содержать подъ стражею въ продолженiи «четырехъ или пяти сутокъ, безъ малѣйшей «пользы, людей, которыхъ предполагаемое влiя«нiе сдѣлалось излишнимъ, потому что Бонапар«те въ Оксеррѣ. Нахожу достаточнымъ одно про«стое наблюденiе, которымъ и намѣренъ огра«ничиться.

«Король,» отвѣчалъ Блакасъ, «полагается на «васъ; ему извѣстно, что занимая должность «вашу только въ теченiи двухъ сутокъ, вы

«уже оказали болѣе услугъ, нежели сколько ду-«маете.

Потомъ я спросилъ Блакаса, неизвѣстно ли ему чего нибудь объ отплытіи Бонапарте съ острова Эльбы изъ писемъ, или по свѣденіямъ отъ тайныхъ агентовъ. «Одно только,» отвѣчалъ Министръ, «получили мы достовѣрное свѣденіе «изъ перехваченнаго письма съ острова Эльбы «отъ шестаго Февраля; письмо было адресова-«но къ М. . . . (*), который жилъ не подалеку «отъ Гренобля. Я вамъ его покажу.» Съ этими словами Блакасъ открылъ ящикъ письменнаго стола, и подалъ мнѣ прочитать подлинное письмо Въ немъ благодарили корреспондента за свѣденія, сообщенныя уже имъ жителю острова Эльбы. Его увѣдомляли, что все приготовлено къ отплытію, что воспользуются первымъ благопріятнымъ случаемъ, но что прежде, чѣмъ на то рѣшатся, дождутся отвѣта на вопросы, заключающіеся въ письмѣ. Сіи вопросы касались доставленія подробныхъ свѣденій о полкахъ, отправленныхъ въ Южный край, о мѣстѣ ихъ пребыванія, о томъ, соотвѣтствуетъ ли избраніе полковыхъ командировъ соглашенію, сдѣланному въ Парижѣ; находится ли Лабедойеръ на своемъ посту. Изъявляли корреспонденту надежду, что онъ вполнѣ удовлетворитъ отвѣтомъ своимъ на всѣ важные пункты.

(*) *Я забылъ* имя особы, о которой говорилъ мнѣ Блакасъ.

Это письмо было довольно длинно, и какъ оно поразило меня всѣми требованными свѣденiями, относительно предпринимаемой высадки на берега Прованса, то я сказалъ Блакасу, возвращая бумагу: «Мнѣ кажется, это письмо составляло достаточное извѣщенiе; что же было «сдѣлано?—Я тотчасъ послалъ копiю съ него «Г. Андре, чтобъ онъ приказалъ взять того, къ «кому было адресовано (*)»

Имѣвъ случай видѣть дѣйствiя Правительства твердаго и скораго въ принятiи мѣръ, признаюсь, я не могъ понять подобной вялости, когда надлежало уничтожить заговоръ, столь удачно составленный. Узнавъ отъ Блакаса, чѣмъ ограничились въ настоящемъ случаѣ, не могъ я скрыть моего удивленiя. Замѣтивъ это, онъ спросилъ: «Чтожъ бы вы сдѣлали? — Вопервыхъ я не потерялъ бы двадцати четырехъ часовъ, которые составляли цѣлый вѣкъ въ столь быстромъ переворотѣ, а «потомъ не счелъ бы за нужное списывать копiи съ письма для Министра Полицiи; такого «рода дѣла должны производиться съ величайшею тайною; для искусныхъ заговорщиковъ «нѣтъ Полицiи. Списыванiе копiи, сообщенiе «ея по принадлежности, отправленiе приказанiй, на все это потеряно трое сутокъ, время

(*) Помнится это былъ почтенный Графъ Планелли де ла Валеттъ, тогдашнiй мэръ Гренобля, которому Андре сообщилъ повелѣнiе.

«слишкомъ достаточное на то, чтобы предупре-«дить корреспондента. Впрочемъ взятіе его подъ «стражу, безъ связи съ другими мѣрами ни къ че-«му иному не служило, какъ къ возбужденію «осторожности тѣхъ, которые могли находиться «вмѣстѣ съ нимъ въ сношеніи съ островомъ «Эльбою. По взятіи его, вы не могли полу-«чить другихъ свѣдѣній, кромѣ содержавшихся «въ письмѣ.— Но что узнали бы мы отъ него «тогда, если бы онъ былъ взятъ тремя днями «ранѣе?— Позвольте, Графъ, мнѣ кончить; пов-«торяю вамъ, что задержаніе, даже осужденіе «его, если бы оно послѣдовало, не принесло бы «никакой пользы. Съ позволенія вашего ска-«жу, что сдѣлалъ бы я на вашемъ мѣстѣ: «чрезъ четверть часа по полученіи перехва-«ченнаго письма, я отправилъ бы въ Гренобль «людей надежныхъ, преданныхъ и расторо-«пныхъ, а всего болѣе остерегся бы дѣйство-«вать чрезъ посредство Полиціи. Посланные «имѣли бы при себѣ предписаніе войти въ домъ «корреспондента. Безъ сомнѣнія они застали бы его, потому что онъ не успѣлъ бы еще получить «изъ Парижа никакого извѣщенія. По задержаніи «его, согласно полученнымъ отъ меня наста-«вленіямъ, они объявили бы ему о письмѣ, ко-«торое случайно попалось въ мои руки. Вы «увѣрены, что Гренобльскій корреспондентъ «не имѣлъ о томъ никакого свѣденія, ибо под-«линное письмо адресованное къ нему, нахо-

«дится у васъ; тогда самымъ простымъ дѣломъ «было бы: потребовать отъ него нужныхъ по«казаній, чтобы вполнѣ узнать всѣ связи зло«умышленія на островѣ Эльбѣ, и сношенія ме«жду островомъ и Францiею. Потомъ немед«ленно продиктовали бы ему отвѣтъ къ его «Корреспонденту на островѣ Эльбѣ, принудивъ объявить его имя, хотя бы оно и скрыто было «послѣднимъ. Отвѣтъ имѣлъ бы цѣлію остано«вить поспѣшность Наполеона; увѣдомили бы «его, что движеніе корпусовъ, о которомъ писа«но было прежде, еще не приведено въ исполне«ніе и что потребно обождать еще восемь дней «для доставленія съ надлежащею вѣрностію и «точностію требуемыхъ свѣденій; что для успѣ«ха предпріятія нужно отложить отплытіе на «нѣсколько дней. Озаботились бы скорѣйшимъ «отправленіемъ и доставленіемъ этого письма на «островъ Эльбы; нѣтъ сомнѣнія, что Бонапарте «повѣрилъ бы извѣстіямъ своего корреспонден«та; а между тѣмъ этаго человѣка не упуска«ли бы изъ виду, чтобъ захватить всѣ письма, «которыя могли быть къ нему адресованы. Я «увѣренъ и вы также согласитесь со мною, что «Бонапарте принявъ въ уваженіе столь ясныя «свѣденія, отсрочилъ бы свое отправленіе. Тог«да не теряя нисколько времени, послали бы «на берега Прованса достаточное число войскъ «надежныхъ и приказаніе перевести въ другое

неизбѣжно; впрочемъ будущее меня не устрашало; друзья мои должны вспомнить, что я предсказывалъ имъ тогда съ надеждою, равняющеюся очевидной истинѣ, что Бонапарте не останется шести мѣсяцевъ во Францiи.

Призывая его, хотѣли не его самаго; дѣйствовали не по привязанности къ нему; не изъ усердiя къ воспоминанiямъ Имперiи, часть Францiи снова приняла его сторону. Хотѣли, во что бы то ни стало, освободиться отъ неспособныхъ совѣтниковъ, вообразившихъ, что можно поступать съ Францiею, какъ съ страною завоеванною выходцами; хотѣли выпрямить кривую линiю Феррана и избавиться Правительства, которое по видимому старалось попрать все то, чѣмъ дорожила Францiя. Въ этомъ положенiи вещей одни почитали Бонапарте избавителемъ, но большая часть видѣла въ немъ только орудiе; таковы были республиканцы прежняго времени и новое поколѣнiе, которое предусматривало свободу въ обѣщанiяхъ и было ослѣплено до такой степени, что ожидало отъ Наполеона возстановленiя этого кумира.

++

ГЛАВА XVII.

Намѣренія Наполеона на островѣ Эльбѣ.—Явныя сношенія съ Мюратомъ.—Желаніе Мюрата войти во Францію.—Сверженіе съ престола рѣшено.—Колебаніе Австріи.—Сугубое сумазбродство и сугубая измѣна.—Подлинные акты обширнаго плана, составленнаго Бонапартомъ.—Италія независима и Наполеонъ въ Миланѣ.—Операціонная линія на пяти стахъ миляхъ.—Наполеонъ въ Вѣнѣ.—Исчезнувшая мечта и опромстчивость Мюрата.—Трудности моего положенія въ Парижѣ.—Желаніе выѣхать и обязанность оставаться.—Мѣры, принятыя мною для сохраненія спокойствія.—Отсрочка казни Дотюня.—Отъѣздъ Короля.—Мой отъѣздъ.—Странное приключеніе на станціи въ Фенѣ.—Опасенія основательныя и вскорѣ уничтоженныя.—Услуга Почтмейстера.—Оказанная и награжденная справедливость.—Пріѣздъ мой въ Лиль.—Лудовикъ XVIII, ожидающій часъ у заставы Лиля.—Уныніе Бертье, раздѣляемое Королемъ.—Истина, принятая за ласкательство.—Обѣщаніе префектуры Полиціи.—Необходимость Короля удалиться изъ Франціи.—Его сожалѣнія—Прежнее назначеніе и новое вступленіе въ должность.—Письмо Талейрана.—Мой отъѣздъ въ Гамбургъ.—Герцогъ Беррійскій въ Бриселѣ.

Въ первые мѣсяцы 1815 года происшествія Италіи не представляли особенной важности

по причинѣ состоянія прочихъ Европейскихъ Государствъ; однако эта важность была чрезмѣрна, если судить объ ней потому, что тамъ произошло въ отношеніи къ неполинскому плану, давно составленному Наполеономъ, и обѣщавшему ему успѣхъ съ наступленіемъ времени оставить островъ Эльбу. Все еще было такъ запутано и Вѣнскій Конгресъ такъ медленно дѣйствовалъ, что мѣстное событіе могло имѣть большое вліяніе на общія Европейскія дѣла. Мюратъ просилъ Вѣнскій дворъ о дозволеніи провесть армію, чрезъ его области въ верхней Италіи, во Францію: Это было въ Февралѣ, когда на островѣ Эльбѣ все было готово къ отплытію Бонапарте; а двадцать шестаго того же мѣсяца онъ удалился оттуда. Эти два случая необходимо должны находиться въ тѣсной связи между собою; ибо какъ ни сумасброденъ былъ Мюратъ, нельзя однако предполагать, чтобы онъ могъ вообразить, что одною силою оружія получитъ отъ Французскаго Короля согласіе остаться на Неаполитанскомъ престолѣ; занятіе этого престола Тюльерійскій кабинетъ, съ возвращенія Короля, всегда почиталъ похищеніемъ; и я знаю навѣрное, что уполномоченные Франціи на Вѣнскомъ Конгресѣ, снабжены были особенною инструкціею требовать настоятельно, чтобы возстановленіе престола Неаполитанскаго, въ

занятію при первой высадкѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и все это для того, чтобы двинуться впередъ со всѣми своими силами для нападенія на Австрійскій домъ. Можно ли повѣрить, чтобы Мюратъ, при всей своей недальновидности, такъ поступилъ, если бы онъ напередъ не былъ увѣренъ въ сильной диверсіи и въ обѣщанной Наполеономъ помощи? Съ другой стороны Мюратъ могъ еще думать, что, съ возстаніемъ всѣхъ Державъ противъ Бонапарте, встрѣтитъ мало препятствій въ Италіи. И такъ онъ гордо двинулся къ берегамъ По; но послѣ неудачнаго нападенія на мостъ при Окхіо-Белло принужденъ былъ отступить.

По достовѣрнымъ свѣденіямъ, мною собраннымъ, вотъ каковъ былъ планъ Наполеона, составленный имъ на островѣ Эльбы: онъ намѣревался немедленно по прибытіи въ Парижъ, поручить самымъ преданнымъ ему Маршаламъ защищать сколько можно долѣе границы и дороги къ Парижу, дѣйствія между тремя линіями крѣпостей, окружающихъ Сѣверную и Восточную часть Франціи. Даву былъ назначенъ *in petto* оборонять Парижъ до послѣдней крайности; онъ долженъ былъ вооружить жителей предмѣстій и сверхъ того имѣть въ распоряженіи двадцать тысячъ Національной гвардіи. Не зная хорошо положенія союзныхъ войскъ, Наполеонъ не полагалъ, чтобы они могли сое-

диниться и двинуться противъ него съ такою поспѣшностію, какъ-то было исполнено; онъ надѣялся предупредить и уничтожить ихъ намѣренія, назначивъ Мюрату идти къ Милану и произвесть возстаніе народа въ Италіи. По переправѣ чрезъ рѣку По и по приближеніи Мюрата къ столицѣ Италіи, Наполеонъ съ корпусами Сюше, Брюна, Вруши и Массены, увеличенными войскомъ, отправленнымъ на почтовыхъ въ Ліонъ, долженствовалъ перейти Альпы, возмутить Піемонтъ; собравъ тамъ рекрутовъ для арміи, соединиться въ Миланѣ съ Неаполитанцами, объявить Италію независимою, соединить ее подъ властію одной главы и потомъ идти со стотысячною арміею, чрезъ Юльскія Альпы, къ Вѣнѣ, куда указала уже ему путь побѣда въ 1797 году. Это еще не все: многіе тайные агенты должны были въ Польшѣ и Венгріи произвесть возмущенія, говорить о свободѣ и независимости, чтобы обезпокоить Россію и Австрію: надобно согласиться, что это было бы великое и странное зрѣлище видѣть Наполеона, дарующаго Европѣ свободу какъ-бы въ утѣшеніи за то, что онъ не могъ поработить ее своей власти.

Посредствомъ этихъ смѣлыхъ движеній и этого искуснаго соображенія Наполеонъ расчитывалъ, что предускорить союзниковъ началомъ военныхъ дѣйствій. Что касается до меня, я ни-

когда не видалъ его генія въ лучшемъ развитіи, какъ въ этомъ обширномъ предпріятіи, обдуманномъ не въ одинъ день. По плану своему онъ распространялъ операціонную линію на пять сотъ миль отъ Остенды до Вѣны, чрезъ Альпы и Италію; пріобрѣталъ безчисленные запасы и потребности всякаго рода; не только препятствовалъ Австрійскому Императору послать свои войска противъ Франціи, но вѣроятно принудилъ бы его прекратить войну, которой все бремя пало бы на наслѣдственныя провинціи. Вотъ какія плѣнительныя надежды представлялись Наполеону, когда онъ ступилъ на корабль, возвратившій его съ острова Эльбы во Францію. Но безразсудная поспѣшность Мюрата побудила Европу принять мѣры осторожности и блистательная мечта, исчезла, какъ сонъ.

Издано уже много извѣстій о дѣйствіяхъ Наполеона отъ залива Жуанскаго до Парижа, о войскахъ посланныхъ противъ него, какъ-бы для сопровожденія его въ торжественномъ шествіи; довольно было говорено о появленіи его орловъ на всѣхъ колокольняхъ, потому не стану повторять подробностей, уже всѣмъ извѣстныхъ; знаю только, что съ полученія свѣденія о Ліонскомъ его декретѣ, исключавшемъ меня изъ амнистіи, я не желалъ, чтобы онъ засталъ меня въ Парижѣ. Но съ другой стороны меня

удерживали обязанности моей должности и я рѣшился оставить ее тогда уже, когда Король и члены его семейства будутъ находиться внѣ опасности.

Въ числѣ мѣръ и предосторожностей, употребленныхъ мною въ недѣлю моего начальства, для соблюденія въ Парижѣ спокойствія и отвращенія скопленія народа, во время отъѣзда Королевской фамиліи, было позволеніе полученное отложить казнь Дотюня, которой надлежало происходить двадцать перваго числа. Могло случиться, что отъѣздъ Короля послѣдовалъ бы днемъ позже и какъ четырнадцатаго я былъ уже увѣренъ, что Наполеонъ прибудетъ по крайней мѣрѣ двадцатаго или двадцать перваго, то мнѣ не хотѣлось, чтобы въ этотъ день собралось множество народа, долженствовавшаго, по обыкновенію Парижской черни, присутствовать при совершеніи казни ужаснаго преступника. Мысль мою одобрили; я отдалъ нужныя приказанія и Дотюну оставили еще нѣсколько дней жизни.

Я уже говорилъ о средствахъ, которыми Мармонтъ предполагалъ недопустить Наполеона до Парижа. Средства эти не были приведены въ дѣйствіе. Если вспомнить о радости, изъявленной Бонапартомъ въ Фонтенебло при полученіи извѣстія о выѣздѣ Лудовика XVIII, то можно повѣрить, что присутствіе Короля

въ Парижѣ крайне бы его затруднило. Въ ночь отъѣзда Короля снова совѣтовались съ Мармонтомъ; по мнѣнію его, Королю надлежало отправиться въ Гавръ, въ сопровожденіи 4 или 5000 своихъ тѣлохранителей, которыми командовалъ Мармонтъ. Дѣйствительно корпусъ тѣлохранителей состоялъ изъ людей, одушевленныхъ преданностію, способныхъ защищаться въ укрѣпленномъ мѣстѣ, но не привыкшихъ сражаться въ полѣ. Это мнѣніе Мармонта (*) также заслуживало особенное вниманіе; но какъ извѣстно, оно не имѣло успѣха, и Мармонтъ съ братомъ Короля и Герцогомъ Беррійскимъ отправились въ Бетюнъ, гдѣ тѣлохранители были распущены.

Мнѣ трудно будетъ выразить горестныя чувствованія, удручавшія меня въ ночь съ девятнадцатаго на двадцатое число, когда я находился при отъѣздѣ Короля и Королевской фамиліи: какъ печаленъ видъ дворца, оставляемаго Государемъ! Увѣрившись, что все спокойно и не предстоитъ никакой опасности для Принцевъ, я самъ выѣхалъ двадцатаго, въ четыре часа утра, по дорогѣ въ Лиль, потому что ни мало не сомнѣвался, что Король отправится на Сѣверъ. Мнѣ неизвѣстенъ былъ путь назначенный для Его Величества, но я полагалъ, что онъ послѣдуетъ моему настоятельному мнѣнію;

(*) Гавръ удобно могъ быть снабженъ припасами: Королю легко было оттуда отправиться моремъ, въ случаѣ взятія города приступомъ.

единственно въ этомъ предположеніи избралъ я дорогу въ Лиль. Начало моего путешествія ничѣмъ особеннымъ не ознаменовано; однакоже я былъ неспокоенъ; меня тревожили странныя мысли, а съ прибытіемъ на станцію въ Фень случилось приключеніе, которое сначало меня испугало. Тамъ я нашелъ у почтоваго дома множество экипажей, прибывшихъ прежде моего, которыхъ хозяева подобно мнѣ ждали лошадей, съ большимъ нетерпѣніемъ. Эта остановка немало меня обезпокоила. Я расхаживалъ въ общей комнатѣ и когда потребовалъ лошадей, Почтмейстеръ отвѣчалъ мнѣ весьма сурово: «Ждите вашей очереди.» Потомъ онъ сказалъ: «Вы изъ Парижа?—Я чрезъ него только проѣхалъ по дорогѣ изъ Сана. — Нѣтъ ли «чего новаго въ Парижѣ?—Ничего, сколько мнѣ «извѣстно.—Уже проѣхала эстафета; онъ тамъ «будетъ ввечеру. — Кто?—Ба! вы знаете: Бона«парте.—Увѣряю, что въ первый разъ о томъ «слышу.»

Я не зналъ, что заключить изъ этаго разговора, который былъ прерванъ вызовомъ Почтмейстера съ какою-то таинственностію, сильно меня устрашившею.

Расхаживая по комнатѣ съ мрачными мыслями, я нечаянно увидѣлъ большое объявленіе, прибитое къ стѣнѣ и напечатанное на Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Это былъ приказъ, исходатайствованный мною у Импе-

ратора Александра для предписанія союзнымъ войскамъ не касаться почтовой собственности и не требовать лошадей, подводъ и фуража, принадлежащихъ Почтмейстерамъ. Я приказалъ перевести его на Русскій языкъ и разослать вездѣ по экземпляру, что имѣло, какъ я говорилъ прежде, желаемый успѣхъ. Для сохраненія присутствія духа я все еще смотрѣлъ на объявленіе, когда Почтмейстеръ, возвратясь въ комнату, подошелъ ко мнѣ: «Вы сударь,» сказалъ онъ, «читаете приказъ, который спасъ «мое заведеніе.— Конечно вы не сдѣлаете ника«кого вреда тому, кѣмъ онъ подписанъ? . . .— «Не ужели вы думаете, что я не узналъ васъ; я «для васъ выходилъ отсюда; видѣлъ васъ въ «Парижѣ, когда вы были нашимъ начальникомъ «и оказали справедливость по моему дѣлу. Въ «вашу коляску впрегаютъ пару лошадей; вы «сей часъ отправитесь и васъ повезутъ скоро.» Подлинно этотъ добрый человѣкъ велѣлъ заложить въ мою коляску двухъ бѣлыхъ лошадей, которыя только у него и оставались. Онъ назначилъ мнѣ проводникомъ своего сына, вывелъ меня на конецъ своего сада, куда подвезли коляску и я отправился въ путь, разумѣется, къ крайнему неудовольствію прибывшихъ прежде меня, которые имѣли, можетъ быть, столько же причинъ избѣгнуть присутствія На-

полеона. Такое вниманіе и признательность Почтмейстера въ Фенѣ меня очень тронули; еслибъ я вспомнилъ его имя, то упомянулъ бы объ немъ съ особеннымъ удовольствіемъ въ моихъ Запискахъ; нѣтъ сомнѣнія, что промедливъ часа два, я былъ бы захваченъ и отвезенъ въ Парижъ. Сверхъ того долженъ сказать, что приказаніе Фенскаго Почтмейстера везти меня скоро было въ точности исполнено, и я увѣренъ, что проводникъ передалъ для того условный знакъ смѣнявшимъ его товарищамъ: я прибылъ въ Лиль двадцать перваго числа въ одиннадцать часовъ вечера; по этому можно судить, какъ я скоро ѣхалъ.

Тамъ меня ожидало новое неудовольствіе, не причинившее впрочемъ мнѣ никакого страха. Городскія ворота были заперты; болѣе получаса искалъ я себѣ удобнаго пристанища въ предмѣстіи и съ большимъ затрудненіемъ нашелъ негодную квартиру, которой однакоже былъ радъ, но которую оставилъ на другой день еще съ большимъ удовольствіемъ.

И такъ я въѣхалъ въ Лиль двадцать втораго, а Лудовикъ XVIII прибылъ туда двадцать третьяго. Король, скажу въ утѣшеніе себѣ по случаю вчерашней непріятности, былъ несчастливѣе меня. Его Величество нашелъ также ворота запертыми; Герцогъ Орлеанскій, главноначаль-

ствовавшій въ городѣ, дѣлалъ смотръ войску въ то время, когда пріѣхалъ Лудовикъ XIII; прошло болѣе часа, пока получено было приказаніе отпереть ворота. Короля приняли въ Лилѣ, какъ нельзя лучше: но уже обнаруживались нѣкоторые признаки отпаденія и должно согласиться, что воины старой арміи были такъ неосторожно обходимы въ повышеніи чинами противъ новоприбывшихъ давнишнихъ служителей, что мнѣ казалось неудивительнымъ видѣть ихъ радость при возвращеніи того, который ихъ часто водилъ къ побѣдѣ. Я остановился въ гостинницѣ Гентѣ, что однако нельзя почесть за предвѣщаніе съ моей стороны будущей резиденціи Короля. Увидѣвъ свиту Его Величества, я сошелъ, и сталъ у воротъ гостинницы Гента, гдѣ Король, замѣтивъ меня, не преминулъ отличить между лицами ожидавшими его прибытія, и подавая мнѣ поцѣловать свою руку, сказалъ Г. Буріеннъ, пожалуйте ко мнѣ.

По занятіи покоевъ, назначенныхъ Королю въ домѣ Г. Бригода, Его Величество изъявилъ мнѣ вторично свое удовольствіе за поведеніе мое со времени возвращенія его во Францію и преимущественно во время послѣдняго краткаго управленія префектурою Полиціи, и удостоилъ меня приглашенія къ своему столу, приказавъ сѣсть подлѣ него. На этомъ первомъ

завтракѣ много говорили о тогдашнихъ событіяхъ. Каждый судилъ объ нихъ сообразно своимъ понятіямъ, своимъ опасеніямъ и надеждамъ. Бертье не ожидалъ ничего хорошаго отъ будущаго и былъ изъ числа тѣхъ, которые обнаруживали всего менѣе довѣренности и всего болѣе унынія. Лудовикъ XVIII находился въ такомъ же расположеніи духа. Замѣтивъ, что онъ раздѣляетъ опасенія Князя Ваграмскаго, я позволилъ себѣ повторить сказанное уже въ Тюлерійскомъ дворцѣ, что, судя по распоряженіямъ Европейскихъ Монарховъ и полученнымъ мною свѣдѣніямъ, мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ возвращеніе его чрезъ три мѣсяца во Францію. Бертье грызъ ногти подобно тому, когда онъ хотѣлъ оставить армію въ Египтѣ и возвратиться въ Парижъ, чтобъ видѣть предметъ единственной своей любви. Я догадался, что Король принялъ сначала мои слова за лесть, которую онъ привыкъ слышать, и очень сомнѣвался въ исполненіи моего предсказанія; однакоже, желая показать мнимую довѣренность къ словамъ моимъ, онъ повторилъ прежде имъ сказанное: «Пока буду Королемъ, вы останетесь Г. Буріеннъ, моимъ префектомъ Полиціи.» Сіе новое изъявленіе Королевскаго благоволенія, мнѣ было весьма пріятно, но не ослѣпило меня.

Лудовикъ XVIII желалъ сколько можно до-

лѣе остаться во Фратціи; но Наполеоновская горячка овладѣла умами солдатъ, подобно прилипчивой болѣзни; и гарнизонъ Лиля подвергся ей по примѣру другихъ войскъ. Маршалъ Мортье, командовавшій подъ начальствомъ Герцога Орлеанскаго и заслужившій похвалу Короля въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, получилъ свѣденіе, что городъ Лиль увлекся общимъ стремленіемъ. Расположеніе не только войска, но даже гвардіи оказывалось весьма сомнительнымъ. Мортье говорилъ со мною искренно, обнаружилъ мнѣ самыя основательныя опасенія и многократно убѣждалъ подкрѣпить предъ Королемъ его мнѣніе о необходимости для Его Величества скорѣе удалиться изъ города, чтобы предупредить непріятныя событія. Притомъ полученныя мною изъ Парижа извѣстія, о которыхъ скоро буду говорить, удостовѣряли меня, что Королю нельзя долѣе тутъ оставаться. Въ теченіи двухъ дней, которые я провелъ при Королѣ, я не преставалъ, по собственному убѣжденію, упрашивать его уступить силѣ постигшихъ его обстоятельствъ.

Король, хотя съ сожалѣніемъ, рѣшился наконецъ выѣхать, и я съ прискорбіемъ вспоминаю о нашемъ пребываніи въ Лилѣ. Два вечера, проведенные тамъ съ Королемъ, были очень скучны; разговоръ, внушенный тяжкими обстоятельствами, въ которыхъ мы находились,

имѣлъ предметомъ только гибельныя предчувствованія или темныя надежды, попеременно казавшіяся вѣроятными и несбыточными. Одному мнѣ представлялись вещи не въ столь мрачномъ видѣ, какъ другіе ихъ воображали, и не трудно было замѣтить во время общаго участія, принимаемаго въ Королѣ, что всѣ тѣ, которые почли долгомъ сопровождать его, не чужды были нѣкоторыхъ тяжкихъ воспоминаній; они не могли забыть продолжительнаго пребыванія внѣ отечества и при переѣздѣ за границу обращали взоры на Францію.—Въ такомъ расположеніи находились умы, когда я оставилъ Лиль наканунѣ отъѣзда Короля.

Въ Сентябрѣ прошедшаго года Король назначилъ меня Повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи въ Гамбургѣ, но, не получивъ приказанія отправиться туда, я не упоминалъ до сихъ поръ о семъ назначеніи, которое мнѣ сообщено было Талейраномъ, предъ отъѣздомъ его на Вѣнскій Конгрессъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Парижъ, 13 Сентября 1814.

«Честь имѣю увѣдомить васъ, Милостивый Государь, что Король назначилъ васъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи въ Гамбургѣ.

«Доказательства усердія и способности, ознаменовавшія постоянно службу вашу въ отправленіи разныхъ должностей, не подаютъ ни ма-

лѣйшаго сомнѣнія, что вы оправдаете вполнѣ выборъ Его Величества.

«На случай, если вы пожелаете имѣть свѣденіе объ оффиціальныхъ сношеніяхъ, касающихся посольства, вамъ ввѣреннаго, дано мною приказаніе Сѣверному отдѣленію моего Министерства, выдать вамъ, когда вы туда явитесь, бумаги, которыя понадобятся для вашего соображенія.

«Равномѣрно предписано Начальнику счетной части сообщить вамъ, о положеніи, въ которомъ вы будете находится, по сему случаю, съ Департаментомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

«Королю угодно, чтобы вы приготовились отправиться, перваго Генваря наступающаго года, въ мѣсто вашего назначенія.

«Имѣю честь быть . . .

«КНЯЗЬ ТАЛЕЙРАНЪ.»

При удаленіи изъ Франціи, Королю пришла мысль, что мое присутствіе въ Гамбургѣ будетъ полезно сообщеніемъ ему свѣденій обо всемъ, что могло быть предметомъ его вниманія въ Сѣверной Германіи; но опасности не предстояло съ этой стороны; два мѣста угрожали ею: Главная квартира Наполеона и Совѣтъ Короля въ Гентѣ. Я поспѣшилъ отправиться въ городъ, гдѣ надѣялся найти многихъ друзей. Проѣзжая чрезъ Бриссель, я остановился въ гостинницѣ Бельвю, куда вскорѣ

прибылъ Герцогъ Беррійскій. Принцъ удостоилъ меня чести разговаривать со мною; обнаружилъ ко мнѣ полную довѣренность и пригласилъ на завтракъ, послѣ чего я поѣхалъ далѣе, погруженный въ размышленія о ходѣ происшествій.

Digitized by Google

++

ГЛАВА XVIII.

Удаленіе Г-жи Буріеннъ въ деревню. — Посѣщеніе двадцатаго Марта повѣреннаго важной особы.—Парижскія новости.— Увѣренія въ благосклонности ко мнѣ Бонапарте.—Прибытіе Наполеона ночью.— Посѣщеніе Генерала Бертона, посланнаго Коленкуромъ. — Обѣщаніе прощенія и забвенія. Воспоминаніе прежнихъ преслѣдованій.—Письмо Наполеона обо мнѣ.—Объясненіе загадки. — Старинная связь съ Генераломъ Дризеномъ въ Гамбургѣ.— Рыцарская приверженность Дризена къ Королю.—Проэктъ прокламаціи. — Услужливость и нескромность.—Позднія свѣденія.— Частная аудіенція Лудовика XVIII.— Король читаетъ письмо Наполеона; отвѣтъ его Генералу Дризену. — Возвращеніе Г-жи Буріеннъ въ Парижъ.—Новое благосклонное посланіе и исполненіе Ліонскаго декрета.— Опечатаніе моего кабинета и конфискованіе.—Неудача обыщиковъ.— Безчиніе и безполезность обыска Полиціи.— Преслѣдуемыя женщины. — Г-жа Сталь и Г-жа Рекамье. — Императоръ и Король не совершеннолѣтній. — Поясненіе ложныхъ свѣденій. — Картина Парижа во время ста дней. — Республиканцы и патріотическія пѣсни. — Тщетное объявленіе Бонапарте о Королѣ Римскомъ и Маріи Луизѣ.—Расположенія уполномоченныхъ въ Вѣнѣ.—Объявленіе двадцатаго Мая.—Исторія этого объявленія.—Талейранъ и Г. Лабрадоръ.

Читатели видѣли, какъ я оставилъ Парижъ и какія неудовольствія, не имѣвшія впрочемъ

непріятныхъ послѣдствій, испыталъ дорогою. Въ Лилѣ и потомъ въ Гамбургѣ получилъ я нетерпѣливо ожидаемыя извѣстія о моемъ семействѣ, изъ которыхъ заимствованы слѣдующія подробности о случившемся на счетъ меня при возвращеніи Бонапарте въ Парижъ: Состояніе атмосферы въ день двадцатаго Марта соотвѣтствовало почти ночному зрѣлищу, которымъ онъ кончился. Я отправился, какъ уже видѣли въ четыре часа утра; спустя два часа послѣ моего отъѣзда, Г-жа Буріеннъ съ дѣтьми также выѣхала изъ Парижа, чтобы удалиться за семь миль отъ столицы въ убѣжище, предложенное ей однимъ моимъ другомъ. Она оставила въ домѣ сестру, двухъ братьевъ и Графиню Нейльи, свою пріятельницу, жившую у насъ со времени возвращенія своего въ отечество.

Въ девять часовъ утра того же двадцатаго Марта одинъ изъ моихъ знакомыхъ, съ которымъ я всегда находился въ дружескихъ отношеніяхъ, который былъ совершенно преданъ Бонапарте и надѣялся получить важное мѣсто по его прибытіи, приглашалъ Г-жу Буріеннъ пожаловать къ нему: посланный его объявилъ, что онъ у себя и безъ отлагательства желаетъ говорить съ нею о предметахъ весьма важныхъ. Свояченица отвѣчала, что сестра ея уѣхала; но желая знать, какая могла быть до нея

надобность, просила одного изъ нашихъ друзей проводить ее, и посѣтила высокую особу, имя которой вѣроятно угадаютъ, но которую я не назову. Повѣренный долго распрашивалъ мою родственницу на счетъ моего отсутствія и сказалъ ей, что всего болѣе нужно было упросить меня неслѣдовать за Королемъ, для котораго не осталось никакой надежды и что я хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ отправился въ Бургонь, гдѣ могъ оставаться въ безопасности и быть увѣреннымъ въ непремѣнномъ прощеніи Императора.

Черезъ двѣнадцать часовъ послѣ того, то-есть, въ девять часовъ вечера, когда Бонапарте прибылъ въ Тюльерійскій дворецъ, одна дама, пріятельница нашего дома, сынъ которой служилъ въ молодой гвардіи, также пріѣхала видѣться съ Г-жею Буріеннъ. Опять также родственница принуждена была принять ее въ саду, въ потемкахъ и въ жестокую стужу. Эта дама, опасаясь свидѣтелей, не желала войти въ комнаты; она была вмѣстѣ съ другою особою, находившеюся въ дружбѣ съ ея братомъ, который видѣлъ въ прошедшую ночь Бонапарте въ Фонтенебло и поручилъ своей сестрѣ сказать мнѣ, чтобы я остался въ Парижѣ, продолжалъ управлять префектурою Полиціи и былъ увѣренъ въ полномъ прощеніи и совершенномъ забвеніи.

Ничто такъ не было печально, писали ко мнѣ, какъ въѣздъ Бонапарте въ Парижъ: онъ прибылъ ночью, во время густаго тумана. Улицы были пусты и на многихъ лицахъ изображался какой-то ужасъ. Бѣлый флагъ, снятый по утру съ Тюліерійскаго дворца, былъ замѣченъ трехцвѣтнымъ; но онъ развѣвался еще на разныхъ общественныхъ зданіяхъ Парижа и большая часть военныхъ людей имѣли еще въ тотъ день бѣлыя кокарды. Вечеромъ никого не находилось при въѣздѣ Наполеона, но близъ Тюліерійскаго дворца и въ сѣняхъ Павильона Флоры, ожидали приверженцы, проводившіе его въ комнаты. Слышны были на Карусельской площади восклицанія: да здравствуетъ Императоръ, но онѣ были заглушены криками шалуновъ: à bas la calotte. Какая разница съ первымъ его въѣздомъ во дворецъ Королей, когда мы прибыли туда изъ Люксембурга среди дня и при всеобщихъ радостныхъ восклицаніяхъ! тогда Бонапарте не былъ похитителемъ престола, которымъ сдѣлался двадцатаго Марта.

Въ наступившее послѣ этого роковаго дня утро Генералъ Бертонъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи жертвою своихъ безразсудныхъ покушеній, также прибылъ въ домъ, чтобы объясниться со мною и Г-жею Буріеннъ. По случаю отсутствія насъ обоихъ, онъ былъ при-

нятъ нашими родственниками. Его прислалъ Коленкуръ, чтобы повторить увѣренія въ безопасности, съ которыми уже къ намъ являлись другіе. Бертонъ настоятельно требовалъ, чтобъ меня немедленно извѣстили объ увѣреніяхъ, возложенныхъ на него;—думали, что я скрываюсь въ Парижѣ или въ окрестностяхъ и не выѣхалъ изъ Франціи съ Королемъ. Признаюсь, я былъ весьма тронутъ этими доказательствами дружбы, когда дошли до меня о томъ свѣденія; но ни на минуту не раскаявался въ принятомъ мною намѣреніи. Я помнилъ привязки, которыхъ былъ предметомъ съ 1811, и безпрестанныя угрозы арестомъ, не дававшія мнѣ во весь тотъ годъ покоя. Коснувшись этой эпохи, раскажу теперь, какимъ образомъ узналъ я уже въ 1814 о причинѣ постигшихъ меня преслѣдованій. Я не могъ вообразить, чтобы злоба Бонапарте ко мнѣ родилась единственно отъ ужасной и нелѣпой клеветы Даву. По возвращеніи Бурбоновъ, я сталъ отыскивать свѣденія, которыя бы могли объяснить неизвѣстную того причину и мнѣ удалось, по благосклонности одной особы, о которой умолчу изъ скромности, получить слѣдующее письмо, котораго подлинникъ находится въ моихъ рукахъ.

«Господинъ Герцогъ Бассано! посылая вамъ «весьма важныя бумаги, касающіяся Буріенна, «прошу васъ представить мнѣ *откровенное* до-

«несеніе объ этомъ дѣлѣ; не отдавайте бумагъ «никому. Требуется поступить съ величайшею «тайною; все меня убѣждаетъ, что этотъ чело«вѣкъ ведетъ постоянную переписку съ Лондо«номъ. Доставьте мнѣ донесеніе о томъ въ чет«вертокъ. Молю Бога, да оградитъ васъ святымъ «своимъ покровомъ.

«Въ Парижѣ, 25 Сентября 1811.

«НАПОЛЕОНЪ.»

Наконецъ дѣло нѣсколько объяснилось, хотя впрочемъ я не имѣлъ еще никакого свѣденія о бумагахъ, упоминаемыхъ въ письмѣ Наполеона. Выраженія: *все меня убѣждаетъ, что этотъ человѣкъ ведетъ постоянную переписку съ Лондономъ* оставались для меня загадкою, которая, какъ увидятъ изъ слѣдующаго со временемъ также объяснилась.

Генералъ Дризенъ, бывшій Губернаторомъ въ Митавѣ, во время пребыванія тамъ Лудовика XVIII, пріѣхалъ въ Парижъ въ 1814 году. Я коротко зналъ его въ 1810 въ Гамбургѣ, гдѣ онъ тогда прожилъ не малое время. Въ Митавѣ родилась въ немъ къ Королю Франціи самая рыцарская дружба, которая простиралась до энтузіазма. Сперва мы питали другъ къ другу недовѣрчивость, но потомъ утвердилась между нами самая искренняя и тѣсная связь. Генерала Дризена постоянно занимала мысль возвращенія Бурбоновъ во Францію. Онъ чрезвы-

чайно желалъ видѣть исполненіе своихъ надеждъ и когда говорилъ о томъ, глаза его наполнились слезами. Познакомясь съ нимъ коротко и не сомнѣваясь болѣе въ благородствѣ его характера, я открылся ему съ нѣкоторою довѣрчивостію, ибо находясь всегда съ нимъ наединѣ, когда онъ заводилъ рѣчь о любимомъ предметѣ, я ни мало не опасался послѣдствій отъ частыхъ нашихъ разговоровъ о Бурбонахъ. Я не скрывалъ моего объ нихъ мнѣнія, которое, какъ уже видѣли, родилось съ давняго времени и сказалъ ему, что возвращеніе Бурбоновъ, столь усердно имъ желаемое, есть дѣло сбыточное, но что неизвѣстенъ тому срокъ и что ускореніе его зависитъ единственно отъ ошибокъ Наполеона.

Видя, что неслишкомъ горячо опровергаю его мнѣнія и надежды, Генералъ Ванъ-Дризенъ открылъ мнѣ болѣе, и признался, что переписывается съ Королемъ; онъ сказалъ, что увлекаемый желаніемъ возстановленія престола Бурбоновъ, посылалъ въ Гартвель разные проэкты прокламаціи, и присовокупилъ съ откровенностію, что Король ими не доволенъ. Имѣя при себѣ копію одного только послѣдняго проэкта, онъ мнѣ показалъ ее и я не скрылъ, что совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Короля. Дѣйствительно онъ обнаруживалъ чувствованія совершенно противныя моимъ, не понималъ

ни нуждъ Франціи, ни желаній большой части ея жителей, и увѣрялъ меня, что Король въ своихъ отвѣтахъ сдѣлалъ много возраженій. Я объявилъ Дризену рѣшительно, что если Король, возвратясь когда нибудь во Францію, поступитъ по его совѣтамъ, то не останется тамъ шести мѣсяцевъ. Тогда Генералъ просилъ меня продиктовать ему новый проэктъ прокламаціи, сообразный съ моими понятіями. «Съ «великою охотою,» отвѣчалъ я, «однакоже вы «сами должны писать ее: имѣю полную къ «вамъ довѣренность; но дѣло такъ важно, что «можетъ подвергнуть меня опасности и потому принимаюсь за него съ условіемъ, что вы «никогда въ своихъ письмахъ и разговорахъ «не объявите моего имени. Предположите, что «мы никогда не видались. Вамъ также хорошо, «какъ и мнѣ, извѣстны мѣры Полиціи: малѣйшая нескромность возбудитъ ея вниманіе и «вы меня погубите.»

Генералъ Ванъ-Дризенъ обѣщалъ все, чего я требовалъ, и тогда я продиктовалъ ему проэктъ прокламаціи, согласный съ моимъ образомъ мыслей. Даже теперь не отрекся бы отъ этого проэкта, еслибъ имѣлъ копію, и могу увѣрить, что во всемъ томъ, что диктовалъ Генералу, не было сказано ни слова о революціи, о сверженіи съ престола, о жестокостяхъ и преступныхъ мѣрахъ, для измѣне-

нія существующаго порядка. Все заключалось единственно въ томъ, чтобы доставить Королю вѣрное свѣденіе о Франціи и познакомить его съ нею на случай, если произшествія, которыя можно было предусматривать, не назначая впрочемъ съ точностію срока, позволятъ ему когда-либо занять престолъ предковъ; и могу сказать, что я замѣтилъ въ разныхъ прокламаціяхъ Лудовика XVIII тѣ же самыя выраженія, которыя диктовалъ я въ Гамбургѣ.

Въ продолженіи минувшихъ четырехъ лѣтъ со времени возвращенія моего въ Парижъ, я не имѣлъ никакого свѣденія о Генералѣ Ванъ-Дризенѣ; часто мнѣ приходила мысль, что онъ могъ сдѣлать какую нибудь неосторожность, но мнѣ казалось это несбыточнымъ. Наконецъ при первомъ его посѣщеніи меня, по возстановленіи Королевской власти, разговаривая съ нимъ о проведенномъ вмѣстѣ времени въ Гамбургѣ, я спросилъ, не сдѣлалъ ли онъ какой нескромности. «По чести, сказалъ онъ, теперь можно открыть вамъ всю правду: когда «вы уѣхали изъ Гамбурга, Король въ письмѣ «своемъ спрашивалъ меня объ имени сочинителя послѣдняго проэкта, который показался «ему весьма отличнымъ отъ прежнихъ. Я не «отвѣчалъ на этотъ вопросъ; но когда Король «настоятельно повторилъ о томъ въ новомъ «письмѣ, то я дѣйствительно нарушилъ обѣ-

«щаніе и по почтѣ изъ Готенбурга, что въ «Швеціи, отправилъ къ нему письмо, въ ко«торомъ объявилъ ваше имя.»

Тутъ мнѣ объяснилось все, что должно было случиться въ послѣдствіи. Это письмо родило въ умѣ Наполеона подозрѣніе о *сношеніяхъ съ Англіею*, и я догадываюсь, какимъ образомъ узналъ онъ о томъ: Король въ минуту откровенности, вѣроятно, произнесъ мое имя предъ кѣмъ нибудь изъ тѣхъ людей, которыхъ по положенію ихъ въ обществѣ, нельзя было подозрѣвать въ предательствѣ, и имя мое было сообщено Бонапарте. Впрочемъ это не пустая догадка, потому что мнѣ извѣстно, съ какою поспѣшностію и точностію извѣщали Наполеона о всѣхъ тайнахъ въ Гартвелѣ.

Генералъ Дризенъ просилъ меня ввѣрить ему обвинительное письмо Наполеона, чтобы показать Королю на частной аудіенціи, ему назначенной. Онъ желалъ услужить мнѣ предъ Лудовикомъ XVIII и подробнымъ объясненіемъ дѣла возбудить его вниманіе въ мою пользу. Генералъ по выходѣ изъ Тюльерійскаго дворца, посѣтилъ меня и объявилъ, что Король, возвращая письмо, изволилъ премилостиво отозваться, что я очень счастливъ, что меня не разстрѣляли.

Не знаю, получилъ ли въ послѣдствіи Наполеонъ подробное свѣденіе объ этомъ дѣлѣ, въ

которомъ не обнаруживалось никакихъ постоянныхъ сношеній съ Англіею; впрочемъ оно показалось бы ему ничтожнымъ проступкомъ въ сравненіи съ поведеніемъ моимъ по возвращеніи Бурбоновъ. — Нѣтъ сомнѣнія однакожъ, что со мною не случилось бы ничего непріятнаго, еслибъ я остался въ Парижѣ; къ приведеннымъ уже доказательствамъ, могу присовокупить еще нѣкоторыя. Двадцать девятаго Марта Генералъ Бертонъ, посланный Коленкуромъ, опять явился въ мой домъ и требовалъ еще настоятельнѣе чѣмъ въ первый разъ, чтобы я показался и увѣрялъ Г-жу Буріеннъ въ прощеніи и даже въ благосклонности Императора. Всѣ эти увѣренія не произвели никакого дѣйствія надъ Г-жею Буріеннъ, знавшею неизмѣнныя мои чувствованія, и она извѣстила меня съ нарочнымъ, что приказано опечатать кабинеты всѣхъ лицъ, поименованныхъ въ Ліонскомъ декретѣ и въ томъ числѣ мой. Получивъ о томъ свѣденіе, Г-жа Буріеннъ тотчасъ оставила свое убѣжище и пріѣхала въ Парижъ. Это случилось въ ночь двадцать пятаго Марта и потому двадцать девятаго она находилась тамъ, во время вторичнаго посѣщенія Бертона.

Было уже девять часовъ вечера, когда явились къ ней Полицейскіе; она защищала свои права, ссылаясь на непозволенный часъ, но ви-

что не могло воспрепятствовать исполненію декрета. Для этой похвальной экспедиціи присланы были шесть надежныхъ служителей Полиціи Фуше; они составили актъ о наложеніи секвестра и поставили часоваго для охраненія печатей. По утру явились для составленія описи и запечатанія моего кабинета, а что всего страннѣе, употребили при этомъ случаѣ печать съ Королевскимъ гербомъ. Все, что я имѣлъ, было конфисковано, и даже не пощадили приданаго старшей моей дочери, назначеннаго ей въ рядной, подписанной мною за два дня до моего отъѣзда.

Г-жа Буріеннъ почла долгомъ, находясь въ Парижѣ, лично поблагодарить знаменитую особу, приглашавшую ее къ себѣ утромъ двадцатаго Марта и изъявившую на счетъ насъ такое участіе. Но она отправилась въ сопровожденіи друга, дабы не могли предполагать, что она пришла просить о моемъ прощеніи Особа, къ которой она явилась, изъявила крайнее сожалѣніе, что я не воспользовался сообщенными мнѣ совѣтами, присовокупивъ: «Впрочемъ, какъ «знать! Можетъ быть Буріеннъ поступилъ бла«горазумно, потому что касается до насъ, мы «рискуемъ головами.» Услужливый человѣкъ, говоря такимъ образомъ, вѣроятно не думалъ, что его предвѣщаніе сбудется. По возвращеніи Короля, онъ былъ заочно приговоренъ къ

смерти, но въ послѣдствіи судъ объявилъ его невиновнымъ.

Изъ полученныхъ мною отъ Г-жи Буріеннъ писемъ видно, что она во время моего отсутствія претерпѣла множество непріятностей. Каждый день получала она безъименныя письма, содержавшія въ себѣ угрозы; но въ надеждѣ на успѣхъ справедливаго дѣла, не обнаруживала унынія.

Первыми распоряженіями, приведенными въ исполненіе Полицейскими служителями Фуше, не удовольствовались; въ Маѣ назначены были семь человѣкъ для разсмотрѣнія моихъ бумагъ. Въ числѣ этихъ инквизиторовъ находились два лица весьма извѣстныя и занимавшія высшія должности. Только одинъ изъ нихъ исполнилъ возложенное на него порученіе; другой сказался больнымъ и не явился. И такъ число моихъ инквизиторовъ *in domo* уменьшилось до шести, которыхъ весьма достаточно было для того, чтобы рыться повсюду и притомъ ничего не найти. Эти люди поступали въ моемъ домѣ съ величайшимъ безчиніемъ; въ поискахъ своихъ и исполненіи насильственнаго приказанія, они оказали жестокость, весьма огорчившую мое семейство и для нихъ безполезную. Обыску ихъ подверглись даже карманы стараго моего платья, котораго подкладки были подпороты. Цѣль всего этого была надежда

найти бумаги, которыя могли вредить новому властелину Франціи; но не отъ меня можно было ожидать такой оплошности, и я предъ отъѣздомъ принялъ предосторожность, чтобы въ этомъ отношеніи быть совершенно спокойнымъ.

Возвращеніе Наполеона долженствовало встревожить не однихъ мущинъ, обнаружившихъ къ нему сильное недоброжелательство. Опасались новыхъ строгостей даже женщины, которыя въ слѣдствіе системы инквизиторства и привязчивости, недостойной Императора, по согласной съ его ненавистію ко всякой свободѣ, подверглись изгнанію. Пускай записные превозносители Бонапарте почитаютъ хорошими всѣ его дѣйствія, даже жестокое обращеніе съ беззащитнымъ поломъ; позволительно имъ шутить надъ горестію женщины, умной писательницы, осужденной безъ всякой законной формы къ наказанію, самому жестокому послѣ смерти. Я съ своей стороны, не вижу ни тѣни справедливости и ничего забавнаго въ изгнаніи Г-жи Шеврёзъ за то, что она имѣла смѣлость (составлявшую тогда рѣдкое качество даже въ мущинахъ) сказать, *что она неспособна быть тюремщицею Королевы Испанской* (*); *чтоже касается до положенія знаменитой* изгнанницы

(*) Узнавъ объ этомъ отвѣтѣ, Наполеонъ сказалъ: она хочетъ подражать примѣру Герцогини Шеврёзъ Фрондской, но

Коппета въ отношеніи къ Императору, равно какъ во свиданіи, о которомъ говорилъ прежде, между имъ и молодымъ Барономъ Августомъ Сталемъ, предоставляю рѣшить не предупрежденному читателю, на чьей сторонѣ были величіе и достоинство. Возвращеніе съ острова Эльбы застигло Г-жу Сталь въ болѣзненномъ состояніи, которое не могло выдержать внезапнаго и сильнаго впечатлѣнія. Это разстройство здоровья было слѣдствіемъ бѣгства ея изъ Коппета въ Россію, вскорѣ послѣ рожденія сына, прижитаго отъ брака съ Г. Роккою, который она желала сохранить въ тайнѣ. Не взирая на опасность новаго странствованія въ такомъ положеніи, ей казалось гораздо хуже оставаться во Франціи; и, воображая вторичное разсѣяніе ея общества, наблюденіе Императорской Полиціи за ея друзьями, она рѣшилась на новое изгнаніе. Оно было непродолжительно; но здоровье Г-жи Сталь на всегда разстроилось отъ претерпѣнныхъ ею безпокойствъ и утомленія.

Имя автора Коринны по необходимости напоминаетъ мнѣ имя вѣрнѣйшей ея подруги въ несчастіи, которая сама не избѣгла гоненій Наполеона, не смотря на справедливое и общее уваженіе; Г-жа Рекамье не удалилась изъ

я докажу ей, что имѣетъ дѣло не съ Королемъ несовершеннолѣтнимъ. Г-жа Шеврёзъ умерла съ горести, причиненной изгнаніемъ, въ объятіяхъ Герцогини Люинь, своей свекрови.

Парижа въ 1815, хотя возвратилась туда въ 1814 по случаю перемѣны произшествій, безъ явнаго на то позволенія. Мнѣ на вѣрное извѣстно, что Гортензія изъявила желаніе видѣть ее у себя; но Г-жа Рекамье, отказываясь отъ этой опасной чести, извинялась «принятою обя«занностію не показываться въ обществѣ до «тѣхъ поръ, пока друзья ея будутъ гонимы.»

Здѣсь можно кстати отвѣчать на одно мѣсто Записокъ Герцога Ровиго объ изгнаніи Г-жи Рекамье, и для этаго воспользуюсь подлинными словами автора. По его мнѣнію Г-жа Рекамье, принужденная хозяйственными обстоятельствами удалиться въ провинцію, старалась поселить въ друзьяхъ своихъ мысль, что Императоръ къ тому ее принудилъ; потомъ онъ присовокупляетъ: «Въ послѣдствіе того я приказалъ, чтобъ, въ случаѣ возвращенія ея въ Парижъ, воспрепятствовали ей имѣть у себя *общество противниковъ Правительства, въ кругу которыхъ она обнаруживала притворную горесть;* говоря же откровенно, я написалъ къ ней, чтобы она не очень спѣшила пріѣздомъ въ Парижъ и проч.» Изъ этихъ словъ весьма ясно видно, что Г-жу Рекамье и Г-жу Сталь не прощали *за собраніе противниковъ Правительства и за ихъ горесть.*

Меморіалъ Святыя Елены, напоминая о началѣ неблагорасположенія Императора къ этому

обществу, дѣлаетъ, по видимому, упрекъ Г-жѣ Рекамье, *привыкшей*, сказано въ этомъ сочиненіи, *всего просить и все получать, за то, что она домогалась объ опредѣленіи отца своего къ прежней должности.* Каковы бы ни были домогательства Г-жи Рекамье, Бонапарте, подверженный самъ той привычкѣ, въ которой упрекалъ ее, поступилъ бы неосторожно, еслибъ вмѣнилъ ей въ преступленіе ея неблагодарность; собственное его *домогательство* простиралось не на проницательность, а совершенно на другое чувство. Читатели вспомнятъ, что я находился съ Первымъ Консуломъ во время обвиненія Бернара (*), отца Г-жи Рекамье, и не забылъ условій, съ которыми предлагалось даже *возвращеніе* должности.

Частыя свиданія Г-жи Рекамье съ Г-жею Сталь не могли склонить Наполеона къ чувствамъ и дѣйствіямъ болѣе умѣреннымъ. Раздраженный тѣсною дружбою этихъ двухъ женщинъ, хорошо понимавшихъ другъ друга, онъ приказалъ объявить Г-жѣ Рекамье, по случаю отъѣзда ея въ Коппетъ, что она можетъ возвратиться въ Швейцарію, но не пріѣзжать бо-

(*) Бернара, который занималъ должность Почтмейстера, обвиняли въ томъ, что онъ содѣйствовалъ къ выпуску въ обращеніе журнала, издававшагося Роялистами. За такой поступокъ онъ подвергался смертной казни. Первый Консулъ, по милости своей, оставилъ это дѣло безъ вниманія и Бернаръ лишился только своего мѣста.

лѣе въ Парижъ—«Ахъ, Милостивый Государь, извинительна въ великомъ человѣкѣ слабость любить женщинъ, но ему непростительно ихъ бояться.» Въ этомъ заключался весь отвѣтъ ея Фуше, и она отправилась въ Коппетъ.

Прежде, чѣмъ оставлю, не безъ сожалѣнія, предметъ, которымъ довольно долго занималъ читателя въ надеждѣ, что онъ проститъ мнѣ эти подробности, я воспользуюсь изображеніемъ, помѣщеннымъ въ одномъ литературномъ журналѣ, достигшемъ въ мое убѣжище и поразившемъ меня нѣжностію пера и вѣрностію сходства. Эта удивительная женщина, ничего не издавъ въ свѣтъ, ничего, можетъ быть, не написавъ, имѣла вліяніе на двухъ отличнѣйшихъ нашихъ писателей, Г-жу Сталь и Шатобріана. Это вліяніе, случайное и невольное, состояло въ любви таланта, во вдохновеніи его и въ возбужденіи въ немъ собственнаго восторга при видѣ впечатлѣній, имъ производимыхъ. Тѣ, которымъ извѣстно, что мысль растетъ и возвышается при развитіи ея предъ другимъ умомъ; что половина краснорѣчія заключается во взорахъ слушателей, что терпѣніе, необходимое для довершенія сочиненія, поддерживается вниманіемъ и соучастіемъ, никогда не будутъ удивляться страстной дружбѣ Коринны и автора Мучениковъ къ особѣ, которая сопутствовала ихъ въ изгнаніи и осталась вѣрною

въ несчастіи. Есть благородныя души, способныя понимать и раздѣлять всѣ высокія мысли, всѣ изящества воображенія; имъ желаешь повѣрить всѣ тайны сердца, все доброе и прекрасное. Въ этомъ состоитъ вліяніе Г-жи Рекамье. Прежде нея никогда не соединялось въ одномъ лицѣ столько безкорыстія, скромности и знаменитости. Если въ послѣднемъ столѣтіи сохранились имена Дю-Деффанъ, Графиньи и нѣкоторыхъ другихъ женщинъ, покровительствовавшихъ таланту съ высокомѣріемъ богатства или педантизмомъ ученыхъ сообществъ, то какъ забыть имя женщины, которая всегда пользовалась дружбою сильныхъ единственно для доставленія награды скромному достоинству, ласкала одно несчастіе и дружилась съ геніемъ?»

Почитаю однако себя обязаннымъ сдѣлать замѣчаніе, что личная ненависть Императора не имѣла бы столько непреклонности и ожесточенія, если бы тому не содѣйствовали нѣкоторые изъ его приближенныхъ. Я самъ былъ этому разительнымъ примѣромъ. Расположеніе его ко мнѣ наконецъ возъимѣло бы, можетъ быть, свое дѣйствіе, если бы тому не препятствовала постоянная непріязнь подчиненныхъ.

Я не видалъ состоянія Парижа во время печальной эпохи, извѣстной въ исторіи подъ именемъ ста дней, причемъ достойно замѣча-

нія, что Бонапарте, достигнувъ Консульства, провелъ ровно сто дней въ Люксембургскомъ дворцѣ до переселенія въ Тюльерійскій. Но хотя я не былъ въ Парижѣ, знаю однако изъ полученныхъ въ это время писемъ и изъ расказовъ даже приверженцевъ Бонапарте, что никогда столица, послѣ неистовствъ революціи, не была такъ печальна и безпокойна, какъ въ эти три мѣсяца томленія. Никто не имѣлъ довѣренности къ продолжительности этого втораго царствованія и открыто говорили, что Фуше, служа дѣлу похищенія, тайно измѣнитъ ему; повсюду замѣтны были опасенія на счетъ будущаго и всеобщій ропотъ. Видъ республиканцевъ, разсѣянныхъ по предмѣстіямъ и булеварамъ и восклицавшихъ: да здравствуетъ республика, смерть роялистамъ; ихъ ужасныя пѣсни, революціонные гимны, раздававшіеся въ театрахъ, все приводило умы въ оцѣпененіе, и ожидали съ великимъ нетерпѣніемъ развязки этихъ важныхъ событій.

Въ самомъ началѣ ста дней всего болѣе способствовало разсѣянію заблужденія людей, ослѣпленныхъ воспоминаніями минувшей славы Наполеона, объявленіе его съ обычною увѣренностію, что Императрица и сынъ возвращаются къ нему; но предсказаніе не исполнилось. Увидѣли ясно, что ему нельзя надѣяться ни на одного союзника, и, не смотря на неи-

мовѣрную дѣятельность при вооруженіи новой арміи, не возможно было безъ ослѣпленія ожидать, что онъ восторжествуетъ надъ цѣлою Европою, которая снова противъ него ополчилась. Я сожалѣлъ о бѣдствіяхъ, долженствовавшихъ произойти отъ дерзкаго покушенія Бонапарте, но предусматривалъ развязку этой борьбы, потому что зналъ о намѣреніяхъ союзныхъ Державъ. Мнѣ извѣстны были чувствованія, одушевлявшія уполномоченныхъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ, что меня достаточно успокоивало; и потому нимало не удивлялся полученному въ Гамбургѣ *извлеченію изъ протокола конференцій Державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ* (*) двѣнадцатаго Мая 1815.

Надобно согласиться, что при полученіи въ Вѣнѣ перваго извѣстія о высадкѣ Бонапарте, Конгрессомъ еще ничего не было сдѣлано. Занимались устройствомъ на долгое время прочнаго порядка и потому дѣйствовали съ благоразумною медленностію и зрѣлымъ соображеніемъ, необходимыми послѣ столь продолжительнаго волненія. Король предписалъ своимъ уполномоченнымъ защищать постоянно начала справедливости и обще-народнаго права, и такимъ образомъ содѣйствовать обезпеченію каждой Державы для устраненія, на будущее, вре-

(*) Этотъ актъ хотя весьма важенъ, но такъ извѣстенъ, что я счелъ за лучшее представить его читателямъ въ концѣ тома.

мя повода къ новымъ несогласіямъ. Занимаясь этими важными предметами, Конгрессъ узналъ объ отплытіи Наполеона съ острова Эльбы и о высадкѣ его въ заливѣ Жуанскомъ. Тогда же уполномоченные подписали упомянутый актъ, который помѣщенъ въ концѣ книги. Въ свое время приписывали редакцію его Талейрану, но это несправедливо; я имѣлъ довольно вѣрныя свѣденія о происходившемъ тогда въ Вѣнѣ и могу ручаться за точность слѣдующаго.

Въ началѣ состоялась первая декларація, но мнѣ неизвѣстенъ ея сочинитель. Знаю только, что эта декларація была написана слабо и вяло и не имѣла рѣшительнаго тона, что однако не помѣшало Министрамъ пяти Державъ утвердить ее своею подписью. Г. Лабрадоръ, уполномоченный Испанскаго двора, одаренный твердымъ характеромъ, отличающимъ древнихъ Испанцевъ, объявилъ, что эта редакція неудовлетворительна. Не сомнѣвались въ Вѣнѣ, что Лабрадоръ послѣдовалъ внушенію Талейрана, который одинъ могъ своими убѣжденіями смягчить его крутой нравъ; но когда Лабрадоръ не согласился подписать, то не рѣшились употреблять для того настоятельныхъ требованій, которыя сочли безполезными; и первую декларацію пятаго Мая оставили безъ дѣйствія, что произвело большое затрудненіе; но Г.

Генцъ придумалъ оборотъ дѣлу, который былъ принятъ двѣнадцатаго и состоялъ въ томъ, чтобы руководствоваться единственно Парижскимъ трактатомъ.

ГЛАВА XIX.

Оффиціальная переписка.—Письмо Талейрана и подробности о внутреннемъ состояніи Франціи.— Извѣстія о Королѣ. — Второе письмо Талейрана о распоряженіи союзныхъ Державъ. — Третье письмо Талейрана и свѣденія о Вѣнѣ. — Письмо Жокура.—Франція при Королѣ и Бонапарте. — Предписанія Министрамъ Короля при иностранныхъ дворахъ. — Извѣстія изъ Франціи. — Всеобщій журналъ Бертеня старшаго. — Переписка Маркиза Боннея. — Вопросы о двадцатомъ Марта. — Письма со штемпелемъ орла.—Дезожье и несправедливое предубѣжденіе.—Намѣренія Пруссіи распространить свои предѣлы на счетъ Франціи.—Посланный отъ Фуше въ Вѣну.— Странныя условія. —Мнѣніе Боннея о Блакасѣ.—Ослѣпленіе Короля на счетъ своего Министра — Хорошія и дурныя качества Блакаса. — Самонадѣяніе, упорство во мнѣніи и страсть къ исключительнымъ мѣрамъ.— Погрѣшности Герцога Беррійскаго. — Похвала Г. де ла Ферроне. — Протестъ Кергорлея.— Приказъ Карно и уваженіе къ тайнѣ писемъ.—Новыя извлеченія изъ писемъ Боннея.— Предполагаемое увольненіе Блакаса.

Въ предъидущей главѣ сообщены были извѣстія, полученныя мною изъ Парижа, и нѣкоторыя свѣденія о Вѣнскомъ Конгрессѣ, узнав-

шемъ о высадкѣ Наполеона. Слѣдующая будетъ заключать въ себѣ оффиціальныя письма, полученныя мною изъ Вѣны отъ Талейрана, изъ Копенгагена отъ Маркиза Бонне и изъ Гента отъ Графа Франциска Жокура, котораго Король, по отъѣздѣ Талейрана на Конгрессъ, назначилъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. По извѣщеніи Талейрана о прибытіи моемъ въ Гамбургъ, я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

Вѣна, 19 Апрѣля 1815.

«Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что вы, Милостивый Государь, должны были по повелѣнію Короля отправиться въ Гамбургъ. Для меня было бы пріятнѣе, если бы Его Величество оставилъ васъ при себѣ, гдѣ ваши услуги принесли бы ему несравненно болѣе пользы. Въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ всего важнѣе имѣть при себѣ людей достойныхъ и способныхъ, такъ хорошо какъ вы, знающихъ дѣла и политическій свѣтъ. Но хотя васъ не употребили тамъ, гдѣ вы могли дѣйствовать съ совершеннымъ успѣхомъ, я увѣренъ, что вы окажете важныя услуги и въ настоящемъ вашемъ назначеніи.

«Всѣ извѣстія, получаемыя изъ Франціи, подтверждаютъ, что Бонапарте находится въ величайшихъ затрудненіяхъ. Все доказываетъ, что многочисленнѣйшая часть націи не распо-

ложена къ нему; что на его сторонѣ, говоря правду, одна армія; и что даже между войсками тѣ, которыя составлены изъ новыхъ солдатъ, не привержены къ нему. Южныя Провинціи не признаютъ его власти. Герцогъ Ангулемскій все еще тамъ держится. Собранныя имъ войска съ каждымъ днемъ умножаются. Онъ приближился съ ними къ Ліону, и число ихъ было достаточно для объявленія города въ осадномъ положеніи, въ день отправленія ко мнѣ послѣднихъ извѣстій. Сверхъ того съ границъ приближаются войска скорымъ маршемъ. Повсюду военныя мѣры приняты съ величайшею рѣшительностію и дѣятельностію. Россійскія войска, бывшія на Вислѣ, прибыли въ Богемію четырьмя днями ранѣе, чѣмъ ихъ тамъ ожидали, и придутъ на Рейнъ въ одно время съ Австрійскими. Въ половинѣ Мая надѣются начать военныя дѣйствія, и чрезвычайное множество собирающихся войскъ, предвѣщаетъ благопріятное событіе.

«Король, по полученнымъ мною вчера извѣстіямъ, постоянно находится въ Гентѣ, здоровъ и исполненъ твердости и надежды. Братъ его въ Брюсселѣ. Армія Герцога Веллингтона, простирающаяся до восьмидесяти тысячъ, сосредоточена близъ Монса.

«Между Герцогомъ Веллингтономъ и Генераломъ Гнейзенау, командующимъ Прусскими

войсками, замѣтно совершенное согласiе.

«Мюратъ, надѣявшiйся не встрѣтить препятствiй въ Италiи, когда всѣ Державы соединяютъ свои силы противъ Бонапарте, вошелъ въ Папскiя владѣнiя съ своею армiею и приближился къ рѣкѣ По; но ему не удалось нападенiе на мостовое укрѣпленiе при Окхiо—Белло, и онъ принужденъ былъ отступить. Послѣ того Австрiйскiя войска, получающiя ежедневно подкрѣпленiя, имѣли нѣкоторый успѣхъ около Моденьы.

Имѣю честь быть и проч.

«Князь Талейранъ.»

Изъ втораго параграфа этого письма видно, что въ Вѣнѣ не имѣли достовѣрныхъ свѣденiй о дѣлахъ Южной части Францiи, ибо надежда Герцога Ангулемскаго идти къ Лiону вскорѣ исчезла, и первые его успѣхи продолжились не болѣе одного дня. Въ мѣстѣ новаго моего пребыванiя я не любилъ часто заниматься перепискою и мнѣ рѣдко встрѣчалось что нибудь важное для сообщенiя Талейрану, а потому находя сношенiя мои съ нимъ не довольно дѣятельными, этотъ Министръ сдѣлалъ мнѣ во второмъ письмѣ изъ Вѣны, отъ пятаго Мая, слѣдующее вѣжливое замѣчанiе:

«Милостивый Государь! получая всегда съ большимъ удовольствiемъ и находя весьма занимательными ваши письма, я очень сожалѣю,

что теперь гораздо рѣже удостоиваете меня ими. Впрочемъ мнѣ извѣстно, что въ мѣстѣ вашего пребыванія мало встрѣчается предметовъ, достойныхъ любопытства и отъ того вы не находите уважительныхъ причинъ писать ко мнѣ. Но для меня было бы весьма пріятно, еслибъ вы продолжали сношенія со мною со всевозможною дѣятельностію.

«Статья, недавно написанная вами для помѣщенія въ Гамбургской газетѣ, превосходна. Желательно, чтобы всѣ извѣстія, сообщаемыя разными журналами, отличались столь хорошимъ духомъ; но къ несчастію, этого не замѣтно. Я часто вижу, что печатаются вещи, долженствующія производить вредное впечатлѣніе, и это служитъ новымъ поводомъ желать, чтобы статьи подобныя вашей уничтожали или по крайней мѣрѣ ослабляли такое впечатлѣніе.

«Послѣ письма моего отъ 19 Апрѣля, вы уже, я думаю, знаете, что Герцогу Ангулемскому нельзя было оставаться, какъ мы надѣялись, въ Южныхъ Провинціяхъ. И такъ вся Франція теперь подъ игомъ Бонапарте; военныя дѣйствія противъ него начнутся не прежде, какъ чрезъ нѣсколько времени, ибо намѣрены учинить нападеніе вдругъ на всѣхъ пунктахъ и многочисленными силами. Величайшее согласіе господствуетъ между всѣми Державами на счетъ военныхъ распоряженій.

«Война противъ Мюрата продолжается съ успѣхомъ, позволяющимъ надѣяться, что она скоро кончится; онъ дважды просилъ о перемиріи и оба раза въ томъ ему было отказано.

Имѣю честь быть и проч.

«КНЯЗЬ ТАЛЕЙРАНЪ.»

P. S. «Вы узнаете прежде полученія моего письма, что Герцогиня Ангулемская находится въ Англіи.»

Эти письма говорятъ о дѣлахъ того времени болѣе, чѣмъ сужденія, которыя бы я могъ сообщить объ нихъ; и такъ безъ дальнѣйшаго предисловія предлагаю здѣсь читателямъ третье письмо Талейрана, котораго тогда нетерпѣливо ожидали въ Гентѣ. Я удостовѣрился въ томъ изъ сношеній со мною Г. Жокура. На требованіе мое присылки кредитивныхъ писемъ, которыя не могли быть изготовлены при поспѣшномъ моемъ отправленіи, онъ отвѣчалъ мнѣ двѣнадцатаго Мая: «Мы ожидаемъ со дня на «день Князя Талейрана. Я не премину напом«нить ему о вашихъ кредитивныхъ письмахъ.» Что касается до сказаннаго письма Талейрана, вотъ оно; и мнѣ не нужно будетъ замѣчать содержащихся въ немъ намеканій на акты Конгресса, о которыхъ я говорилъ выше.

«Бонапарте, по пріѣздѣ въ Парижъ, сперва не признавалъ подлинности декларацiи тринадцатаго Марта, а потомъ старался ослабить впе-

чатлѣніе ея разными объявленіями, и потому нѣкоторые здѣсь думали, что было бы полезно обнародовать новую. Конгрессъ поручилъ разсмотрѣть этотъ вопросъ Коммисіи, которая въ Конференціи двѣнадцатаго сего мѣсяца представила ему свой докладъ съ такимъ заключеніемъ, что послѣ подтвержденія всего изъявленнаго Державами въ декларацiи тринадцатаго Марта, послѣ опроверженія софизмовъ Бонапарте и обличенія его обмановъ, положеніе его въ отношеніи къ Европѣ не измѣняется ни первыми успѣхами его предпріятія, ни готовностію его признать Парижскій трактатъ, и что потому не предстоитъ никакой надобности во второй декларацiи. Честь имѣю препроводить къ вамъ нѣсколько экземпляровъ протокола Конференціи, заключающаго въ себѣ полный докладъ Коммисіи.

«Вы изъ него замѣтите, что Европа предпринимаетъ войну не за Короля и не по его просьбѣ, но собственно за себя, потому что ея польза, ея обязанность того требуютъ. Вотъ точная истина; и это всего приличнѣе для Короля и всего благопріятнѣе для его дѣла. Если бы во Франціи могли подумать, что война начата единственно за права Короля, тогда подданные его увидѣли бы въ немъ виновника всѣхъ бѣдствій, ею причиненныхъ. Такое мнѣніе не произвело бы другаго дѣйствія, какъ только уничтожило бы ихъ расположеніе къ Его

Величеству и увлекло бы ихъ на сторону Бонапарте; но въ томъ видѣ, какъ война представлена, можно приписывать одному Бонапарте ея бѣдствія; и въ этомъ-то должно убѣдить всѣхъ, преимущественно во Франціи. Я писалъ вчера къ Графу Жокуру, что желалъ бы опять найти васъ въ Гентѣ, куда вскорѣ пріѣду, располагаясь отправиться въ дорогу въ концѣ слѣдующей недѣли. Но я даю ему знать, что для приличія нужно вамъ представить ваши кредитивныя письма до отъѣзда изъ Гамбурга и оставить оный не иначе, какъ въ видѣ отпуска. И потому поручилъ ему ускорить отправленіе къ вамъ кредитивныхъ писемъ.

Имѣю честь быть и проч.

«Князь Талейранъ.»

Я не нашелъ лучшаго средства дать понятіе о томъ, что дѣлалось въ Вѣнѣ и о тамошнихъ мнѣніяхъ, какъ напечатать письма перваго Европейскаго дипломата, ибо нѣтъ сомнѣнія, что это названіе принадлежало въ сію трудную эпоху Талейрану. Онъ не имѣлъ на своей сторонѣ, какъ въ Тильзитѣ, право побѣды и ему надлежало защищать побѣжденныхъ; онъ настоялъ о признаніи Неаполитанскаго престола законною принадлежностію Принца изъ дома Бурбоновъ и вмѣстѣ воспрепятствовалъ увеличенію Пруссіи на счетъ Саксоніи.—Между тѣмъ я получилъ въ Гамбургѣ письмо отъ Жокура,

содержавшее подробное объясненіе инструкцій, предназначенныхъ Королемъ для его дипломатическихъ агентовъ въ чужихъ краяхъ. Вотъ оно:

Гентъ, 29 Мая 1815.

«Милостивый Государь!

«Нѣкорые Министры Короля убѣдительно просили меня сообщать имъ свѣденія о ходѣ произшествій и чаще снабжать ихъ наставленіями въ настоящихъ обстоятельствахъ. Заботливая приверженность къ Его Величеству и къ Августѣйшимъ особамъ его семейства, справедливыя безпокойства, производимыя въ нихъ участію отечества и потребность знать дѣйствительныя отношенія наши къ другимъ Державамъ и расположенія послѣднихъ къ Франціи, вполнѣ оправдываютъ такое желаніе, служащее доказательствомъ ихъ усердія и вѣрности.

«Но смятенія, обуревающія Францію, собственное желаніе Короля сдѣлать извѣстными чувствованія его къ народу, и ожиданіе приготовленій, безмолвно занимавшихъ тогда кабинеты и Вѣнскій Конгрессъ, долженствовали въ началѣ замедлить мои сношенія и побудить меня къ нѣкоторой осторожности. Въ замѣнъ того сообщаемъ былъ всеобщій журналъ (*),

(*) Г. Бертенъ старшій, явившій столько опытовъ приверженности къ дѣлу Бурбоновъ, привлекшему насъ на свою

выходящій здѣсь подъ надзоромъ Правительства, который предварительно могъ извѣщать васъ о важнѣйшихъ событіяхъ и передавать самыя подлинныя свѣденія объ истинномъ состояніи Франціи.

«Посредствомъ этого журнала узнаете вы, Милостивый Государь, о донесеніи Шатобріана и о манифестѣ Его Величества; въ первомъ объясняется противуположность Франціи подъ управленіемъ похитителя престола и подъ властію ея законнаго Короля; обманы Бонапарте, искренность и прямодушіе Лудовика XVIII; всѣ бѣдствія и опасенія съ одной стороны, всѣ благодѣянія и надежды съ другой. Манифестъ Короля обнаруживаетъ чувствованія отца, ко-

сторону въ такое время, когда еще было опасно объявлять себя роялистомъ, удалился послѣ двадцатаго Марта въ Брюссель и вскорѣ былъ приглашенъ въ Гентъ издавать оффиціальный журналъ Короля, подъ названіемъ *Всеобщаго Монитера*. Первый нумеръ былъ напечатанъ съ этимъ заглавіемъ, но при самомъ выпускѣ, Г. Бертенъ получилъ приказаніе назвать его *Всеобщимъ журналомъ* по той причинѣ, что Нидерландское Правительство *не смѣетъ* позволить его подъ именемъ *оффиціальнаго журнала Франціи*. Бертенъ одинъ занимался этимъ изданіемъ до возвращенія Лудовика XVIII во Францію.

Недавно изумило меня извѣстіе въ журналахъ, которые постоянно читаю въ своемъ убѣжищѣ, что Бертенъ осужденъ Сенскимъ судилищемъ первой инстанціи за *оскорбленіе Короля*. Это несбыточно!!. И я былъ увѣренъ, что Королевскій судъ окажетъ полную справедливость лучшему роялисту, лучшему гражданину.

торыя не могли измѣнить ни явная неблагодарность, ни жестокіе опыты; твердую рѣшимость исполнить всѣ обязательства и дополнить ихъ съ постепеннымъ усовершенствованіемъ новыми постановленіями, благопріятствующими свободѣ націи; наконецъ въ его священномъ дѣлѣ, общее дѣло Европы. Хотя Король и не властенъ воспрепятствовать сильнымъ мѣрамъ, единодушно принятымъ иностранными Державами для своего сохраненія и безопасности; но участвуя въ общемъ ихъ договорѣ, Его Величество принимаетъ на себя исключительную обязанность быть посредникомъ между ними и своимъ народомъ, смягчителемъ ихъ негодованія, охранителемъ не нарушимости нашихъ правъ и границъ, словомъ, благотворнымъ геніемъ, который оградитъ отечество отъ безчисленныхъ золъ и облегчитъ не отвратительныя бѣдствія. Этотъ договоръ утвержденъ на коренномъ началѣ, объявленномъ при вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ, повторенномъ еще торжественнѣе 13 Марта сего года и окончательно признанномъ въ декларацiи 12 Мая, пріобщенной къ этому письму; этимъ началомъ владычество Наполеона Бонапарте отвергнуто, какъ совершенно не совмѣстное со спокойствіемъ и безопасностію Европы, и всего образованнаго міра.

«Съ выступленіемъ за сію черту Державы,

опасались нарушить независимость Французскаго народа, не имѣя намѣренія вмѣшиваться въ его внутреннее правленіе и предписывать ему избраніе Государя, потому что дѣйствительно не предстоитъ надобности въ такомъ выборѣ; но ихъ желанія, ихъ предположенія благопріятствуютъ Лудовику XVIII, ихъ союзнику, и его Августѣйшей династіи. Возстановленіе законной власти есть цѣль ихъ условій и должно быть не сомнѣннымъ слѣдствіемъ ихъ успѣховъ.

«Самое изложеніе этихъ событій должно служить для васъ инструкціею. Нельзя умолчать, что положеніе ваше въ продолженіи еще нѣкотораго времени будетъ затруднительно и щекотливо; выгоды союзныхъ Державъ совокупны, но не одинаковы. Франція для нихъ не отечество; и онѣ не могутъ намъ объяснить бездѣйствія народа угнетеннаго, оправдать заблужденія и ошибки, и питать надежду на раскаяніе въ учиненныхъ преступленіяхъ.

«Между тѣмъ, что скажу вамъ, Милостивый Государь, о Франціи, поверженной въ уныніе и измѣннически преданной похитителю престола! Онъ старается произвесть ужасное смѣшеніе правилъ и средствъ различныхъ эпохъ нашей революціи, все что предпринимаетъ и дѣлаетъ, почерпаетъ изъ самыхъ горестныхъ примѣровъ безначалія и ужаса; а что обѣщаетъ, заимствуетъ изъ постановленій и дѣй-

ствій, совершенныхъ уже Королемъ для блага его народа.

«Чтобы произвесть призракъ народнаго согласія, онъ послѣ продолжительной нерѣшимости, принужденъ былъ позволить избраніе Депутатовъ, но это противузаконный выборъ; избиратели и избранные, конечно, убѣждены въ томъ собственною совѣстію и гласомъ народа, взывающаго о спасеніи отечества. Позволительно однакожъ думать, что Французы могутъ почитать себя принужденными несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ воспользоваться средствомъ, которое предоставляетъ самъ похититель верховной власти, для изъявленія ихъ чувствованій и для охраненія своихъ правъ и выгодъ. Въ числѣ избранныхъ мы увидимъ людей опытныхъ и добродѣтельныхъ. Будемъ благонадежны, что опытность никогда не согласиться быть орудіемъ слѣпаго начальника военнаго правительства, что добродѣтель никогда не склонится въ пользу Наполеона Бонапарте.

«И такъ, Милостивый Государь, нація, защищая отечество, учинитъ это для сохраненія его своему Королю; и когда услышитъ его воззваніе, тотчасъ отдѣлится отъ вѣроломныхъ полчищъ, призвавшихъ деспота и содѣлавшихся, по видимому, исполнителями его преступленій. Нѣтъ! народъ Французскій не переродился; онъ

умѣетъ еще различать добро отъ зла, справедливость отъ беззаконія; во всѣхъ соотношеніяхъ его господствуетъ единодушіе; доказательства вѣрности Королю служителей его, находящихся въ иностранныхъ Государствахъ и не опасающихся власти хищника, служатъ ручательствомъ въ вѣрности, сохраняемой къ нему во Франціи всѣми истинными гражданами; время обнаружить ее приближается.

«Если не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей сообщить вамъ о мѣрахъ союзниковъ и извѣстить о времени, когда начнутся ихъ дѣйствія, то по крайнѣй мѣрѣ съ удовольствіемъ могу увѣдомить васъ объ окончаніи Вѣнскаго Конгресса и о скоромъ возвращеніи Князя Талейрана, котораго благородная твердость, безпредѣльная преданность къ законному дѣлу, благоразуміе и настоятельность столь много способствовали къ приготовленію всѣхъ средствъ для спасенія Франціи. По возвращеніи къ Его Величеству, онъ вѣроятно не замедлитъ сообщить вамъ непосредственно всѣ свѣденія, необходимыя для вашего руководства.

Имѣю честь быть и проч.

«ФРАНЦИСКЪ ЖОКУРЪ.»

P. S. «Я обязанъ замѣтить, Милостивый Государь, что Всеобщій Журналъ, хотя издается «въ мѣстѣ пребыванія Правительства и нѣкоторымъ образомъ подъ его надзоромъ, не дол-

«женъ однако быть признаваемъ оффиціаль-«нымъ во всѣхъ своихъ частяхъ; статьи его, «сочиняемыя вообще въ превосходномъ духѣ «людьми образованными и весьма привержен-«ными къ законному дѣлу, обнаруживаютъ од-«нако болѣе или менѣе частный образъ мыс-«лей писателя; Правительство не можетъ ру-«чаться за справедливость всѣхъ мнѣній. Въ «затруднительномъ положеніи нашемъ, я счелъ «приличнымъ обратить ваше вниманіе на «этотъ предметъ, и отчасти по сей причинѣ «рѣшился сообщить вамъ въ кратцѣ все, чего, «по мнѣнію моему собственно желаетъ Король «и его Правительство.»

Предъидущія письма принадлежатъ къ роду тѣхъ, которыя въ древности называли *de négotiis*; въ слѣдующихъ будетъ рѣчь *de hominibus*. Сказать лучше это не письма, а только извлеченія изъ писемъ, полученныхъ мною въ Гамбургѣ отъ Маркиза Боннея; я могъ бы соединить ихъ съ предъидущими, но счелъ за лучшее не нарушать порядка предметовъ и дать посредствомъ этой драгоцѣнной переписки, точное понятіе о томъ, что происходило тогда внѣ Франціи, и мнѣніе, какое имѣли на счетъ людей того времени.

Бонней имѣлъ уже прежде двадцатаго Марта вѣрныя свѣдѣнія объ опасностяхъ, угрожавшихъ Монархіи и былъ весьма ревностнымъ

служителемъ Короля. Предъ отъѣздомъ нашимъ изъ Парижа онъ написалъ ко мнѣ слѣдующее: «Справедливо ли Милостивый Государь, что «были получаемы неоднократныя извѣщенiя о «намѣренiи Бонапарте и что ихъ оставили безъ «вниманiя. Въ чужихъ краяхъ общая молва об«виняетъ въ томъ лично Блакаса. Не было ли «учинено неосторожности кѣмъ-либо изъ дру«гихъ Министровъ? Употреблена ли со сторо«ны Полицiи надлежащая бдительность? или «Агенты ея не измѣнили ли своему Начальст«ву. Я очень сомнѣваюсь на счетъ попечитель«ности почтоваго вѣдомства. Если имѣли хотя «малѣйшее свѣденiе о покушенiи Бонапарте ос«тавить островъ, то для чего Морской Ми«нистръ не отрядилъ для дѣятельнаго надзора «нѣсколькихъ судовъ, которыя должны были «находиться при островахъ Гiерскихъ.

Будучи извѣщенъ въ Гамбургѣ о покушенiяхъ, занимавшихъ Императорскую дипломатику, чтобы правительство Бонапарте было признано внѣ Францiи; зная даже, что Консулы, назначенные Королемъ, получили письма съ печатью орла, я увѣдомилъ о томъ Боннея, который отвѣчалъ мнѣ: «Благодарю васъ за извѣстiе о письмахъ съ печатью орла, адресованныхъ къ Императорскимъ Консуламъ при Балтiйскихъ портахъ. Этотъ случай подалъ мнѣ поводъ тотчасъ отозвать Г. Дезожье; не знаю,

извѣстенъ ли онъ вамъ; это человѣкъ не вредный, но весьма упрямый и безразсудный. Теперь сводитъ его съ ума ужасная мысль, что иностранныя войска вступятъ во Францію. Онъ желалъ бы, чтобы Бонапарте кончилъ жизнь на островѣ Эльбѣ или на днѣ морскомъ. Но послѣ того, какъ Наполеону удалось прибыть въ Парижъ, Дезожье предпочелъ бы видѣть его спокойно царствующимъ, чѣмъ допустить бѣдствія, которыя Державы готовятъ Франціи подъ предлогомъ ея освобожденія. Король для него ничто; но Франція, по словамъ его все.»

Впрочемъ Дезожье увѣрялъ меня, что не имѣлъ отъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Бонапарте никакихъ предписаній, кромѣ простыхъ отзывовъ о полученіи донесеній: и я ни сколько не согласенъ съ мнѣніемъ Бонпея о Дезожье: если онъ былъ менѣе приверженъ, то потому только, что поступалъ гораздо осторожнѣе насъ.

Въ это время, какъ Министръ Франціи употреблялъ всѣ усилія, чтобы склонить Державы къ новому обезпеченію цѣлости Франціи, Пруссія обнаружила желаніе увеличить свои владѣнія пріобрѣтеніемъ Алзаса, Лотарингіи и Французской Фландріи. Все это по правдѣ было требовано не для нея, но единственно для того, чтобы при раздѣлѣ нашихъ завоеваній можно было ей получить равное вознагражденіе. Мар-

князь Бонней, который также былъ извѣщенъ о намѣреніяхъ Пруссіи, имѣлъ разговоръ о томъ съ своимъ товарищемъ, Министромъ этой Державы въ Копенгагенѣ. Вотъ что сообщилъ мнѣ Бонней отъ 9 Мая:

Г. М . . . , отправленный, какъ ему извѣстно, въ Вѣну по назначенію Фуше, сдѣлалъ слѣдующія предложенія: «Не начинайте войны; «мы васъ избавимъ отъ этаго человѣка.—Хорошо, но напередъ избавьте же.—Хотите ли Римскаго Короля или регентство?—Нѣтъ.—Герцога Орлеанскаго? — Нѣтъ —Ну такъ Лудовика «XVIII; если непремѣнно того требуете, мы согласны, съ условіемъ однакоже, чтобы не было «дворянства, любимцевъ и особенно Блакаса.— «Хорошо, но напередъ избавьте насъ отъ Бонапарте и его рода.»

Далѣе Бонней писалъ мнѣ о Блакасѣ: «Я слышу отвсюду такія вещи, которыя крайне меня огорчаютъ на счетъ этого человѣка; общее мнѣніе осуждаетъ Блакаса, мнѣ кажется однакожс, что ему никто помѣшать не можетъ и присутствіе его при особѣ Короля, говорятъ, есть зло *неизбѣжное.* Я знаю Короля, знаю и Блакаса; послѣдній имѣетъ прямое сердце и добрыя намѣренія; всѣ его недостатки происходятъ лишь отъ избытка надменности; но онъ преданъ Королю, который никогда не захочетъ слушать объ немъ никакихъ толковъ. Можетъ

быть придетъ время, когда Принцамъ, Министрамъ и Иностраннымъ Державамъ можно будетъ упросить, чтобы его осыпали почестями и назначили первымъ посланникомъ (*). Онъ не хотѣлъ терпѣть меня при себѣ; я говорилъ и повторялъ ему, что онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ несправедливо, потому что, имѣя право ничего предъ нимъ не скрывать, я могъ быть полезенъ и ему самому и Государству. Если я не сообщилъ вамъ еще искренняго моего мнѣнія о Блакасѣ, вотъ оно: Я люблю и уважаю этаго человѣка; онъ страстно желаетъ пользы Государству и Королю, въ душѣ его много прямоты, въ умѣ есть здравыя мысли, а въ сужденіяхъ точность; познаній у него не много, но за то нѣтъ недостатка въ средствахъ и въ характерѣ. Въ чемъ же я могу его укорять? Во первыхъ, въ надменности, превышающей всякую мѣру, которой не могутъ служить извиненіемъ самыя блистательныя качества и которая внушаетъ ему мысль, что онъ выше всего и всѣхъ. Во вторыхъ, въ настойчивости, съ которою онъ всегда отвергаетъ сужденія другихъ, если онѣ не согласны съ собственнымъ его мнѣніемъ, хотябы оно было и самое

(*) Какъ Маркизъ Бонней предвидѣлъ, такъ и случилось: Графу Блакасу скоро былъ пожалованъ Герцогскій титулъ, а для пребыванія назначенъ Римъ, который почитается первымъ посланническимъ мѣстомъ.

ошибочное. Когда онъ не встрѣчаетъ противорѣчія или слышитъ сужденіе о предметѣ для него новомъ, о которомъ не произнесъ еще рѣшительнаго приговора, все идетъ, какъ нельзя лучше; въ противномъ же случаѣ онъ никогда не соглашается и никому не уступаетъ. Наконецъ въ желаніи исключительно пользоваться довѣренностію Короля; въ эгоизмѣ, съ которымъ онъ старается устранить всякое соперничество, боясь, чтобы ему не пришлось раздѣлить съ кѣмъ нибудь Королевской милости; этимъ самымъ онъ довелъ до того, что Король сдѣлался рѣшительно недоступенъ для другихъ.

«Изъ сказаннаго видно, что Блакасъ, не желая прослыть *любимцемъ*, просто мѣтитъ въ *первые Министры* Я радъ бы видѣть его на этомъ мѣстѣ, если бы онъ былъ къ тому способенъ, но . . . .

«Герцогъ Беррійскій имѣетъ у себя отличнаго человѣка, де ла Феронс. Во время кратковременнаго пребыванія моего въ Парижѣ, я мало съ нимъ видѣлся, но хорошо замѣтилъ, что онъ не доволенъ. Когда онъ былъ у меня, я не спрашивалъ его, кто именно причиною этого неудовольствія: Герцогъ или зять его Блакасъ. Если бы Герцогъ слушалъ ла Фероне, а не Жирардена, то не пришелъ бы въ такое затруднительное положеніе. Знаетъ ли по край-

нѣй мѣрѣ Герцогъ, что онъ не правъ? Убѣдился ли онъ въ томъ? Извѣщенъ ли о томъ Король? Я всегда обвиняю тѣхъ слабыхъ и боязливыхъ людей, которые не осмѣливаются говорить правду Государямъ. Могу васъ увѣрить, что когда я управлялъ дѣлами Короля и пользовался его довѣренностію, я рѣшительно ничего предъ нимъ не скрывалъ и долженъ прибавить, что онъ всегда былъ доволенъ. Въ перепискѣ моей съ нимъ, которая продолжается теперь два года, я сохранилъ туже откровенность.»

Извѣстно, что Бонапарте, предложивъ дополнительныя правила, относящіяся до Конституціи Имперіи, желалъ, чтобы они были приняты большинствомъ голосовъ, и, изъ притворной любви къ свободѣ, позволялъ излагать противныя мнѣнія. Флоріонъ Кергорлей написалъ опроверженіе, основанное въ особенности на послѣдней статьѣ, по которой Бурбоны лишались на всегда своихъ правъ. Его не безпокоили за такую смѣлость, благодаря Карно, который во многихъ обстоятельствахъ дѣйствовалъ превосходно. Я, напримѣръ, узналъ, что вступя въ управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ началъ съ того, что отдалъ приказъ Ла Валетту, получившему тогда снова мѣсто Главнаго Директора Почтъ, уважать тайну писемъ и отнюдь не вскрывать ихъ. —

Вотъ что сообщилъ мнѣ Бонней о протестѣ Кергорлея:

«Надѣюсь, Милостивый Государь, что вы столько же, какъ и я были довольны благороднымъ, сильнымъ и смѣлымъ сочиненіемъ лучшаго моего друга, Графа Кергорлея; каждая строка выражаетъ прекрасный его характеръ и цѣлое имѣетъ важность историческую. Дивясь такой отважности, многіе сомнѣвались въ достовѣрности этого сочиненія. Я не только убѣжденъ въ его дѣйствительности, но и надѣюсь притомъ, что авторъ не пострадаетъ. Не такъ опасно, какъ думаютъ быть прямымъ человѣкомъ и дѣйствовать по убѣжденію; лишь бы дѣло было правое: вы должны подавать голосъ, вы говорите, какъ велитъ ваша совѣсть и никто не можетъ обвинять васъ. Въ 1789 и 1790 противная партія конечно приказала бы повѣсить Кергорлея или ограбить его домъ. Но всесильный или по крайней мѣрѣ на все отважный Бонапарте не будетъ имѣть на то довольно духу, и славный протестъ Кергорлея произведетъ во Франціи чудесное дѣйствіе.

«Мнѣ кажется, что опасность, угрожающая Блакасу, съ каждымъ днемъ увеличивается; вліяніе его слабѣетъ и я сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ долго удержаться; во многихъ отношеніяхъ это будетъ чувствительная потеря для Короля, и я крайне сожалѣю, что онъ надѣ-

лалъ себѣ столько враговъ. Но всеобщее ожесточеніе противъ него слишкомъ сильно, чтобы ему можно было противиться; скажу болѣе, я совѣтовалъ бы ему для пользы Короля и для собственной выгоды не упорствовать долѣе Общее мнѣніе требуетъ удаленія его отъ дѣлъ, но желательно, чтобы онъ остался при Королѣ, хотя для того, чтобы устранять множество людей, которые въ самомъ дѣлѣ его не стоятъ, начиная съ Версальскихъ придворныхъ Я только что написалъ Блакасу цѣлыя двѣнадцать страницъ и изложилъ свои мысли такъ откровенно, какъ будто дѣло шло о постороннемъ. Еще разъ повторяю, я люблю и уважаю его; онъ былъ бы очень полезнымъ человѣкомъ, если бы не гордость и самонадѣянность его, которыя я не забылъ поставить ему на видъ. Не сомнѣваюсь, что онъ причинилъ отчасти и много вреда, но безъ него было бы еще хуже; если онъ останется при Королѣ (не вмѣшиваясь въ дѣла); то преградитъ путь многимъ злоупотребленіямъ, въ этомъ должно отдать ему справедливость»

Сверхъ того Бонней писалъ мнѣ отъ 29 Мая: «Кажется мы наконецъ сошлись во мнѣніяхъ нашихъ о Блакасѣ и я уже говорилъ вамъ, что писалъ къ нему со всею откровенностію на счетъ его положенія. Сожалѣю, что Короля напрасно безпокоятъ, но я замѣ-

тилъ, что недоброжелатели поступили этотъ разъ снисходительнѣе, нежели они обыкновенно дѣлаютъ съ людьми, пользующимися такою довѣренностію, какъ Блакасъ. По моему мнѣнію онъ все таки не можетъ остаться на своемъ мѣстѣ; въ противномъ случаѣ едвали Королю можно будетъ составить Министерство, которое Англичане называютъ полнымъ.»

Чтобы ни говорилъ Боннеи въ приведенномъ отрывкѣ изъ его корреспонденціи, я съ своей стороны могу увѣрить, что не очень согласенъ съ мнѣніемъ его на счетъ Блакаса, котораго всегда почиталъ главнымъ виновникомъ бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ Франціею въ 1815 году. Сверхъ того я былъ крайне удивленъ, прочитавъ въ одномъ изъ писемъ Боннея не выгодный отзывъ о Шатобріанѣ. Наполеонъ умѣвшій такъ хорошо цѣнить людей, когда онъ не былъ ослѣпленъ пристрастіемъ, прямо говорилъ друзьямъ своимъ на островѣ Елены, что если бы Шатобріанъ управлялъ дѣлами въ 1814 году, ему не удалось бы ничего предпринять; и въ этомъ я былъ всегда согласенъ. Вотъ еще послѣднія слова Боннея о Блакасѣ, которому, казалось, пора было раскаяться и оставить управленіе дѣлами, чтобы вторично не подвергнуть Францію опасности.

«Вы полагаете, Милостивый Государь, что Блакасъ оставляетъ службу; я думаю против-

ное: увидимъ, кто изъ насъ будетъ правъ. Мы имѣемъ объ немъ одинаковое мнѣніе; признаемъ его достоинства; но въ настоящемъ положеніи дѣлъ человѣкъ, такъ мало всѣми терпимый, какъ Блакасъ, можетъ только повредить Королю. Онъ играетъ теперь роль Мазарина, не соединяя въ себѣ его дарованій; но хотя бы онъ имѣлъ ихъ еще болѣе, хотя бы у него были твердость и характеръ Кардинала Ришелье, ему все-таки должно удалиться для собственной чести и для блага Франціи, и поберечь себя до благопріятнѣйшаго времени.

Послѣднія слова Боннея меня огорчили; мнѣ трудно было понять, какъ человѣкъ, обыкновенно столь благоразумный, могъ одобрять подобныя средства.

Digitized by Google

ГЛАВА XX.

Продолженіе переписки. — Герцогъ Орлеанскій. — Г-жа Жанлисъ. — Беньо. — Дандре. — Англе. — Мортье. — Фуше. — Лалли — Толендаль и Шатобріанъ. — Лудовикъ XVIII и его придворные. — Швейцарія. — Вандейцы, Герцогъ Бурбонскій и и ла Рошъ-Жакеленъ. — Еще Беньо. — Баронъ Луи, — Характеръ Брюжа. — Нѣчто о смерти Бертье — Нація и войско. — Герцогиня Ангулемская въ Вандеѣ. — Майское поле. — Бернадотъ и Мюратъ. — Слухи о Конгрессѣ. — Бенневентское Княжество. — Принцъ Евгеній. — Эрцъ-Герцогиня Марія Луиза. — Бернадотъ, Король Франціи. — О запрещеніи въѣзжать въ Парижъ, сдѣланномъ Мюрату Бонапартомъ; предводители народной партіи; произвольныя мѣры. — Стужа Сѣвера; Бонапарте въ латахъ. — Присоединеніе Турціи къ общему союзу. — Г. Ривіеръ. — Веллингтонъ; Принцъ Оранскій; Герцогъ Брауншвейгскій. — Свѣдѣнія, доставленныя Веллингтону о силахъ Французской арміи. — Г. Сталь. — Двѣ партіи во Франціи; республика и Бенжаменъ-Констанъ; Герцогъ Орлеанскій. — Дипломатическія награжденія. — Поццо-ди-Борго. — Ватерло. — Бюллетени. — Г. Сезъ. — Нѣчто о смерти ла Рошъ-Жакеленя. — Алостская армія. — Порожняя чаша. — Г. Алексисъ Ноель — Г. Рожеръ де Дамасъ. — Посольство. — Паденіе Наполеона. — Камбрейская прокламація. — Предвѣщаніе Буріенна. — Еще Г. Беньо. — Паскье, Барантъ, Гизо. — Іенскій мостъ. — Твердость Лудовика XVIII.

Продолжаю свои выписки и прошу читателя замѣтить, что сужденія, которыя онъ встрѣтить въ этой любопытной перепискѣ, принадлежатъ не мнѣ, а человѣку, достаточно знавшему положеніе тогдашнихъ дѣлъ, чтобы изобразить состояніе высшей партіи роялистовъ, какъ она была въ 1815 году; однакоже предразсудки Маркиза Боннея и отдаленіе его отъ политическаго поприща, не рѣдко подвергаютъ сомнѣнію точность этихъ показаній.

Я сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія въ мѣстахъ, которыя, по мнѣнію моему, требовали объясненій. Читателю легко будетъ замѣтить разницу въ сужденіяхъ моего остроумнаго корреспондента, прежде и послѣ происшествій 1815 года: По мѣрѣ того, какъ онъ знакомился съ людьми и съ обстоятельствами, сопровождавшими ихъ дѣйствія, понятія его объ нихъ дѣлались яснѣе, а приговоры безпристрастнѣе.

Копенгагенъ, Іюня 1815.

«Увѣренія ваши, что Герцогъ Орлеанскій не принялъ предложеній, сдѣланныхъ ему въ Парижѣ, много меня утѣшаютъ. Да сохранитъ его Богъ въ такомъ добромъ расположеніи! Въ прошедшемъ году, когда Герцогъ отправился изъ Лондона въ Сицилію за своею супругою и заѣзжалъ на самое короткое время въ Парижъ, то посѣтилъ прежде всѣхъ Г-жу Жан-

лись и оставался у нея до поздней ночи. Г-жа Жанлисъ разсказывала одному изъ моихъ знакомыхъ, что Герцогъ вспоминалъ все прошедшее и плакалъ вмѣстѣ съ нею.

«По послѣднимъ извѣстiямъ изъ Гента должно заключить, что въ самомъ дѣлѣ есть причина опасаться покушенiй на жизнь Короля. Разысканiе этаго дѣла поручено Гг. Беньо и Дандре. Я бы скорѣе употребилъ на то Г. Англе; хотя я не знаю его лично, но имѣю къ нему болѣе довѣренности: Князь Талейранъ писалъ мнѣ объ немъ съ похвалою.

«Что вы думаете о Мортье (*)? Онъ навлекъ на себя подозрѣнiе Бонапартистовъ въ Кале; и не смотря на то получилъ важное порученiе отъ Наполеона въ Валансьенѣ! Способенъ ли Мортье долго скрывать свои намѣренiя, чтобы послѣ неожиданнѣе и вѣрнѣе дѣйствовать въ пользу Короля? его почитали прежде (покрайнѣй мѣрѣ за границею) личнымъ другомъ Бонапарте, который совершенно на него полагался. Меня увѣдомили, что Фуше предлагаетъ свои услуги Королю; не знаю справедливо ли это извѣстiе.»

Копенгагенъ, Iюня 1815.

«Хотя журналъ, издаваемый въ Гентѣ, ниче-

(*) Я имѣлъ уже случай говорить, какъ поступалъ Мортье въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; онъ безкорыстно защищалъ Францiю.

го не упоминаетъ о воззваніи Короля къ Французскому народу, напечатанномъ отрывками въ Нѣмецкихъ газетахъ, я не сомнѣваюсь въ достовѣрности этой прокламаціи и почитаю Лалли-Толендаля ея сочинителемъ; въ ней еще болѣе лишняго, чѣмъ въ донесеніи Шатобріана, которое такъ многословно. Желательно, чтобы пріѣздъ Талейрана положилъ конецъ всѣмъ этимъ безполезнымъ мѣрамъ.

«Какимъ образомъ, скажите, Гг. Шатобріанъ (*) и Лалли попали въ совѣтъ? Не думаю, чтобы Жокуръ могъ оказать имъ такое покровительство. Кромѣ Блакаса никто, кажется, не пользуется довѣренностію Короля, и я не полагаю, чтобы Граммонъ и Дюрасъ имѣли столько вліянія. Вообще Король не допускаетъ своихъ придворныхъ вмѣшиваться въ политическія дѣла (**).

«Швейцарія слушается совѣтовъ хитраго Лагарпа и я опасаюсь, что она не захочетъ присоединиться къ общему дѣлу. Но храбрость Швейцарцевъ пробудится, лишь только дѣла

(*) Нужно ли при этомъ случаѣ замѣтить, что никто болѣе Шатобріана не имѣлъ права присутствовать въ совѣтѣ Короля. Чтоже касается до сравненія его отчета съ сочиненіемъ Лалли, я столь же мало ручаюсь за литературныя мнѣнія Маркиза Боннея, какъ и за приговоры его этимъ лицамъ.

(**) Лудовикъ XVIII дѣйствительно держался сего рѣдкаго правила. Личная привязанность почти никогда не мѣшала ему достойно цѣнить способности окружавшихъ его людей.

Бонапарте примутъ дурной оборотъ; ихъ Ландманъ очень хорошо отвѣчалъ Коленкуру.»

Іюня 1815.

«Вы правы, Милостивый Государь; извѣстія съ каждымъ днемъ становятся благопріятнѣе и все доказываетъ, что обстоятельства приняли невыгодный оборотъ для Бонапарте. Союзнымъ Державамъ должно теперь поспѣшить на помощь роялистамъ и храбрымъ Вандейцамъ. Я готовъ плакать отъ стыда и досады, если Герцогъ Бурбонскій до сихъ поръ не соединился съ ла Рошъ-Жакленемъ.

«Я никогда не говорилъ съ Г. Бенью; онъ человѣкъ видный и прекрасной наружности, но неспособный дѣйствовать самостоятельно. Не принимаю въ немъ никакого участія, радуюсь только, что онъ не измѣнилъ законному дѣлу. Однакоже, если онъ остался въ Парижѣ, я бы не пригласилъ его въ Гентъ.

«Изъ разговора вашего съ Барономъ Луи (1) я вижу, что онъ все еще принадлежитъ къ *Конституціонной партіи* 1790 года; эти люди никогда не исправятся; я питаю къ нимъ особенную недовѣрчивость и всячески ихъ ос-

(1) Нельзя лучше похвалить непоколебимой честности и искуства въ финансовомъ управленіи Барона Луи, *отказавшагося выдать Королевскую казну, чтобы явиться къ Людовику XVIII съ чистою совѣстію и съ чистыми руками.* Нельзя также дать лучшаго понятія о невѣденіи придворныхъ людей въ финансовыхъ дѣлахъ.

терегаюсь. Баронъ Луи поступилъ не рѣшительно, отказавшись выдать казну, подъ предлогомъ отвѣтственности. Мнѣ кажется, однакоже, въ послѣдствіи онъ ясно доказалъ Королю свое безкорыстіе—Не знаю, можно ли ему было въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ держаться лучшей системы финансовъ; но долженъ признаться, что онъ дѣйствовалъ успѣшно и умѣлъ поддержать свое Министерство въ продолженіи цѣлыхъ десяти мѣсяцевъ. Радуюсь, что теперь по крайнѣй мѣрѣ есть у Короля человѣкъ, понимающій, что значитъ заемное письмо; въ теченіи двадцати трехъ лѣтъ ни одинъ изъ приближенныхъ Его Величества не понималъ этой части и теперь только Баронъ Луи можетъ управлять ею.

«Я имѣлъ случай, именно сего дня, говорить объ васъ съ Розенкранцемъ. Этотъ Министръ отдаетъ полную справедливость вашимъ дарованіямъ, я съ своей стороны далъ ему почувствовать, что поступки ваши заслуживаютъ также всякую похвалу; онъ не переставалъ говорить, что вы имѣете всѣ нужныя качества, чтобы съ пользою служить Королю, а я прибавилъ, что вы готовы употребить ихъ на защиту праваго дѣла, въ которомъ принимаетъ участіе вся Европа. Датскій Король совершенно увѣренъ въ послѣднемъ.

«Вы сообщили мнѣ извѣстіе, совершенно для

меня новое; я не зналь, что вы приказали задержать Фуше. Такая рѣшимость приноситъ вамъ много чести и я сожалѣю о тѣхъ, которые побоялись прежде это сдѣлать. У честныхъ людей вообще мало твердости. Должно похвалить въ этомъ случаѣ Блакаса; правду сказать, я не удостовѣрился на опытѣ въ твердости его характера; но если вы въ томъ не сомнѣваетесь, я готовъ вѣрить вмѣстѣ съ вами. Г. Брюжъ также человѣкъ рѣшительный; но онъ слишкомъ вспыльчивъ и слишкомъ скоро предается гнѣву. Я напротивъ стараюсь сохранять наружное хладнокровіе и обыкновенно тогда бываю рѣшительнѣе въ своихъ поступкахъ. Если же выйду изъ себя, то лишаюсь половины той твердости, которая извѣстна Блакасу и другимъ придворнымъ.

Нынѣшній день у меня мало свободнаго времени и я долженъ торопиться. Если Бертье дѣйствительно упалъ съ четвертаго этажа, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ. Вы спросите меня по какой причинѣ? напомните мнѣ, что онъ говорилъ вамъ въ Брисселѣ (*); но знаемъ ли мы какъ онъ поступалъ послѣ того? Судя по нѣкоторымъ Нѣмецкимъ газетамъ, онъ находился подъ присмотромъ Полиціи и хотѣлъ тайнымъ образомъ возвратить-

(*) Бертье увѣрялъ меня въ непоколебимой преданности своей къ Королю.

ся во Францію. Можетъ быть онъ навлекъ на себя подозрѣніе переписскою, которая была перехвачена.

«Вы все объяснили и доказали превосходною статьею вашею о различіи между *Французскою націею и арміею*. Но намъ объявляютъ, что: *если нація будетъ защищать Государство, то учинитъ это для сохраненія его своему Королю*. Слѣдовательно допускаютъ, что *нація* можетъ дѣйствовать за одно съ *арміею*.»

Копенгагенъ, 17 Іюня 1815.

«Наконецъ этотъ Конгрессъ кончился. Талейранъ увѣдомляетъ меня отъ седьмаго Іюня, что онъ подпишетъ протоколъ 9 числа и послѣ того немедленно отправится въ Гентъ. Для окончательныхъ распоряженій останется Герцогъ Алберіъ.

«Я охотно вѣрю предпріятію Герцогини Ангулемской и радуюсь намѣренію ея отправиться въ Вандею. Одна изъ ея придворныхъ дамъ писала мнѣ отъ 31 Мая: «Въ воскресенье Герцогиня ѣдетъ обратно въ Англію; она предпринимаетъ важное дѣло; да благословитъ ее Богъ! Это сущая Марія Терезія. Провидѣніе сотворило ее, кажется, именно для настоящихъ обстоятельствъ.» Я много ожидаю отъ Герцогини Ангулемской и совершенно на нее надѣюсь.

«Не смотря на увѣренія Парижскихъ Жур-

паловъ, я убѣжденъ, что Майское поле никого не обмануло во Франціи и не доставило Бонапарте ни одного защитника. Жители Парижа слишкомъ привыкли къ такимъ зрѣлищамъ и пожимаютъ только плечами. Одиннадцать Департаментовъ, которые отказались прислать Депутатовъ, поступили рѣшительнѣе другихъ; и если разберемъ рѣчь Бонапарте, то увидимъ, что онъ внутренно не имѣетъ той самонадѣянности, которую старается показывать.

«Я вижу, Милостивый Государь, что наскучилъ вамъ частыми повтореніями о Бернадотѣ (*). Увѣряю васъ, что я не люблю, не уважаю и не боюсь этого человѣка; если бы я былъ въ Лиссабонѣ, то давно бы забылъ, что онъ существуетъ; къ несчастію онъ у меня здѣсь на глазахъ; всякой день только и слышу, что объ немъ; съ каждымъ курьеромъ получаю новыя доказательства, подтверждающія мое объ немъ мнѣніе; тысячу разъ въ день имѣю случай досадовать, что ему оказываютъ такое почтеніе. — Если его не знаютъ въ Гентѣ, то уже вѣрно не я тому причиною. — Паденіе Мюрата было для него чувствительно. Онъ вѣроятно будетъ сожалѣть, что отказался отъ субсидій;

(*) Маркизъ Бонней, по причинѣ политическихъ своихъ мнѣній, не отдавалъ должной справедливости Бернадоту, который возвысился храбростію и личными достоинствами, а не милостію Наполеона. Читателю извѣстно, какъ я о томъ думаю.

но теперь уже нельзя того поправить.

«Не знаю, извѣстно ли вамъ, Милостивый Государь, что Беневентское Княжество назначено во владѣніе Талейрану. Папа однакожъ не намѣренъ отъ него отказаться.—Кажется Императоръ Александръ писалъ еще разъ изъ Мюнхена въ Вѣну, чтобы Принцу Евгенію назначили пятьдесятъ тысячъ душъ въ Италіи. — Не извѣстно, что будетъ съ Пармою и Піаченцою; Г. Лабрадоръ, конечно не подписалъ распоряженія, по которому Эрцъ-Герцогиня должна пожизненно владѣть этими Княжествами, а Королева Этрурская съ сыномъ довольствоваться Луккою и Піомбино, которыя въ послѣдствіи присоединятся къ Тосканѣ, когда Парма и Піаченца будутъ возвращены настоящему ихъ владѣтелю. Земли, проданныя Папѣ, будутъ простираться не далѣе рѣки По.—За точность этихъ извѣстій не могу ручаться, потому что они сообщены мнѣ не Талейраномъ.

P. S. «Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о Бернадотѣ. Нельзя ли предположить, что найдется Государство, которое, по родственнымъ связямъ и изъ видовъ политики, со временемъ пожелаетъ видѣть сына Густава на престолѣ Швеціи. Онъ былъ бы безопаснымъ сосѣдомъ со стороны Финляндіи и имѣлъ бы должное уваженіе, какъ племянникъ, всемъ обязанный своему дядѣ. Слѣдовательно несравненно удоб-

нѣе помѣстить Бернадота въ другомъ выгоднѣйшемъ мѣстѣ; напримѣръ, Лудовикъ XVIII и его семейство могутъ не полюбиться Франціи, и говорятъ, что во время переговоровъ въ Трахембергѣ обѣщано постараться за Бернадота. Разумѣется, по мнѣнію вашему, такое предпріятіе несбыточно; я совершенно съ вами согласенъ; желаю, надѣюсь и увѣренъ, что этого не случится, но не отвергаю возможности подобнаго намѣренія.»

П. Р. 20 Іюня 1815.

«Вы предупредили меня, Милостивый Государь, вашею статьею объ исчисленіи голосовъ въ пользу дополнительныхъ постановленій конституціоннаго акта. Я хотѣлъ просить васъ заняться этимъ предметомъ, но былъ увѣренъ, что вы сами то сдѣлаете. Надобно или не вѣрить Барему или согласиться, что исчисленія ваши вѣрны. Не глупо ли, что во Франціи до сихъ поръ никто этого не сдѣлалъ.

«Бонапарте запретилъ Мюрату пріѣзжать въ Парижъ и высылаетъ оттуда кого ему угодно; а между тѣмъ насъ увѣряютъ, что конституція его находится во всей силѣ: Это забавно! Я знаю, что онъ не дорожитъ общимъ мнѣніемъ и надѣется скоро унять наглыхъ демагоговъ, которыми наполнилъ палату Депутатовъ; однакожъ неосторожно провозглашать свободу и въ тоже время дѣйствовать само-

властно. Впрочемъ не должно ничему удивляться . . . . .

«Вотъ все, что я могу сообщить вамъ изъ Копенгагена. По пріѣздѣ въ Данію я не могъ переносить стужи, но такъ хорошо окуталъ себя фланелью, что уже нѣсколько мѣсяцевъ не боюсь простуды. Совѣтую вамъ сдѣлать тоже. Не знаю лучше ли моихъ латы Бонапарте. Я желалъ бы удостовѣриться въ томъ какимъ нибудь особеннымъ орудіемъ.

«Отправляйтесь, Милостивый Государь, скорѣе въ Гентъ или въ Антверпенъ и похлопочите, если можете, чтобы не назначали людей, каковы Берноивиль и Вобланъ (Префектъ города Метца) Королевскими Коммисарами въ Прусскую армію. Прусскій Король конечно не забылъ, что имѣлъ честь принимать перваго Посланникомъ Республики, единой и нераздѣльной. Я не смѣю обвинять Талейрана въ подобномъ выборѣ и надѣюсь, что онъ сдѣланъ безъ его вѣдома. Вамъ конечно извѣстно, кому еще поручены подобныя должности: Князь Луксенбургскій и Г. Капелль, Префектъ Женевскій, назначены къ Веллингтону; Графъ Рожеръ Дамасъ и молодой Баронъ Талейранъ, Префектъ Орлеанскій, къ Австрійцамъ; Князь Ришелье и какой-то Монье, котораго я не знаю, къ Русскимъ, а Юлій Полиньякъ въ Австрійско-Ломбардскую армію.

«Объявленіе, напечатанное 20 Марта въ журналѣ, подъ названіемъ Borsen-Hall, насъ очень потревожило; всего досаднѣе, что мы можемъ пробыть еще двое сутокъ въ недоумѣніи. Если однакожъ между тѣмъ не пріѣдетъ курьеръ или эстафета, я начну думать, что дѣло не такъ важно или не совсѣмъ худо кончилось: неблагопріятныя извѣстія обыкновенно приходятъ гораздо скорѣе. Признаюсь, мнѣ не нравится, что Бонапарте предупредилъ Веллингтона ночнымъ нападеніемъ; вообще терпѣть не могу этихъ сраженій, *нерѣшенныхъ еще при отправленіи курьера*: это обыкновенная уловка, которою стараются обмануть, когда дѣло проиграно. До слѣдующаго вашего письма я не буду спокоенъ.

«Вы увѣдомляете меня отъ 20 числа, что Турція присоединилась къ общему союзу; я совершенно того не зналъ и не могу скрыть своей радости. Но за чѣмъ Ривіеръ отправился въ Испанію? теперь всякій долженъ находиться на своемъ мѣстѣ, и въ Константинополѣ слѣдовало оставить надежнаго человѣка. Признаюсь, Бонапарте не очень будетъ радъ такимъ доказательствамъ всеобщей любви.

«Прибытіе Шведской эстафеты, наконецъ меня успокоило; дѣло, происходившее 16 числа, кончилось благополучно; оно вѣроятно началось уже 15 и я не могу понять, какъ Вел-

лингтонъ не предупредилъ нападенія. Онъ отправился изъ Брюсселя для наблюденій 16 числа утромъ, полагая къ вечеру возвратиться и встрѣтилъ непріятеля въ шести верстахъ отъ своего дома. Принцъ Оранскій славно выдержалъ натискъ и отразилъ Бонапарте, у котораго было восемьдесятъ тысячъ войска; въ письмѣ однакожъ сказано, что ему это *дорого стоитъ*. Я не буду оплакивать Герцога Брауншвейгскаго: онъ былъ полезенъ только въ день сраженія. Послѣ-завтра ожидаю подробныхъ извѣстій.

«Одному Офицеру удалось 4 Іюня уѣхать изъ Парижа; надѣясь на свою память, онъ не взялъ съ собою никакихъ документовъ и изустно сообщилъ Веллингтону важныя подробности о силѣ и расположеніи Французской арміи. Число линейныхъ войскъ, съ тѣми, которыхъ ожидаютъ прибытія, простирается до 227,000. Національная гвардія состоитъ изъ ста или полутораста тысячъ человѣкъ. Пѣхота очень хорошо устроена, а кавалерія не имѣетъ даже необходимой одежды. Легкая артиллерія находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ можно было ожидать и имѣетъ пять сотъ орудій. Укрѣпленныя мѣста вообще дурны и нуждаются въ припасахъ, кромѣ Лилля, Валансьенна и Конде, куда отправлены часть Національной гвардіи и войско, сформированное изъ старыхъ

солдатъ. Надѣюсь скоро услышать о сдачѣ котораго нибудь изъ этихъ мѣстъ.

«И такъ первое предпріятіе не удалось Бонапарте. Союзныя Державы сдѣлали важный шагъ. Теперь не должно медлить и Австрійцамъ придется дѣйствовать, не дожидаясь Русскихъ. Они стоятъ въ виду непріятеля, котораго силы едвали простираются до сорока тысячъ.

«Г. Сталь въ письмѣ отъ 2 Мая (которое адресовано имъ, можетъ быть прямо Наслѣдному Принцу) говоритъ, что Бонапарте не удержится и что Франція раздѣлена на двѣ партіи: одна провозглашаетъ республику и имѣетъ въ Бенжаменъ-Констанѣ самаго ревностнаго защитника; другая дѣйствуетъ въ пользу Герцога Орлеанскаго; къ этой послѣдней принадлежатъ всѣ тѣ, которые не ожидаютъ отъ Короля пощады.

«Талейранъ уступаетъ Беневентское Княжество Неаполитанскому Королю; мнѣ неизвѣстно, однакожъ за какую сумму. Послѣднему предоставлено вознагражденіе Вице-Короля. Возвращая ему Королевство, полагали при этомъ случаѣ удовлетворить и частныя выгоды.

«Распоряженія Конгресса не могли быть подписаны ранѣе 10 числа: вотъ почему Талейранъ замедлилъ своимъ отъѣздомъ. Баварія и Виртембергское Королевство изъявили наконецъ

согласіе на принятіе новой Германской конституціи. Бадену надлежало согласиться послѣ всѣхъ. Я уже писалъ вамъ, что Испанскій Министръ не хотѣлъ одобрить постановленій Конгресса. Въ нихъ ничего не упоминается о семи островахъ.

«Говоря о Поццо-ди-Борго, вы называете, Милостивый Государь, искреннѣйшаго моего друга. Я за него отвѣчаю, какъ за самаго себя. Король не имѣетъ лучшаго и полезнѣйшаго защитника. Въ продолженіи шестнадцати лѣтъ, я сердечно къ нему привязанъ и всегда былъ одинаковыхъ съ нимъ мнѣній. Давно говорю, что въ цѣлой Европѣ не знаю человѣка, способнѣе дѣйствовать противъ Бонапарте, который отчасти много обязанъ ему первымъ своимъ паденіемъ. Надѣюсь, что и теперь онъ намъ въ этомъ поможетъ. Поццо-ди-Борго имѣетъ непоколебимый характеръ, благородную душу, и никогда не измѣняетъ своимъ правиламъ. Замѣчу только, что ему иногда не худо имѣть при себѣ человѣка, который бы могъ умѣрять его пылкость.»

Копенгагенъ, 27 Іюня 1815.

«Случаются происшествія столь важныя, столь необъятныя въ своихъ послѣдствіяхъ, что умъ сначала ихъ не постигаетъ и не скоро вѣритъ самой истинѣ, какъ бы ни была она привлекательна. Вотъ какое впечатлѣніе

произвело на меня прибавленіе, напечатанное въ журналѣ Borsen-Hall. Въ самомъ ли дѣлѣ отбито у непріятеля 200 орудій и взято 15,000 плѣнныхъ? Это превосходитъ вѣроятіе! Бонапарте погибъ безвозвратно, если слѣдующая почта подтвердитъ это счастливое извѣстіе; и такимъ образомъ предсказаніе ваше о возвращеніи Короля во Францію, въ Августѣ мѣсяцѣ, должно исполниться.

«Теперь наступило время отпаденій. Блюхеръ будетъ дѣятельно преслѣдовать непріятеля. Войскамъ и всѣмъ приверженцамъ Бонапарте предстоитъ хорошій случай покинуть его и возвратиться къ законному Королю. Какая важная побѣда, Милостивый Государь! слѣдствія ея будутъ самыя рѣшительныя.

«Я готовъ избавить васъ при этомъ случаѣ отъ вопроса, на который впередъ знаю вашъ отвѣтъ. Позвольте мнѣ, однакоже, не сомнѣваться, что во Франціи и въ Парижѣ скоро узнаютъ всю истину. Какъ жестоко были обмануты слабые и легковѣрные люди первыми объявленіями Бонапарте! Какой онъ мастеръ лгать! Если справедливо и если въ Парижѣ узнаютъ, что онъ лишился 200 орудій, составлявшихъ всю артиллерію большой дѣйствующей его арміи, что 25,000 человѣкъ осталось на мѣстѣ и 15,000 съ половиною взято въ плѣнъ; что союзныя Державы готовы вступить

во Францію съ тремя стами тысячъ и еще болѣе, и что наконецъ ихъ можно остановить однимъ словомъ; неужели тогда не произнесутъ это слово? неужели оно не повторится во всей его арміи?

«Я теряюсь въ догадкахъ; тщетно стараюсь размышлять и надѣяться. Никогда мысли мои не были такъ встревожены. Съ нетерпѣніемъ ожидаю, чѣмъ все это кончится. Талейранъ уже въ Гентѣ; что онъ будетъ тамъ дѣлать? Какъ поступитъ Король? Какая партія восторжествуетъ? Вотъ вопросы, которые я безпрестанно себѣ дѣлаю. Не думаю, чтобы между Талейраномъ и Блакасомъ утвердилось согласіе; а Королю нельзя обойтись безъ перваго; пожертвовать послѣднимъ ему также невозможно. Какое затрудненіе! Но чему быть, того не миновать! Я останусь доволенъ, лишь бы изъ всего этого произошло *единство* во всѣхъ частяхъ управленія, подъ вліяніемъ одного начальствующаго лица.

«Говорятъ, что Десезъ начинаетъ играть важную роль; я знаю съ какимъ самоотверженіемъ, какъ смѣло и какъ искусно онъ защищалъ Лудовика XVI; но мнѣ неизвѣстно, способенъ ли онъ быть человѣкомъ Государственнымъ.

«Весьма желаю, Милостивый Государь, чтобы васъ ничего болѣе не удерживало, и чтобы вы могли скорѣе посвятить Королю ваши спо-

собности, вашъ умъ, ваше усердіе, однимъ словомъ всѣ средства, которыми вы обладаете. Что касается до меня, я лишенъ почти всѣхъ этихъ средствъ и начинаю сожалѣть о преклонности моихъ лѣтъ. Старость никогда меня не устрашала и не тревожила; даже теперь не дорожу жизнію и не прошу Бога продлить ее долѣе назначеннаго мнѣ срока; но желалъ бы помолодѣть 25 или 30 годами (мнѣ 65), чтобы получить прежнія силы для посвященія ихъ полезнымъ услугамъ. Я сдѣлался почти неспособнымъ человѣкомъ и говорю это съ намѣреніемъ, чтобы вы, Милостивый Государь, не имѣли и не старались подать обо мнѣ такое мнѣніе, которое я не въ состояніи оправдать.

«Вчерашній день я отправился за городъ и возвратился домой только сегодня къ обѣду, вотъ почему у меня не достаетъ времени, чтобы писать вамъ нынѣшній разъ много; подробности мои, я думаю, давно уже вамъ наскучили и должны казаться безполезными; но нечего дѣлать: старики обыкновенно болтливы. Буду отвѣчать коротко на ваше письмо.

«Надобно пожалѣть о смерти ла Рошъ-Жакеленя; но *uno avulso, non deficit alter.*

«Должно ли вѣрить слуху, что не большую Алосткую армію посылаютъ въ тылъ непріятеля? Это, мнѣ кажется невѣроятно, и было бы противно назначенію ея въ Вандею. Если

Мобежъ или какое нибудь другое укрѣпленное мѣсто покорится Королю, я надѣюсь, что онъ немедля займетъ его съ главными своими силами или, по крайней мѣрѣ, съ частію ихъ.

«Я не получалъ изъ Гента послѣдняго вашего дипломатическаго циркуляра. Одинъ знакомый мнѣ старичекъ говаривалъ: *лучше имѣть пустую чашу, чѣмъ опорожненную.* Эти слова, не заключающія для многихъ никакого смысла, имѣютъ для меня большое значеніе. Я, напримѣръ, лучше люблю совсѣмъ не получать писемъ, чѣмъ читать въ нихъ пустыя или несбыточныя извѣстія.»

1 Іюля 1815.

«Я уже сказалъ, что почитаю себя неспособнымъ занимать какую нибудь должность по внутреннему управленію; но за границею, надѣюсь быть полезнѣе многихъ, и желалъ бы получить мѣсто посланника при дворѣ значительнаго Государства. Талейранъ назначилъ въ разныя посольства молодыхъ людей, которые, хотя и оправдываютъ его выборъ, но обязаны болѣе своимъ связямъ и покровительству. Талейранъ очень ошибается, если думаетъ, что напримѣръ Алексисъ Ноель (впрочемъ весьма достойный молодой человѣкъ) будетъ имѣть большую значительность при Вѣнскомъ дворѣ.

«Предметъ всѣхъ моихъ желаній есть Вѣна, гдѣ я оставилъ множество друзей. Увѣряютъ

однакожъ, что Меттернихъ, изъ боязни ко мнѣ, предупредилъ Талейрана, и имѣетъ въ виду Рожера Дамаса; я легко отгадываю причину такого предпочтенiя: съ Дамасомъ онъ можетъ дѣлать, что ему угодно, а я всегда дѣйствовалъ самостоятельно.

«Уѣзжая изъ Вѣны, я писалъ Блакасу, что *на первый случай* не гожусь туда посланникомъ. Всѣ знали меня тамъ эмигрантомъ и сначала я не могъ бы имѣть значительнаго влiянiя. Мнѣ надлежало прежде нѣсколько возвыситься и теперь я начинаю думать, что посольство въ Копенгагенъ, при всей своей маловажности, къ тому уже способствовало. Мнѣ остается узнать, доволенъ ли Талейранъ исполненiемъ этого порученiя, и я надѣюсь, что вы меня о томъ извѣстите послѣ перваго съ нимъ свиданiя.

«Вѣна есть для меня идеалъ счастiя и мѣсто, гдѣ я могу оправдать ожиданiя Короля. Талейрану, безъ всякаго сомнѣнiя, извѣстно, какъ меня тамъ всѣ любятъ и почитаютъ. По отношенiямъ моимъ къ Министру, я скоро снискалъ бы его довѣренность, но никогда не подчинилъ бы себя его влiянiю. Сомнѣваюсь чтобы Герцогъ Альбергъ, послѣ прiема, сдѣланнаго ему тамошнимъ обществомъ, пожелалъ туда возвратиться.— Послѣ Вѣны избралъ бы я Неаполь, но какая для меня разница! Послѣ

Неаполя — Туринъ. За исключеніемъ этихъ мѣстъ, я ничего не желаю и вообще думаю, что буду полезнѣе за границею, чѣмъ внутри Государства.»

2 Іюля 1815.

«Надѣюсь, Милостивый Государь, что мое письмо не застанетъ васъ болѣе въ Берлинѣ, или, хотѣлъ я сказать, въ Гамбургѣ . . . . отъ радости самъ не знаю, что пишу: сегодня утромъ въ половинѣ десятаго часа, получилъ я счастливую вѣсть объ арестованіи и сверженіи Бонапарте, привезенную изъ Гаги Шведскимъ Курьеромъ Г-ну Таварту, который сообщилъ о томъ въ Штокгольмъ. Подробности еще неизвѣстны. Теперь-то республиканцамъ, анархистамъ и всевозможнымъ партіямъ во Франціи предстоитъ обширное поле дѣйствія; но . . . . меня ничего болѣе не тревожитъ. . . . . »

Копенгагенъ 4 Іюля 1815.

«Не нахожу выраженій для описанія моихъ мыслей и чувствованій; цѣлую недѣлю я въ восторгѣ отъ радости, которая съ каждымъ днемъ увеличивается. Посмотрите, Милостивый Государь, какъ скоро замолкли всѣ эти *партіи*, которыми стращали легковѣрныхъ; теперь невольно вспомнишь слова Пѣснопѣвца: *et non potuerunt stare.* О республикѣ не было и помину; признаться, я этого не ожидалъ, но еще менѣе думалъ, чтобы самые перы Бонапарте

отвергли его сына, и Принца Евгенія, и Герцога Орлеанскаго. Могли ли они яснѣе сказать, что не хотятъ никого, кромѣ Лудовика XVIII (*) ? . . . .

«Постарайтесь, Милостивый Государь, если можно, чтобы не стали поощрять теперь людей неспособныхъ, приносившихъ старому правленію вмѣсто пользы одинъ вредъ, и готовыхъ гордиться тѣмъ, что они двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ были кандидатами должностей, которыя занимаютъ теперь при дворѣ.

«Обращаюсь снова къ Камбрейской прокламаціи, которая, по истинѣ, есть совершенство; она говоритъ все, что должно, ясно и справедливо ограничиваетъ амнистію, представляетъ счастливое соединеніе милости и правосудія и, сверхъ того, никого не обманываетъ. Виновные, которые не вправѣ ожидать прощенія, знаютъ свою участь, а потому прочіе поспѣшатъ отъ нихъ отдѣлиться. Тѣ, которые возстали противъ Короля не ранѣе возвращенія Бонапарте въ Парижъ, знаютъ, что покорясь немедленно, будутъ прощены и что дальнѣйшимъ сопротивленіемъ навлекутъ справедливое наказаніе. Я ожидаю самыхъ спасительныхъ дѣйствій отъ этой прокламаціи.

(*) Замѣчаніе весьма справедливое, вопреки предразсудкамъ автора.

«Остается убѣдить Короля въ истинѣ, по мнѣнію моему, математической. Онъ занялъ уже славное мѣсто въ исторіи по своему уму, по своимъ добродѣтелямъ и по неисчерпаемому милосердію. Онъ долженъ теперь доказать свѣту, что это милосердіе не есть слабость; и онъ въ томъ успѣетъ, если поступитъ рѣшительно, осуждая однихъ виновныхъ и награждая только достойныхъ. Пусть наказываетъ и награждаетъ многихъ, лишь бы только по заслугамъ, и Европа узнаетъ, что онъ, по долгу Монарха, умѣлъ пріобрѣсть твердость, которая была не свойственна его характеру.

18 Іюля 1815.

«И такъ вы возвратились въ Парижъ не въ Августѣ мѣсяцѣ, а уже восьмаго Іюля и находились тамъ при въѣздѣ Короля; честь и слава вамъ, Милостивый Государь, за *предсказаніе*! Надѣюсь получить отъ васъ письмо по первой почтѣ (*).»

25 Іюля 1815.

«Меня крайне удивляетъ, Милостивый Государь, что вамъ не поручили до сихъ поръ никакой должности; съ сожалѣніемъ вижу, что мѣста раздаются людямъ вовсе неспособнымъ.

(*) Лудовикъ XVIII, оставляя Францію, пробылъ три дня въ Лилѣ у Г. Бриглюда, мера этаго города; я удостоился нѣсколько разъ обѣдать съ Королемъ и, какъ вспомнитъ читатель, предсказалъ Его Величеству, что онъ возвратится въ отечество и вступитъ въ свои права *прежде трехъ мѣсяцевъ*.

При первомъ случаѣ вамъ придется объяснить мнѣ много вещей; а пуще всего не забудьте увѣдомить меня, какъ намѣрены васъ употребить и что вы думаете дѣлать.

«Вотъ нѣсколько вопросовъ, Милостивый Государь, на которые прошу васъ отвѣчать какъ умѣете и въ какое время вамъ угодно: когда и гдѣ рѣшились на избраніе Фуше, кто именно къ тому способствовалъ и расположенъ ли къ нему Король? Почему Беньо, который управлялъ съ такимъ нерадѣніемъ Полиціею, поручена должность, требующая самого бдительнаго надзора?

«Я все еще думаю, что Талейранъ не даромъ пригласилъ васъ въ Парижъ (*). Избраніе Баранта и Гизо дѣлаетъ ему много чести; но между префектами, что за имена! . . . Европа съ нимъ примирилась; однакоже, если онъ не оправдаетъ ея ожиданій, то подвергнетъ себя большой отвѣтственности. Вамъ извѣстно, въ какихъ я нахожусь съ нимъ отношеніяхъ и, если мнѣ придется перемѣнить доброе о немъ мнѣніе, я буду крайне огорченъ за Францію и за Короля. Талейранъ продолжаетъ васъ принимать къ себѣ, не запрещаетъ вамъ говорить строгія истины, самъ пригласилъ васъ для участія въ дѣлахъ Государства, и невѣроятно, чтобы онъ могъ такъ скоро перемѣнить свой

(*) Талейранъ, однакоже, не поручилъ мнѣ никакой должности.

образъ мыслей и свои намѣренія.

«Благодарю васъ, Милостивый Государь за примѣчательную выписку изъ собственноручнаго письма Короля къ Талейрану (*) на счетъ Уенскаго моста. Французы долго употребляли во зло преимущества, которыя давала имъ побѣда надъ Пруссаками Увы! когда то правда и миръ возродятъ на землѣ согласіе! Противуположность дѣйствій Пруссаковъ съ поступками Англичанъ произведетъ политическое слѣдствіе, со временемъ безконечно полезное.»

Копенгагенъ, 1 Августа 1815.

«Теперь, когда иностранныя войска покрываютъ Францію; когда истина, послѣ всеобщаго заблужденія, начинаетъ обнаруживаться, должно болѣе всего желать, чтобы союзныя Державы скоро и рѣшительно объявили свои намѣренія и условія, на которыхъ они готовы вывести войска изъ Франціи и признать неприкосновенность ея границъ. Имъ остается одно это средство для нашего и собственнаго ихъ спасенія. Иначе мятежная армія пріобрѣтетъ снова народное расположеніе и самые Роялисты будутъ принуждены соединиться съ нею для защиты отечества. Если дойдетъ до

(*) Всѣмъ извѣстно, что Лудовикъ XVIII изъявилъ въ этомъ письмѣ рѣшительное намѣреніе стать на мостъ въ минуту взрыва, еслибы Пруссаки дѣйствительно захотѣли истребить этотъ памятникъ Французской славы.

такой крайности, то нѣтъ сомнѣнія, что во Франціи возгорится самая истребительная и кровопролитная война. Полагаю однакоже, что армія, для которой Бонапарте не можетъ болѣе существовать, покорится теперь совершенно Королю.

Digitized by Google

ГЛАВА XXI.

Предсказаніе, которое исполнилось.— Я уѣзжаю изъ Гамбурга. — Король въ Сентъ-Дени.—Необыкновенное скопленіе народа.—Удивленіе моего семейства.— Фуше, Министръ Короля и мое изумленіе.—Прекрасное восклицаніе Шатобріана.—Фуше желаетъ имѣть свое возстановленіе. — Замедлѣніе прибытія Короля въ Парижъ.— Слѣдствіе сего замедлѣнія.— Нерасположеніе Короля къ Фуше.— Онъ обязанъ своимъ назначеніемъ Веллингтону.— Мнѣ невозможно принять Префектуру Полиціи. — Насмѣшка Фуше надъ Бурбонами.—Замѣчательная приписка. — Удивительное несходство.—Характеръ и желанія Фуше.— Его эгоизмъ. — Несправедливость увѣреній Фуше, доказанная пріемомъ, сдѣланнымъ Королю въ Парижѣ. — Споры о бѣлой и трехъцвѣтной кокардахъ.— Объявленіе Начальниковъ Легіоновъ Національной Гвардіи.—Массена въ С. Денисѣ.—Хорошая политика и непростительное снисхожденіе.—Фуше не допускаетъ изъявленій народной радости — Составъ новаго Министерства.—Гг. Ришельє и ла Бульери.— Я оставляю политическое поприще.—Утѣшеніе недовольныхъ.— Исполненіе намѣреній иностранцевъ. — Вниманіе Блюхера и приставленный караулъ.—Англичане въ Сенъ-Клу.— Благодарственныя посѣщенія.—Блюхеръ въ кабинетѣ Наполеона.— Непрочность всего мірскаго.— Мой плѣнникъ дѣлается моимъ покровителемъ.

Наконецъ, предсказаніе мое должно было ис-

полниться.— Битва при Ватерлоо открыла Королю дорогу во Францію. Узнавъ, что Его Величество оставляетъ Гентъ, я немедленно отправился изъ Гамбурга и ѣхалъ со всевозможною скоростію, чтобы присутствовать при вступленіи Короля въ Парижъ. Я прибылъ въ Сентъ-Дени 7 Іюля и не смотря на старанія не доброжелателей, нашелъ тамъ множество людей, которые стремились на встрѣчу Короля, такъ, что съ трудомъ отыскалъ для себя комнатку на чердакѣ.

Надѣвъ Капитанскій мундиръ Національной гвардіи я прямо явился во дворецъ и встрѣтилъ тамъ множество мущинъ и дамъ, которые пріѣхали поздравить Короля съ возвращеніемъ въ отечество. Я нашелъ тамъ и мое семейство, которое крайне удивилось неожиданному моему прибытію, и узналъ, что жители Парижа съ большимъ нетерпѣніемъ желали видѣть Короля, но не имѣли свободнаго выхода изъ города.

По объявленіи Парижа осажденнымъ, заперли ворота столицы и оттуда нельзя было выдти, особливо заставою, называемою la barriere de la Chapelle. Правда, на выходъ давали особенныя позволенія и даже безъ затрудненія снабжали ими, но все же надо было исполнить установленный порядокъ, что препятствовало стремленію жителей къ Сентъ-Дени,

для чего единственно и употреблена была эта мѣра. Такъ какъ вознамѣрились предложить Лудовику XVIII принятіе Фуше и трехъ-цвѣтной кокарды, то и нужно было удалять отъ Короля сколько возможно болѣе людей, которые бы захотѣли въ томъ ему отсовѣтовать. Г-жа Буріеннъ, въ самомъ дѣлѣ, говорила мнѣ, что пріѣхавъ въ Сентъ-Дени и посѣтивъ Гюе и Лефебвра, Королевскаго Медика, слышала отъ нихъ объ этихъ бѣдственныхъ намѣреніяхъ, назнаменованныхъ рукою Фуше. Эти Господа сказывали ей, что Король твердо бы воспротивился трехъ-цвѣтной кокардѣ, но что принятіе гибельнаго человѣка казалось неизбѣжнымъ.

Фуше—Министръ Полиціи ! ! ! Нѣтъ, если-бы я, какъ Донъ-Жуанъ, увидѣлъ идущую статую, то бы менѣе смѣшался, чѣмъ при этой невѣроятной новости. Чтобы убѣдиться въ ней, мнѣ надо было выслушать ее нѣсколько разъ и отъ нѣсколькихъ лицъ. Да и какъ повѣрить, въ самомъ дѣлѣ, чтобы Король вручилъ важнѣйшее Министерство, въ минуту переворота, человѣку, задержаніе котораго, сто дней назадъ, считалъ необходимостью; человѣку, однимъ словомъ, который Наполеономъ въ Ліонѣ назначенъ былъ къ той же самой должности. И менѣе, чѣмъ въ сутки возложено было на одно и тоже лицо произведеніе въ дѣйство мѣръ самыхъ противоположныхъ, служеніе вы-

годамъ самымъ противорѣчащимъ: сегодня Министръ похищенія престола, завтра, Министръ законной власти. Нѣтъ! не могу высказать чувствъ, стѣснившихъ меня тогда, какъ Фуше присягалъ Лудовику XVIII, а Лудовикъ XVIII, держалъ въ своихъ рукахъ руки Фуше. Всю жизнь не забыть мнѣ грусти, удручавшей меня въ то время. Я былъ возлѣ Шатобріана. Чувствованія, ощущаемыя тогда мною были, вѣроятно, одинаковы съ его чувствованіями, такъ прекрасно потомъ имъ выраженными въ славномъ его твореніи: *de la monarchie selon la charte*: «Было почти 9 часовъ вечера. Я оста«вался въ одной изъ горницъ предъ Королев«скою комнатою. Вдругъ дверь отворяется: вхо«дитъ Предсѣдатель Совѣта, опираясь на руку «новаго Министра . . . . . Лудовикъ-Желанный! «Мой злополучный Государь! Ты показалъ, что «нѣтъ жертвы, которой бы народъ твой не «могъ ожидать отъ твоего отеческаго сердца» Фуше, какъ скоро увидятъ, былъ твореніе Веллингтона.

Фуше хотѣлось имѣть возстановленіе своей власти, какъ Талейранъ имѣлъ возстановленіе своей въ прошедшемъ году, и потому онъ задержалъ четырьмя днями вшествіе Короля въ Парижъ. Благоразумные люди изъ Палаты Перовъ, не принимавшіе участія въ Королевскомъ Правленіи въ 1814, первые объявили, что для

пользы Франціи необходимо ускорить, сколько возможно, вшествіе Короля, чтобы отнять тѣмъ у иностранцевъ нѣкоторымъ образомъ право побѣды надъ городомъ, содѣлавшимся добычею гражданскихъ раздоровъ и бѣшенства партій.

Король, мнѣ извѣстно, не хотѣлъ принять Фуше, и съ справедливымъ негодованіемъ отвергнулъ мысль назначить его къ себѣ въ Министры, сначала, когда ему предложили это; но Фуше такъ благородно служилъ въ стодневное правленіе Бонапарте, что надо было наградить его службу. Притомъ Фуше снискалъ себѣ сильную партію между эмигрантами Сентъ-Жерменскаго предмѣстія и обладалъ искуствомъ сдѣлаться необходимымъ. Недальновидные люди говорили мнѣ весьма важно, что ему обязаны спокойствіемъ Парижа. Сверхъ того, какъ я сказалъ, Веллингтонъ болѣе всѣхъ способствовалъ тогда помѣщенію Фуше въ Королевскій Совѣтъ. При всемъ расположеніи иностранцевъ, какой дорогой подарокъ Франціи и Королю!

Я зналъ вліяніе Герцога Веллингтона на дѣла втораго возстановленія Бурбоновской Монархіи, но мнѣ долго не хотѣлось вѣрить, чтобы вліяніе это было такъ велико, что Герцогскія мнѣнія поставятъ его выше всѣхъ важныхъ обстоятельствъ, противившихся великой несообраз-

ности видѣть Фуше Министромъ Бурбона. Я обманулся: Франція и Король обязаны Веллингтону помѣщеніемъ Фуше въ Совѣтѣ, а я, въ частности, одолженъ ему невозможностью снова занять мѣсто, оставленное мною при послѣдованіи за Королемъ въ Белгію. Могъ ли я въ самомъ дѣлѣ быть Префектомъ Полиціи при Министрѣ, котораго недавно долженъ былъ задержать и который ушелъ изъ рукъ исполнителей моего приказанія? Королю нельзя было предложить мнѣ мѣсто Префекта Полиціи при Фуше, да еслибы онъ и предложилъ, такъ съ моей стороны нельзя было принять его. Слѣдовательно сомнѣніе мое въ данныхъ обѣщаніяхъ оправдалось; но, признаюсь, выбирая самыя необыкновенныя препятствія къ исполненію этихъ обѣщаній, мнѣ бы въ голову не пришло, что помѣхою будетъ Фуше Министръ Короля Французскаго. Въ эти первыя минуты переворота, я былъ совершенно забытъ.

Я довольно уже упоминалъ на счетъ предполагаемой способности Фуше, слѣдовательно мое мнѣніе объ этомъ предметѣ извѣстно; но чѣмъ справедливѣе было предположеніе, касательно этой способности, тѣмъ менѣе было причинъ ввѣрять Фуше главное управленіе Полиціею Королевства. Правила и дѣла его были довольно извѣстны; нельзя было не знать и того, какимъ образомъ этотъ человѣкъ относился о

Бурбонахъ, какимъ образомъ онъ не переставалъ относиться объ нихъ и по принятіи Министерства, и также свободно, какъ дѣлалъ это, бывъ Министромъ Бонапарте. Всякой зналъ, что въ разговорахъ его Бурбоны были предметомъ насмѣшекъ, и все что онъ ни говорилъ о нихъ, клонилось къ тому, чтобы ихъ унизить и выставить недостойными управлять Франціею. Не возможно было не знать, что Фуше внутренно желалъ республиканскаго Правленія, въ которомъ бы ему назначили роль президента. Неужто забыли эту извѣстную приписку, которую поставилъ Фуше въ концѣ своего письма въ Ліонъ, къ стоющему его другу Робеспьеру: *чтобы достойно отторжествовать праздникъ республики, я велѣлъ смахнуть картечью двѣсти пятдесятъ человѣкъ?*.... И этому-то ужасному врагу Монархіи поручили утвердить ее во второй разъ! Право, надо бы новаго Клаудіена, чтобы списать образъ этого новаго Руффина.

У Фуше благодѣяніе было всегда не иное что, какъ средство вредить своему благодѣтелю. Король, обманутый, какъ и многіе другіе, похвалою, сплетенною Фуше его приверженцами; не зналъ, что этотъ коварный человѣкъ никогда не управлялъ Министерствомъ иначе, какъ только въ свою пользу, не заботясь о выгодахъ Правительства, имѣвшаго слабость

довѣрять ему власть, всегда въ рукахъ его опасную. Фуше имѣлъ мнѣнія, но никогда не имѣлъ партіи, и если объясняются чѣмъ-нибудь его политическія удачи, такъ это однимъ умѣньемъ служить сторонѣ, которая по расчетамъ должна взять верхъ,— съ тѣмъ однакоже, чтобы напослѣдокъ ее также низвергнуть. Со времени кровавыхъ дней ужаса до благополучной эпохи втораго возстановленія Монархіи, онъ выслуживался только тѣмъ, что оставлялъ своихъ и жертвовалъ ими; и можно сказать, одна только идея была въ немъ неизмѣнна: идея эта потребность безпрестанной измѣнчивости; впрочемъ никто не имѣлъ столько легкомыслія и несообразности, какъ Фуше. Во всемъ онъ видѣлъ одного себя и этому закоснѣлому эгоизму приносилъ на жертву и людей и Правительства. Вотъ отъ чего сохранилъ онъ силу и имѣніе во времена Конвента, и во времена Директоріи, и въ продолженіе Имперіи, и во дни похищенія престола, и при вторичномъ возвращеніи Бурбоновъ; онъ участвовалъ въ основаніи и уничтоженіи каждой изъ этихъ властей. Фуше—примѣръ единственный; я не знаю другаго человѣка, который бы, переходя различныя и рѣзко противоположныя эпохи, былъ всегда осыпаемъ почестями и почти не испыталъ немилостей.

7 Іюля представляли Королю, что Фуше

одинъ можетъ способствовать вступленію Его Величества въ Парижъ, у него одного ключь отъ воротъ столицы, ему одному покорны умы. На другой день, по сдѣланному Королю пріему, можно было судить о справедливости этихъ словъ. Присутствіе Короля служило знакомъ къ согласію, обнаружившемуся самымъ очевиднымъ образомъ; я встрѣчалъ на булеварахъ, и нерѣдко вмѣстѣ, снова принявшихъ бѣлую кокарду и удержавшихъ трехъ-цвѣтную; но отъ различія цвѣтовъ не произошло никакой тревоги.

Этотъ вопросъ о народныхъ цвѣтахъ и бѣлой кокардѣ произвелъ новые толки въ Сентъ-Денисѣ 7 Іюля. Вечеромъ увидѣли мы прибытіе Маршала Массены, который немедленно былъ представленъ Королю. Тотчасъ распространился слухъ, будто пріѣздъ его имѣлъ цѣлью убѣдить Лудовика XVIII вступить въ Парижъ въ народной кокардѣ. Массена недолго оставался съ Королемъ, и всякой изъ собравшихся въ залѣ ожидалъ выходъ его въ сильномъ безпокойствѣ, происходившемъ у каждаго отъ различной причины. Многіе начальники національной гвардіи, по лукавому наущенію Фуше, стали открыто за трехцвѣтную кокарду. Впрочемъ я имѣю причину думать, что послѣ 7 Іюля многіе изъ подписавшихъ слѣдующее объявленіе желали бы вымарать свою подпись. Вотъ какого рода было это объявленіе, пред-

ставленное Королю Массеною, начальствовавшимъ тогда національною гвардіею.

Объявленіе начальниковъ Легіоновъ и старшинъ національной гвардіи.

«Мы нижеподписавшіеся начальники Легіо-«новъ и старшины національной гвардіи, въ «отвѣтъ на сегодненнее повелѣніе отъ 6 Іюля «1815 года, имѣемъ честь объявить Господину «Маршалу Массенѣ, Принцу Эсслингскому, сво-«ему Главнокомандующему, что поставляемъ «себѣ въ честь сохранить на всегда народные «цвѣты, которые не могутъ быть оставлены «безъ опасности.

«Мы смѣемъ утверждать, что мнѣніе наше «согласно съ мнѣніемъ большаго числа нашихъ «военныхъ собратій; въ слѣдствіе чего покор-«нѣйше просимъ Господина Маршала предста-«вить это объявленіе Членамъ Правительствен-«ной Коммисіи для обнародованія его, въ отвра-«щеніе безпорядковъ, могущихъ произойти отъ «всякаго въ этомъ случаѣ недоразумѣнія.»

«Парижъ 6 Іюля 1815 года, 10 часовъ ве-«чера; составлена и по прочтеніи подписана «всѣми присутствовавшими.»

«Шуазёль-Праслень, начальникъ перваго Ле-«гіона, Графъ Л. де Жирарденъ, начальникъ «втораго, Баронъ Делессерть, начальникъ треть-«яго, Жобергъ, начальникъ четвертаго, Пати-«нотъ, начальникъ пятаго, Сенепартъ, началь-

«никъ шестаго, Гюитонъ, начальникъ седьмаго, «Ришардъ-Ле-Ноаръ, начальникъ восьмаго, Де-«ларю, Старшина девятаго, Саллеронъ, началь-«никъ двѣнадцатаго, Боннетъ, Старшина пята-«го, А. Шарметъ, Начальникъ девятаго, де Бri-«удъ, Старшина девятаго, Таббе, Старшина седь-«маго, Ложьеръ, Старшина шестаго, Одіодь, «Старшина втораго, Жентиль, Старшина чет-«вертаго, Бари, Старшина перваго, Биллингъ, «Старшина третьяго, Габріель-Делессердъ (Ad-«jutant Commandant), Габріель де Вуазенъ (Ad-«jutant Commandant), Роардъ Старшина двѣнад-«цатаго, Феликсъ де Варанжъ (Capitaine Adjoint), «Бернардъ (Capitaine Adjoint), Аклокъ, Старшій «начальникъ одиннадцатаго, Гиліомъ (Capitaine «Adjoint) въ Главномъ Штабѣ, А. Фенъ, Стар-«шина одиннадцатаго.»

Мнѣ извѣстно, что мнѣнія Королевскихъ Совѣтниковъ, касательно этого объявленія были различны; но, какъ мы скоро узнали, благоразумнѣйшіе изъ нихъ одержали верхъ и Король съ твердостію отвергнулъ странное предложеніе. Я, съ моей стороны, думалъ и сказалъ окружавшимъ меня, что Временное Правленіе въ 1814 году сдѣлало уже большую ошибку не удержавъ, вопреки мудрому мнѣнію Мармонта, народнаго цвѣта, за чѣмъ же вводить Короля въ другую, не менѣе важную ошибку, принять народный цвѣтъ въ 1815

году. То, что годъ назадъ было бы поступкомъ благоразумной политики, теперь, въ глазахъ моихъ, казалось бы трусливымъ снисхожденіемъ. Фуше зналъ это очень хорошо и потому сдѣлался душею интриги: ему одному надо приписать такую преступную мысль. Тѣхъ, кому покажутся слова мои оскорбительными для памяти Фуше, прошу взять немного терпѣнія: они скоро увидятъ, каковъ былъ у насъ съ нимъ разговоръ и съ какимъ цинизмомъ этотъ человѣкъ обнаруживалъ ненависть свою къ Бурбонамъ.

Оставляя политическое общество единственно потому, что Фуше сдѣланъ былъ Министромъ, я предался обыкновенному утѣшенію недовольныхъ; наблюдалъ странныя и несвязныя происшествія, смотрѣлъ на новыя глупости: они выказывались ежедневно, и зрѣлище было богато и разнообразно. Король не привезъ съ собою Блакаса: уступивъ основательнымъ убѣжденіямъ своихъ благоразумнѣйшихъ Совѣтниковъ, онъ отправилъ по пріѣздѣ въ Монсъ этого вреднаго Министра посломъ въ Неаполь; но въ нѣкоторыхъ сборищахъ заговорили о мести, и безумцы хотѣли воспользоваться присутствіемъ иностранцевъ, чтобы, по ихъ любимому выраженію, *кончить революцію*, какъ будто было когда нибудь другое средство къ окончанію ея, кромѣ безпристра-

стнаго принятія всего того, что произвела она хорошаго.

Каждый день жители собирались въ Тюльерійскій садъ, подъ окны Королевскіе, веселились, пѣли и танцовали. Рѣшетки, ограждавшія зелень были выломаны и она сдѣлалась театромъ увеселеній.

Такія веселости большаго числа людей обоего пола, изъ которыхъ многіе принадлежали къ отличнѣйшимъ сословіямъ общества, не понравились Фуше: надобно было потревожить радость. Подлые наемщики протирались въ толпу, брызгали ядовитыми жидкостями на дамскія шали и платья; другимъ приказано было дѣлать различныя непристойности, и кончилось тѣмъ, что никто не смѣлъ болѣе показываться въ саду, боясь быть либо пораненнымъ, либо обиженнымъ. Чтобы произвесть тревогу передъ самыми глазами Короля, заставить его сомнѣваться въ показываемомъ къ нему расположеніи, агенты Полиціи кричали: *да здравствуетъ Императоръ*, среди восклицаній *да здравствуетъ Король!* и не разъ эти безстыдные возглашатели указывали и останавливали самыхъ честныхъ людей, какъ виновныхъ въ восклицаніяхъ, произносимыхъ клевретами Фуше. Одинъ мой пріятель извѣстный роялистъ, котораго отецъ былъ убитъ въ революцію, разсказывалъ мнѣ, что прохаживаясь съ двумя

дамами, онъ услышалъ подлѣ себя двухъ человѣкъ, кричавшихъ: *да здравствуетъ Императоръ!* все встревожилось; прибѣжала стража, и эти два человѣка имѣли дерзость обвинять въ томъ моего пріятеля; напрасно бывшіе подлѣ него люди увѣряли въ несправедливости обвиненія, его схватили и отвели на гоубтвахту, гдѣ онъ просидѣлъ нѣсколько часовъ, пока друзья невиннаго не пришли освободить его.

Такими гнусными пронырствами выслужился Фуше: на него смотрѣли, какъ на человѣка, который одинъ только можетъ прекратить безпорядки, имъ однимъ произведенные. Онъ добился возобновленія Тюльерійской Полиціи и дворецъ принялъ печальный видъ: *пѣсни замолкли.*

Между тѣмъ Король, бывъ еще въ Сентъ-Дени отдалъ начальствованіе народной гвардіи Генералу Дессолю, который немедленно велѣлъ отпереть заставы. Неранѣе, какъ по вступленіи уже въ Парижъ, но въ самый день прибытія, Король постановилъ, чтобы тронъ его окруженъ былъ Тайнымъ Совѣтомъ (conseil privé), составленнымъ изъ Принцевъ Крови и особъ, которыхъ въ послѣдствіи назначитъ Его Величество. Потомъ Король учредилъ свое новое Министерство, слѣдующимъ образомъ составленное:

«Князь Талейранъ, Перъ Франціи, Предсѣда-

тель Совѣта Министровъ и Государственный Секретарь по иностраннымъ дѣламъ.

«Баронъ Луи, Министръ Финансовъ.

«Герцогъ Отрантскій!! Министръ Полиціи.

«Баронъ Паскье, Министръ Юстиціи и хранитель печати.

«Маршалъ Гувіонъ-Сентъ-Сиръ, Министръ Военный.

«Графъ Жокуръ, Перъ Франціи, Министръ Морскихъ силъ.

«Герцогъ Ришельё (*), Перъ Франціи, Министръ Королевскаго двора.

Управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ поручено было на время Министру Юстиціи,—Съ особеннымъ удовольствіемъ узнали, что вмѣсто ненавистнаго Блакаса назначенъ

(*) Спустя нѣсколько времени почли за нужное вмѣсто Министерства Королевскаго Двора учредить Генералъ-Интендантство. Послѣ Ришелье былъ въ этой должности Графъ Прадель. Генералъ-Интендантство сдѣлалось вторично Министерствомъ Двора при моемъ старомъ другѣ Лористонѣ, котораго не измѣнили почести въ отношеніи къ бывшимъ товарищамъ. По смерти его, такъ сильно огорчившей меня, Министерство Королевскаго двора испытало снова перемѣну и сдѣлалось въ другой разъ Генералъ-Интендантствомъ, въ каковомъ видѣ оно находится теперь подъ управленіемъ Ла Буильери, котораго дарованія и честность болѣе всѣхъ оцѣнялъ Бонапарте во время Консульства и въ послѣдствіи. Я помню, какъ онъ часто говаривалъ о Ла-Буильери: «Этотъ человѣкъ рожденъ управлять деньгами; послѣ него пересчитывать не нужно.» По этому-то и вызвалъ его Бонапарте въ Булонскій лагерь для повѣрки расходовъ и въ послѣдствіи, когда мы лишились Эстева, бывшаго съ нами въ Египетскомъ походѣ, назначилъ хранителемъ коронныхъ имуществъ.

былъ Ришелье, имя котораго напоминало славнаго Министра, и который заслужилъ уже прежде всеобщее уваженiе своею честностiю и благоразумiемъ.

Въ тотъ же день, 8 Iюля, Маршалъ Макдональдъ, къ общему удовольствiю, назначенъ былъ великимъ Канцлеромъ Почетнаго Легiона, на мѣсто Г. Прадта. Г. Шаброль снова принялъ Сентскую Префектуру, которымъ въ теченiи *стодневнаго* правленiя распоряжалъ Г. Бонди; Г. Моле сдѣланъ Директоромъ Путей Сообщенiя; на мое мѣсто Префектомъ Полицiи назначенъ Г. Казесъ, а Г. Бёньо замѣнилъ Г. Ферранда по управленiю почтами.

Два дня, кажется, спустя по составленiи этого Министерства, я счелъ долгомъ явиться къ Блюхеру, жившему въ Сенъ-Клу. Узнавъ, что у меня есть въ Сенъ-Клу домъ, Блюхеръ тотчасъ приставилъ къ нему часоваго, и такое вниманiе стоило благодарности моей тѣмъ болѣе, что въ это время много жаловались на грабительство и буйный духъ войскъ (*). Вотъ

(*) Послѣ Пруссаковъ занимали Сенъ-Клу Англичане. Большой домъ мой, гдѣ помѣщались дѣти Графа д'Артуа не былъ тронутъ ими; но малый, составляющiй часть той же собственности, дворы и прочее все было ими занято. Начальникъ ихъ, изъ предосторожности, приставилъ часоваго къ дверямъ большаго дома. Въ одно утро пришли намъ сказать, что ночью разломали дверь и украли дорогое зеркало. Пожаловались начальнику--и изъ произведеннаго

новый примѣръ непрочности людскаго величія. Я нашелъ Блюхера почти Царски расположившагося въ томъ самомъ дворцѣ Сенъ-Клу, гдѣ я такъ долго прожилъ, пользуясь дружбою Наполеона, въ то время, когда онъ давалъ законы Королямъ Европейскимъ, не бывъ еще самъ Государемъ. Въ томъ самомъ кабинетѣ, гдѣ мы проводили столько часовъ въ занятіяхъ, гдѣ развѣтвилось столько мыслей, я былъ принятъ моимъ Гамбургскимъ плѣнникомъ. Послѣ обыкновеннаго привѣта онъ напомнилъ мнѣ тотчасъ это обстоятельство: «Кто бы могъ предсказать тогда, говорилъ Блюхеръ, что я, бывъ вашимъ плѣнникомъ, сдѣлаюсь покровителемъ собственности вашей. Вы теперь пожнете плоды хорошаго обхожденія со мною въ Гамбургѣ.—Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. Вѣрно только то, что на этотъ разъ союзныя Державы сдѣлаютъ условія, по которымъ останутся на долго внѣ опасности. Императоръ Александръ не желаетъ, чтобы Французы дорого выкупили нанесенное намъ зло: онъ при-

---

слѣдствія открылось, что разломалъ дверь и укралъ зеркало самъ часовой. Бѣдпякъ осужденъ былъ Военнымъ Совѣтомъ на смерть, что, разумѣется весьма огорчило насъ. Г-жа Буріеннъ просила за преступника, но начальникъ согласился только на отсрочку казни. Спустя нѣсколько недѣль Англійскія войска выступили, виновный уведенъ за полкомъ—и мы съ тѣхъ поръ ничего не слыхали объ участи несчастнаго.

«писываетъ его Наполеону; но Наполеонъ не въ «силахъ заплатить военныхъ издержекъ, заплатить же кому-нибудь надобно; хорошо было «сдѣлать одинъ разъ, но теперь уже мы не можемъ вновь принять издержки на себя. Впрочемъ, прибавилъ онъ, вашихъ предѣловъ не «тронутъ, въ этомъ могу васъ успокоить. Императоръ Александръ не одинъ разъ говорилъ «при мнѣ моему Королю: я уважаю Францію «и непремѣнно хочу, чтобы она сохранила свои «прежнія границы.»

Таковы были собственныя слова Блюхера, говоренныя со мною. Стараясь воспользоваться оказываемымъ имъ мнѣ дружествомъ, я объявилъ ему о жалобахъ, приносимыхъ со всѣхъ сторонъ на недостатокъ дисциплины въ войскахъ, расположенныхъ подъ его начальствомъ. «Чтожъ дѣлать,» сказалъ онъ мнѣ, «я не могу «вездѣ имѣть глазъ; но могу васъ увѣрить, что «впередъ и по вашему представленію стану строго наказывать всякое буйство, которое дойдетъ до моего свѣденія.»

ГЛАВА XXII.

Брачный контрактъ моей дочери и строгость этикета.—Производство мое въ Председатели избирательной Іонской Коллегіи.—Приказаніе видѣться съ Фуше и мое не расположеніе. —Пріемъ въ саду.—Невольное молчаніе.—Мнѣніе Фуше о правленіи Короля.—Его глубокая ненависть къ Бурбонамъ. —Невѣроятный разговоръ Королевскаго Министра.—Сознаніе ошибокъ 1814, и возраженіе.—Необходимость времени для политическихъ перемѣнъ.— Вынужденное объясненіе и дерзкій отвѣтъ.—Священная обязанность и аудіенція у Короля.—Фуше скоро лишенъ милости.—Слова Бонапарте о Фуше.—Карно обманутый Наполеономъ.—Я избранъ депутатомъ.—Избраніе Г. Рандота и твердость духа.— Возвращеніе мое въ Парижъ и сожалѣніе о Неѣ. — Прекрасный характеръ Макдональда и Неаполитанскій Король.—Встрѣча съ Раппомъ. — Неожиданная прогулка въ Булонскомъ лѣсу.—Вѣрность Раппа въ 1815. — Его свиданіе съ Наполеономъ.—Наполеонъ одинъ въ дорогѣ.—Мудрость и уступчивость Раппа.—Герцогъ Беррійскій и Раппъ.—Анекдотъ. —Производство мое въ Государственные Министры.—Мое имя, написанное рукою Лудовика XVIII.—Заключеніе.

До отъѣзда своего въ Гентъ, Королю угодно было подписать брачный контрактъ одной изъ дочерей моихъ съ Г. Массье де Клервалемъ, хо-

тя онъ былъ не болѣе, какъ Лейтенантъ морской службы. Совершенiе брака назначено было именно въ воскресенье 19 Марта; но легко можно представить, что во время разстройства, въ которомъ мы тогда находились, никто не вспомнилъ о такомъ маловажномъ дѣлѣ. Въ Iюлѣ возобновилъ я мою просьбу, что произвело важныя пренiя въ церемонiальномъ Совѣтѣ; строгiй этикетъ защищалъ тутъ свои права, полагая, что свадебному контракту простаго Лейтенанта должно состояться въ маломъ собранiи двора, дабы снова не повредить Монархiи. Король, помня данное мнѣ обѣщанiе, рѣшилъ подписать контрактъ въ большомъ собранiи. Пусть смѣются, но, признаюсь откровенно, эта маленькая побѣда надъ церемонiаломъ принесла мнѣ величайшее удовольствiе.

Спустя немного послѣ, Король пожаловалъ меня Государственнымъ Совѣтникомъ; званiе это носилъ я всегда при Наполеонѣ со времени водворенiя его въ Тюльери, но не отправлялъ должности, соединенной съ этимъ чиномъ; наконецъ въ Августѣ мѣсяцѣ, въ слѣдствiе желанiя Короля созвать новую Палату Депутатовъ, я назначенъ Предсѣдателемъ Избирательной Коммисiи въ Iонскомъ Департаментѣ. Узнавши объ этомъ, я тотчасъ отправился къ Талейрану получить наставленiя; но онъ объявилъ мнѣ, чтобы я, сообразно Королевской волѣ, побы-

валъ у Министра Полиціи за приказаніями. Я говорилъ Талейрану о моемъ нежеланіи видѣться съ Фуше, по причинѣ нашихъ съ нимъ отношеній. «Ступайте, ступайте,» возразилъ мнѣ Талейранъ, «будьте увѣрены, что Фуше ничего «вамъ не скажетъ.»

Невыразимо нехотѣлось мнѣ видѣть Фуше —и я, скрѣпя уже сердце, пошелъ къ нему. Я ожидалъ пріема холоднаго и скрытнаго; послѣ произшедшаго между нами, наше свиданіе съ нимъ точно дѣлалось вещью нѣсколько щекотливою. Я засталъ Фуше въ 9 часовъ утра, гуляющимъ въ своемъ саду въ полномъ утреннемъ безпорядкѣ одежды; онъ былъ одинъ и принялъ меня какъ друга, съ которымъ давно не видѣлся. Подумавъ, я не сталъ много удивляться такому привѣту: Фуше умѣлъ подчинять свою ненависть расчетамъ настоящаго положенія. Онъ даже не намекнулъ о своемъ арестѣ, и можно повѣрить, что не на этотъ предметъ хотѣлъ и я склонить разговоръ. Я спросилъ: «Нѣтъ ли какихъ приказаній объ Іонскихъ выборахъ?»—«Никакихъ» отвѣчалъ Фуше: «пусть выберутъ васъ, если можете это сдѣлать; старайтесь только удалить Генерала Дефурно;—прочее мнѣ все равно.— Чѣмъ же вы «недовольны Дефурно?— Министры его не желаютъ.»

Я собирался уже идти, какъ Фуше остано-

вилъ меня: «Вы очень торопитесь, останьтесь «на минуту.»— Тутъ началъ онъ говорить мнѣ о первомъ возвращенiи Бурбоновъ и спрашивалъ, какимъ образомъ могъ я такъ легко рѣшиться дѣйствовать въ ихъ пользу. Потомъ вошелъ объ этой Августѣйшей фамилiи въ такiя подробности, о которыхъ по всему должно мнѣ умолчать; и сообщая продолженiе нашего разговора, я постараюсь дать о немъ вѣрное понятiе, сохраняя приличiе, котораго ни сколько не сохранялъ Фуше.

На первый его вопросъ я отвѣчалъ, что, желая видѣть Францiю освобожденною отъ ужасовъ революцiи и военнаго деспотизма, я нетерпѣливо помогалъ возвращенiю Бурбоновъ, которое предвидѣлъ и при которомъ присутствовалъ съ живѣйшею радостью. «Я былъ «убѣжденъ,» прибавилъ я, «что Лудовикъ XVIII «сознаетъ необходимость Конституцiоннаго Прав«ленiя, одного возможнаго во Францiи; что онъ «обезпечитъ истинную общественную свободу и «что наконецъ, съумѣетъ помирить прошедшее съ «настоящимъ.—Вы думаете, что Французы всѣ за «возстановленное правленiе?—Думаю, что большая «часть за него.—Такъ вы не знаете, что нравствен«ная оппозицiя Бурбоновой династiи сдѣлалась «замѣтною съ первыхъ мѣсяцевъ ея возвращенiя, «во всѣхъ Департаментахъ? Старые партизаны «республики, Наполеоновы агенты всюду, бѣ-

«гая, распространяли слухъ, что Бурбоны во-«ротились съ суевѣріемъ и эмигрантами. Я мо-«гу показать вамъ сотню рапортовъ, совершен-«но согласныхъ объ этомъ предметѣ. Сознайтесь, «что все сдѣланное или возпамѣренное съ годъ «назадъ Правительствомъ, слишкомъ доказало его «наклонности. Видано ли было когда такое пря-«мое противодѣйствіе выгодамъ и славѣ націи? «А этотъ явный возвратъ къ прошедшему, «развѣ не испугалъ тогда всѣхъ? Роялисты 1815 явились точь въ точь какъ въ 1789. Во «всѣхъ важнѣйшихъ актахъ вовое безъ внима-«нія пропущены наставшія перевороты и ходъ «вѣка. Имѣли глупость желать насильно заста-«вить народъ, образованный временемъ, забыть «свои понятія и создать себѣ новыя истины. «Всѣми силами старались, оборачиваясь назадъ, «все подвергать разсмотрѣнію, чтобы настоя-«щее состояніе произнесло судъ надъ всѣмъ «прошедшимъ въ ихъ пользу. Эти необъясни-«мые поступки заставили говорить, что на тронъ «хотѣли возвести контръ—революцію. И те-«перь еще хотятъ этого, но я здѣсь, и, сколь-«ко могу, воспротивлюсь тому. Пора положить «конецъ великому бою революціи, не кончан-«ной 25-тью годами смятеній и даромъ про-«павшихъ уроковъ;—сторону Дворянства и Ду-«ховенства нигдѣ не поддерживаютъ, кромѣ «Вандеи. Едва 6-й изъ Французовъ захочетъ

«прежняго правленія, и ручаюсь вамъ, изъ пя-«ти не окажется одного искренно преданнаго «законной власти. Вы, какъ видно, не знаете, «что въ 1814 громко говорили объ иностран-«номъ Принцѣ, о Герцогѣ Орлеанскомъ и ре-«гентствѣ, — такъ послушайте же: нѣтъ ино-«страннаго Принца, будь онъ выпрошенный «отъ Державъ или просто данный ими, кото-«раго бы тогда не предпочла конституціонная «партія; потому что, въ такомъ случаѣ, можно «бы было требовать, какъ условія подданства, «сохраненія правъ народа. Увѣряю васъ, что «при этомъ во всей конституціонной партіи «нашлось одно лишь исключеніе — семейство «бывшихъ Королей; но, вѣрно вы не включае-«те людей этихъ въ число Бурбоновыхъ пар-«тизановъ»

Я былъ словно оглушенъ такими рѣчами, слушая ихъ отъ Королевскаго Министра, но между тѣмъ отвѣчалъ Фуше: «Я далекъ, разу-«мѣется, отъ того, чтобы одобрять въ какомъ «бы-то нибыло случаѣ, систему, принятую въ «1814, которую при томъ никто, сколько знаю, «не порицалъ громче моего; но, позвольте ска-«зать, я не вижу по вашему бѣды отъ того, «что суевѣріе и эмигранты распространятся «по Франціи. Безъ сомнѣнія, ошибки еще бу-«дутъ, найдутся люди зачерствелые въ ста-«рыхъ понятіяхъ, но время разгонитъ ихъ

«мало по-малу, и мнѣ кажется, напротивъ, «замѣтнымъ возрастающее присоединеніе въ «пользу Бурбоновъ; число ихъ приверженцевъ день ото-дня увеличивается. Что дѣлать? и въ ходѣ гражданственности, какъ въ «походѣ побѣдоносной арміи, бываютъ отсталые. Никто болѣе моего, вы это довольно «знаете, не стоитъ за распространеніе просвѣщенія и вамъ извѣстны также мои споры объ «этомъ предметѣ съ Первымъ Консуломъ; но «и самое просвѣщеніе должно приходить, какъ «свѣтъ дневной, постепенно. Непосредственный «переходъ отъ глубокой ночи къ яркому дню «тоже опасенъ;—нѣтъ улучшеній, которыхъ бы «я не пожелалъ, но не хочу ихъ, когда они «быстры и стремительны, и потому-то убѣжденъ, что Бурбоны одни могутъ водворить мало по-малу истинную общественную свободу. «Король самъ по себѣ человѣкъ не простой и, «я увѣренъ, болѣе всякаго другаго знаетъ, что «народная независимость и благоразумная свобода, должны со временемъ стать самыми твердыми опорами его трона. Вы, признаюсь, должны знать лучше моего различныя направленія общественнаго ума; но присылающіе вамъ «донесенія смотрятъ на вещи, о которыхъ говорятъ вамъ, своими глазами, и вамъ слишкомъ хорошо извѣстны люди, чтобы не знать «вамъ ихъ взгляда на все сквозь призму соб-

«ственнаго понятія; еслибы ихъ донесенія бы-«ли вѣрны, то положеніе всѣхъ было бы го-«рестное; потому, что отъ жалобъ перешли бы «наконецъ къ угрозамъ, отъ угрозъ къ наси-«лію; захотѣли бы ниспровергнуть существую-«щій порядокъ—и вышла бы изъ этого граж-«данская война. Сохрани насъ Богъ отъ нея.»

Фуше выслушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, немного задумался, проводя длинными пальцами по блѣдному лицу своему и потомъ отвѣчалъ: «Мнѣ кажется вы въ заблужденіи; но «если возгорится гражданская война, то будьте «увѣрены, что найдется лишь горсть роялистовъ для противодѣйствія цѣлой массѣ наро-«да, болѣе чѣмъ въ 60 Департаментахъ; въ боль-«шей части ихъ изъ восьми одинъ послушалъ «бы роялистовъ, остальные принудили бы ихъ «замолчать.—Такъ по вашему, Герцогъ, Бурбо-«ны не могутъ долго оставаться?—Я не гово-«рю вамъ моего мнѣнія,» возразилъ Фуше съ усмѣшкою, напомнившею мнѣ улыбку его вечеромъ на канунѣ 3 Нивоза. Впрочемъ, прибавилъ онъ, «заключайте что вамъ угодно изъ «словъ моихъ: это мнѣ совершенно все равно.»

Я спѣшилъ прервать столь необыкновенный разговоръ, бывшій на дѣлѣ еще необыкновеннѣе, чѣмъ въ моемъ разсказѣ; я упомянулъ уже о долгѣ моемъ умолчать о вещахъ, которыя вспоминать мнѣ грустно, а повторять не воз-

можно. Скажу только, что Фуше простеръ до послѣдней степени ругательство выраженій, не осторожность языка и революціонный цинизмъ. Право, мнѣ казалось, сомнительно, у Королевскаго ли Министра былъ я; таковое-то не уваженіе къ Королевской фамиліи выказывалось въ словахъ Герцога Отранскаго. Это былъ наглый заговорщикъ, либо обманчивый завлекатель. Я бы подумалъ, что онъ, по примѣру тому, какъ поступалъ со мною у него Іосифъ Бонапарте, самъ наконецъ хотѣлъ подстерегать меня, еслибы не былъ убѣжденъ изъ его ненавистныхъ правилъ, что все говоренное имъ съ обыкновенною его легкостью было выраженіемъ его мыслей. Страсть къ деньгамъ, эта ненасытная въ немъ жажда, преклоняла его предъ всякою властію, какова бы она ни была.

Во всякомъ случаѣ я почелъ священнымъ долгомъ объявить Королю объ этомъ загадочномъ разговорѣ, и такъ какъ Графа Блакаса при немъ уже не было для прегражденія добрымъ совѣтамъ пути къ трону, то просто, по первому отъ меня спросу, я былъ введенъ въ кабинетъ Его Величества. Я старался скрыть отъ Короля обидныя подробности, потому что, въ самомъ дѣлѣ, еслибы представить ихъ во всей наготѣ, то Лудовику XVIII не возможно было бы повѣрить имъ. Король благодарилъ меня въ обязательныхъ выраженіяхъ за сооб-

щеніе ему этого обстоятельства, и я примѣтилъ его убѣжденіе въ томъ, что оставивъ при себѣ долѣе Фуше, онъ сдѣлается жертвою Министра, котораго столь постыдно дали Королю 7 Іюля, представивъ его какъ спасителя. Герцогъ Отрантскій вскорѣ былъ лишенъ милости,—и я при этомъ былъ весьма радъ видѣть себя исправителемъ зла, нанесеннаго Франціи Герцогомъ Веллингтономъ.

Фуше, скажу чтобы кончить объ этомъ лицѣ, слишкомъ уже много занявшись имъ, былъ такъ неограниченно вѣроломенъ въ отношеніи къ дѣлу, которому по наружности посвящалъ свою службу, и Бонапарте такъ хорошо зналъ его, что когда *въ стодневное правленіе* называли при Наполеонѣ Министровъ Короля въ Гандѣ, и кто-то сказалъ: «но я вовсе «не вижу тутъ Министра Полиціи!—Э! . . . . , «подхватилъ Наполеонъ, Фуше!» — Не таковъ былъ Карнотъ, не смотря на неизгладимое пятно поданнаго имъ мнѣнія; если онъ служилъ Королю, Король могъ положиться на него; но ничто не могло поколебать его строгихъ въ пользу свободы правилъ; потому-то, какъ я слышалъ отъ достовѣрнаго лица, Карнотъ до принятія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, предлагаемаго ему въ началѣ стодневнаго правленія Бонапартомъ, хотѣлъ напередъ поговорить съ нимъ, чтобы узнать перемѣнился ли онъ? Кар-

нотъ повѣрилъ прекраснымъ словамъ Наполеона — и обманулся, какъ обманулись имъ многіе другіе.

Вскорѣ послѣ аудіенціи моей у Короля, отправился я въ Іонскій Департаментъ, гдѣ занялся возложенною на меня должностью, и былъ весьма счастливъ избраніемъ моихъ соотечественниковъ, удостоившихъ меня чести быть ихъ представителемъ въ Палатѣ Депутатовъ. Я имѣлъ товарищемъ Депутаціи Г. Рандота (Randot), который въ одномъ затруднительномъ обстоятельствѣ показалъ твердость духа изъявленіемъ приверженности къ Королевскому Правленію. Вотъ въ чемъ состояло дѣло это, какъ я узналъ и какъ по возможности распространилъ его между избирателями, надъ которыми имѣлъ честь предсѣдательствовать, и которые, долженъ сказать, были вообще люди отличнаго ума:— вышедъ на берегъ при заливѣ Жуанъ, Бонапарте на пути изъ Ліона въ Парижъ, остановился въ Авалонѣ и тотчасъ потребовалъ къ себѣ Мера,— Меромъ былъ тогда Г. Рандотъ; — онъ немедленно явился къ Наполеону и сказалъ ему: «что вамъ угодно, «*Генералъ?*» Названіе это не понравилось Наполеону, который однако сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ Г. Рандоту, готовому обязать его какъ путешественника, но не служить ему какъ Императору. Наполеонъ отдалъ ему кое-

какія приказанія, но достойный этотъ слуга Короля отвѣчалъ: «Генералъ! я не могу имѣть отъ васъ никакихъ повелѣній, потому что не могу признать другаго Государя, кромѣ Короля, которому присягнулъ. Тогда Наполеонъ съ гнѣвомъ велѣлъ ему выдти, и нѣтъ нужды прибавлять къ этому, что Г. Рандотъ не долго ждалъ своего отрѣшенія отъ званія Авалонскаго Мера.

По окончаніи выборовъ въ Іюнѣ, возвратился я въ Парижъ, гдѣ занимался общественными дѣлами не болѣе почти какъ только любитель, въ ожиданіи открытія засѣданій. Съ глубокимъ огорченіемъ видѣлъ я, что Правительство опять прибѣгало къ мѣрамъ жестокости въ наказаніи проступковъ, которые слѣдовало бы, слушаясь лучшей политики, отнести къ несчастью времени,—и потому никакой доводъ не остановитъ слезъ, посвященныхъ мною памяти Нея. Казалось, желая сдѣлать Францію надолго неспособною предпринять что-либо, какъ Блюхеръ признавался мнѣ въ Сенъ-Клу, возстановляли Луарскую армію противъ Королевскаго Правленія пораженіемъ одного изъ самыхъ любимыхъ ея начальниковъ, предводившаго ее столько разъ къ славѣ. Не имѣю положительныхъ доказательствъ, но думаю, что голова Нея была знакомъ благодарности, который Фуше считалъ долгомъ для себя изъявить

вліянію, сдѣлавшему его Министромъ.

Около этого времени узналъ я случай, который не удивитъ никого, потому что представляетъ лишь новое доказательство рыцарскаго праводушія Макдональда. Когда въ 1815 многіе Маршалы объявляли предъ союзными Государями свои права на дарственныя владѣнія въ иностранныхъ земляхъ, тогда вдова Генерала Моро, которой Король пожаловалъ титулъ Маршальши и которая была другомъ Герцога Тарантскаго, не сказавъ ему, написала къ Блакасу, Посланнику нашему въ Неаполѣ послѣ паденія Мюрата, письмо, прося о сохраненіи Маршалу Макдональду дарственнаго владѣнія въ Неаполитанскомъ Королевствѣ. Макдональдъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ благодарить Г-жу Моро за ея одолженіе, предупреждая однако о намѣреніи своемъ писать въ опроверженіе ея просьбы, совершенно несогласной съ его правилами. Мнѣ извѣстно, что Маршалъ въ самомъ дѣлѣ послалъ къ Блакасу письмо, гдѣ говорилъ прямо: «Спѣшу предъувѣдомить васъ, Господинъ Посланникъ, что Маршальша Моро писала къ вамъ вовсе противъ моей воли и прошу васъ не начинать ничего, что бы могло подвергнуть меня отказу. Король ни мало не обязанъ благодарить меня за разбитіе его арміи, за возмущеніе его Королевства и за принужденіе самого его отступить въ Сицилію.»

Поступокъ этотъ былъ достоинъ Маршала, который послѣдній оставилъ Наполеона въ 1814 и послѣдній вновь увидѣлъ его, не вступивъ въ службу, въ 1815. Г. Блакасъ удивился подобному письму; онъ сообщилъ его Неаполитанскому Королю, котораго отвѣтъ, до меня дошедшій, не менѣе достоинъ памяти, вотъ онъ: «Если бы я и не далъ себѣ закона не удерживать ничего изъ дарственныхъ Французскихъ владѣній, то откровенность Маршала заставила бы меня сдѣлать исключеніе въ его пользу.» Много удовольствія видѣть Государей такими точными исполнителями законовъ, ими для себя изданныхъ.

Около послѣднихъ числъ Августа 1815, прогуливаясь на булеварѣ Капуциновъ, я былъ весьма обрадованъ встрѣчею съ Генераломъ Раппомъ, съ которымъ давно мы уже не видѣлись. Онъ вышелъ изъ дома No 17 отъ живописца Лагрене, рисовавшаго съ него портретъ. Я былъ пѣшкомъ; карета Генерала стояла тутъ, мы сѣли въ нее съ нимъ и поѣхали прогуляться въ Булонскій лѣсъ. Какъ много имѣли мы сказать другъ другу, не видавшись со времени значительныхъ переворотовъ двухъ возстановленныхъ правленій (des deux restaurations). Причиною нашего запоздалаго свиданія было то, что въ 1814 я провелъ часть года въ Сенсѣ и что съ самыхъ Мартовскихъ происшествій въ 1815

Раппъ не былъ въ Парижѣ. Это былъ, по справедливости, отличный человѣкъ, и я нашелъ его совершенно покорившимся перемѣнѣ своего положенія, хоть немного и ворчащимъ противъ иностранцевъ. Раппъ не былъ изъ числа Генераловъ, измѣнившихъ Королю 20 Марта. Онъ сказывалъ мнѣ, что оставался въ повелѣніяхъ Герцога Беррійскаго предводителемъ дивизіона, которымъ начальствовалъ въ Экуенѣ,—и только уже по отбытіи Короля, отдалъ отрядъ свой въ распоряженіе Военнаго Министра.

«Какъ тебя принялъ Наполеонъ?» спросилъ я его.—«Я ждалъ, чтобы онъ позвалъ меня, от«вѣчалъ Раппъ. Вѣдь ты знаешь, я ни крошки «не разумѣю въ политикѣ. Присягнулъ Королю «—и знаю одну службу, и готовъ былъ драться «ся противъ Императора.—Ба!—Да, мой другъ, «я и самому ему объявилъ это. — Не уже ли! «ты осмѣлился. — Разумѣется! я сказалъ ему, «что рѣшимость была невольная. . . . Я зналъ, «отвѣчалъ онъ нѣсколько разсердясь, что вы «были противъ меня. Если бы состоялась битва, «я бы нашелъ васъ на полѣ ея; я бы показалъ «вамъ медузину голову; не уже ли бы осмѣли«лись вы стрѣлять въ меня? — Безъ сомнѣнія, «отвѣчалъ я . . . А! . . . . это ужъ слишкомъ, «вскричалъ онъ. Но солдаты не послушались «бы васъ: они оставались мнѣ преданы. . . . . «Чтожь было мнѣ дѣлать? подхватилъ я; вы

«отказались, уѣхали, обязали насъ служить Ко-«ролю — и потомъ возвращаетесь! Къ тому же «откровенно скажу вамъ, я не разгадаю поря-«дочно, что выдетъ наконецъ изъ всего? Войны «и еще войны? Францiя ихъ довольно уже имѣ-«ла. Тутъ продолжалъ Раппъ, онъ сталъ увѣ-«рять меня, что имѣетъ совершенно другiя мы-«сли, что и онъ не желалъ болѣе войны, что «хотѣлъ управлять мирно и заняться единствен-«но счастiемъ своего народа. Когда я предста-«вилъ ему на видъ согласiе иностранцевъ, онъ «сказалъ, что имѣетъ союзы. Потомъ началъ «говорить со мною о Королѣ — и я объявилъ «ему, что былъ имъ весьма доволенъ. Въ са-«момъ дѣлѣ Король прекрасно принялъ меня «по возвращенiи моемъ изъ Кiева, и я не вижу, «для чего бы мнѣ жаловаться тогда, какъ со «мной хорошо обходились. Въ разговорѣ нашемъ «съ Императоромъ, онъ хвалилъ мнѣ поведенiе «Герцога Орлеанскаго, потомъ разказалъ нѣ-«сколько о своемъ переѣздѣ съ острова Эльбы «и путешествiи по Францiи до Парижа; жало-«вался, что его называютъ честолюбцемъ, — и «какъ я при словѣ этомъ выразилъ примѣчен-«ное имъ сомнѣнiе, то продолжалъ: Какъ! не «ужто я честолюбивъ? и ударивъ себя обѣими «руками по животу, прибавилъ: такой толстый «и жирный, какъ я, можетъ ли быть честолю-«бивъ? Тутъ не могъ я удержаться, чтобы не

«сказать ему: Ваше Величество изволите смѣять-«ся . . . онъ увѣрялъ, что вовсе нѣтъ и чрезъ «нѣсколько минутъ, замѣтивъ на мнѣ ордена, «началъ шутить надо-мною на счётъ крестовъ «Св. Лудовика и Лиліи, которыя я носилъ еще.

Я спросилъ Раппа, справедливо ли все то, что разсказываютъ о восторгѣ, выражавшемся всюду по дорогѣ Наполеона отъ залива Жуана до Парижа. «Я тамъ не былъ, также какъ и «ты, отвѣчалъ онъ, но всѣ сопровождавшіе его «подтвердили мнѣ точность объявленныхъ объ «этомъ подробностей. Только слышалъ я, ка-«жется, отъ Бертрана одно обстоятельство, «когда онъ боялся за Императора въ случаѣ, «если бы явился убійца. Это было, недалеко уже «отъ Парижа, въ Фоссарѣ, гдѣ Императоръ «остановился завтракать. Сопровождающая На-«полеона команда такъ утомилась, что не могла «слѣдовать, отъ чего онъ нѣкоторое время оста-«вался одинъ на дорогѣ, какъ вдругъ эскадронъ, «расположенный гарнизономъ въ Меленѣ (Melun) «явился къ Императору и провожалъ его до «Фонтенебло. Впрочемъ, сколько я слышалъ, онъ «не былъ нигдѣ ни въ одной настоящей опа-«сности.»—

Мы разговаривали потомъ о настоящемъ на-шемъ положеніи, о необыкновенности переворо-товъ нашего счастія, и Раппъ разсказалъ мнѣ при этомъ, какимъ образомъ онъ, нѣсколь-

ко дней лишь назадъ, не находился уже болѣе въ числѣ недовольныхъ; ибо положеніе Генераловъ, начальствовавшихъ надъ корпусами арміи въ сраженіи при Ватерлоо, въ 1815 было совершенно не то, что въ 1814. «Я твердо рѣ«шился, сказалъ онъ мнѣ, жить въ покоѣ, не «мѣшаться ни во что, и даже не прислоняться «къ мундиру, и потому-то съ самаго возвраще«нія Короля нога моя не была при дворѣ; какъ «вдругъ, съ недѣлю тому назадъ, прогуливаясь «верхомъ въ двухъ стахъ или трехъ стахъ ша«гахъ отсюда (*), вижу, человѣкъ на лошади, «быстро отдѣлившійся отъ толпы кавалери«стовъ, несется ко мнѣ, и я узнаю Герцога Бер«рійскаго. Едва успѣлъ я выговорить: это вы, «Ваше Высочество!—И безъ сомнѣнія, я, любез«ный Генералъ; вы нейдете къ намъ, надобно, «чтобы я къ вамъ пришелъ. Приходите завтра «по утру со мною завтракать.—Что ты будешь «дѣлать, продолжалъ Раппъ, онъ сказалъ это «съ такою добротою, что побѣдилъ меня: на «другой день я былъ тамъ,—и онъ принялъ «меня такъ, что опять приду туда; но просить «не хочу ничего. Еслибы только не эти Пру«саки и Англичане . . . » Одобривъ поступки Раппа, я замѣтилъ ему, что не возможно такому праводушному и честному человѣку, какъ онъ, не остановить на себѣ со временемъ вни-

(*) Возвращаясь, мы были тогда у заставы la barriere de l'Etoile.

манія Короля—и слова эти были новымъ изъ моихъ сбывшихся предсказаній. Съ этихъ поръ я не переставалъ часто видѣться съ Рашомъ, каждый разъ, какъ мы бывали оба въ Парижѣ; но уже наши бесѣды были только дружескія и выходили изъ круга эпохи, которой достигъ я, и долженъ кончить мои Записки.

Въ Августѣ мѣсяцѣ Король объявилъ меня Государственнымъ Совѣтникомъ (*); 19 слѣдующаго мѣсяца я былъ сдѣланъ Государственнымъ Министромъ и Членомъ Тайнаго Совѣта. Надѣюсь, что мнѣ позволено будетъ окончить мой разсказъ воспоминаніемъ лестнаго для меня обстоятельства, по случаю производства меня въ это послѣднее званіе. Король потребовалъ отъ Талейрана, чтобы онъ, въ качествѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, представилъ ему списокъ особъ, которые составили бы Его Тайный Совѣтъ. Прочитавши этотъ списокъ Лудовикъ XVIII сказалъ: «Но Г. Талейранъ, я не «вижу здѣсь именъ двухъ нашихъ добрыхъ друзей—Буріенна и Алексѣя де Нуаля (Nouailles). «Государь! я полагалъ, что наименованіе Членами Вашего Совѣта будетъ для нихъ лестнѣе, «если они получатъ его прямо отъ Вашего Величества»—Тогда Король прибавилъ въ спи-

(*) Я отправлялъ должность Государственнаго Совѣтника до 1818, когда было издано повелѣніе, назвавшее должность эту несовмѣстною съ званіемъ Государственнаго Министра.

скѣ мое и потомъ имя Графа Алексѣя де Нуалля, такъ, что имена наши на подлинномъ повелѣніи написаны рукою Лудовика XVIII. — Этимъ оканчивается мое повѣствованіе о необыкновенныхъ и часто странныхъ произшествіяхъ, корыхъ я былъ зрителемъ и дѣйствователемъ на пути чудесно оживленномъ и отъ которыхъ осталось мнѣ одно лишь воспоминаніе.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

И

ОБЪЯСНЕНІЯ.

ТРАКТАТЪ ВЪ ФОНТЕНЕБЛО.

Статья 1. «Его Величество Императоръ Наполеонъ отказывается, за себя и своихъ наслѣдниковъ и потомковъ, равно и за каждаго изъ членовъ своего дома, отъ всякаго права на господствованіе и власть какъ надъ Французскою Имперіею и Италіянскимъ Королевствомъ, такъ и надъ всякою другою страною.

Статья 2. «Ихъ Величества Императоръ Наполеонъ и Императрица Марія Луиза сохраняютъ титла и достоинства свои пожизненно; мать, братья, сестры, племянники и племянницы Императора удерживаютъ равномѣрно, гдѣ бы ни находились, титулъ Принцевъ его дома.

Статья 3. «Островъ Эльбы, избранный Императоромъ Наполеономъ мѣстомъ своего пребыванія дѣлается, на всю жизнь его, Отдѣльною областью, находящеюся подъ его полною властію и составляющею его полную собственность. Кромѣ того дано будетъ Императору Наполеону 2 милліона франковъ годоваго дохода, заключающихся въ процентахъ съ кредитнаго установленія, называемаго *le grand livre de France*; изъ нихъ 1 милліонъ поступаетъ въ пользу Императрицы.

Статья 4. «Всѣ Державы обязуются, оказывать покровительство къ обезопасенію отъ Варварійцевъ флота и предѣловъ острова Эльбы, и къ сравненію съ Франціею сего острова въ сношеніяхъ его съ Варварійцами.

Статья 5. «Герцогства Пармское, Піаченское и Гвастальское отдаются въ полное владѣніе и собственность

Императрицы Маріи Луизы, а отъ Нея переходятъ къ сыну ея и потомкамъ въ прямой линіи. Принцъ, ея сынъ, приметъ титулъ Принца Пармскаго, Піаченскаго и Гвастальскаго.

Статья 6. Въ земляхъ, отъ которыхъ отказывается Императоръ Наполеонъ за себя и свое семейство, удерживаются владѣнія, или отчисляется доходъ съ кредитнаго установленія le grand livre de France, составляющій чистой и отъ всѣхъ повинностей свободной прибыли въ годъ 2 милліона 500 т. франковъ. Эти владѣнія или этотъ доходъ будутъ состоять въ полной собственности и свободномъ распоряженіи Принцевъ и Принцессъ Императорскаго дома и раздѣлятся такимъ образомъ, что доходъ каждаго будетъ находиться въ слѣдующей соразмѣрности: Матери Императора предоставляется 300 т. франковъ, Королю Іосифу и Королевѣ 500 т. франковъ, Королевѣ Гортензіи и ея дитяти 400 т. Королю Іерониму и Королевѣ 500 т. франковъ, Принцессѣ Элизѣ 300 т. франковъ, Принцессѣ Паулинѣ 300 т. франковъ. Принцы и Принцессы Императорскаго дома сохраняютъ всѣ свои имѣнія движимыя и не движимыя, какого бы рода они ни были, принадлежащія имъ, какъ частнымъ лицамъ, и особливо доходы, которыми пользуются они, равномѣрно какъ частныя лица, съ кредитнаго установленія *le grand livre de France*, или съ Миланскаго Банка—Наполеонъ (le Mont — Napoleón de Milan).

Статья 7. «Годовое содержаніе Императрицы Іозефины ограничивается однимъ милліономъ франковъ, выручаемыхъ изъ владѣній и изъ доходовъ кредитнаго установленія *le grand livre de France*. Она по прежнему пользуется правомъ полной собственности въ движимомъ и не движимомъ имуществѣ, и можетъ владѣть имъ на основаніи Французскихъ законовъ.

Статья 8. «Принцу Евгенію, Вице-Королю Италіи, будетъ дана приличная оседлость внѣ Франціи.

Статья 9. «Имущества, принадлежащія Императору Наполеону и въ качествѣ экстра-ординарныхъ владѣній и въ качествѣ частной собственности, остаются въ пользу короны. Отъ суммъ, положенныхъ Императоромъ Наполеономъ или въ кредитное установленіе *le grand livre de France*, или во Французскій банкъ, или въ заведеніе лѣсныхъ акцій, или употребленныхъ въ другой какой-либо оборотъ, остаалетття капиталъ, не превышающій 2 милліоновъ франковъ, на жалованье лицамъ, имѣющимъ быть внесенными въ списокъ, который будетъ подписанъ Наполеономъ; каковая сумма вручится Французскому Правительстау.

Статья 10. «Всѣ брилліанты короны останутся во Франціи.

Статья 11. «Императоръ Неполеонъ пополнитъ казну и другія общественныя хранилища суммами и вещами, вынутыми по его повелѣнію, исключая штатной суммы на содержаніе двора.

Статья 12. «Долги двора Его Величества Императора Наполеона, въ томъ количествѣ, въ какомъ находятся при подписаніи сего трактата, будутъ непосредственно уплачены по счетамъ, подписаннымъ нарочно для сего постановленнымъ Коммисіонеромъ, изъ недоимочныхъ суммъ слѣдующихъ отъ казны на содержаніе двора.

Статья 13. «Облигаціи Миланскаго Банка-Наполеонъ имѣютъ обязательную сумму въ отношеніи ко всѣмъ кредиторамъ—Французамъ и иностранцамъ безъ всякой по сему перемѣны.

Статья 14. «Необходимыя охранныя письма будутъ выданы для свободнаго путешествія Его Величества Императора Наполеона, Императрицы, Принцевъ и Принцессъ и особъ ихъ свиты, которыя пожелаютъ сопровождать ихъ; равномѣрно какъ и для провоза экипажей, лошадей и богажа имъ принадлежащихъ:—Союзныя Державы дадутъ въ слѣдствіе сего Офицеровъ и людей для сопроаожденія.

Статья 15. «Императорская Французская гвардія составитъ отрядъ отъ 1200 до 1500 человѣкъ, изъ всякаго оружія, для сопровожденія Его Величества до Сентъ-Тропеца, мѣста, гдѣ назначено сѣсть на корабль.

Статья 16. «Вооруженный Корветъ съ необходимымъ числомъ судовъ, будетъ снаряженъ для препровожденія Его Величества Императора Наполеона и двора его въ назначенное мѣсто. Корветъ остается въ полной собственности Его Величества.

Статья 17. «Его Величество Императоръ возметъ съ собою и удержитъ при себѣ въ качествѣ гвардіи 400 человѣкъ, изъ желающихъ Офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ.

Статья 18. «Французы, которые послѣдуютъ за Его Величествомъ Императоромъ, обязаны, подъ опасеніемъ лишенія гражданства во Франціи, возвратиться въ отечество въ теченіе трехъ лѣтъ, если только они не будутъ употреблены въ должности, которыя Французское Правительство имѣетъ право назначать по истеченіи того срока.

Статья 19. «Польскія войска всякаго оружія, находящіяся во Французской службѣ, свободны возвратиться на родину, взявъ съ собою оружіе и богажъ, какъ знаки ихъ славныхъ заслугъ; Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты сохраняютъ жалованные имъ ордена и съ ними соединенные пенсіоны.

Статья 20. «Высокія Союзныя Державы ручаются за исполненіе всѣхъ статей сего трактата, обязуясь согласить Францію къ признанію и принятію оныхъ.

Статья 21. «Сей Трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи будутъ обмѣнены въ Парижѣ въ продолженіе двухъ дней, и ранѣе, если возможно.

«Заключенъ въ Парижѣ 11 Апрѣля 1814.

Подписали:

«Мы приняли вышеозначенный Трактатъ во всѣхъ и всякой изъ его статей, объявляемъ сю

принятымъ и ратификованнымъ, и обѣщаемъ не измѣнное по немъ исполненіе. Въ увѣреніе чего выдаемъ сіе за подписаніемъ и приложеніемъ нашей Императорской печати. — Фонтенебло 12 Апрѣля 1814.

«НАПОЛЕОНЪ.

«Министръ Государственный Секретарь,

«ГЕРЦОГЪ БАССАНО.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТОЙ и ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I.

Вельможи Имперіи.—Люди Франціи и люди Наполеона. —Дѣти Имперіи. — Важное различіе.— Уподобленіе армейскихъ съ гражданскими. — Мои желанія и мое содѣйствіе. — Бурбоны незнакомы новому поколѣнію. —Желаніе перемѣны. — Совѣтъ регентства.—Вліяніе Императорской воли. — Слова значительнаго члена Совѣта.— Записка Камбасереса. — Отъѣздъ и возвращеніе Г. Талейрана.— Мое посѣщеніе Г. Талейрану и Савари тридцатаго Марта.— Преданность Савари. —Мармонъ и Мортье принуждены отступить къ Парижу. — Парижъ пробуждается отъ пушечныхъ выстрѣловъ.— Іосифъ, полномочіе договариваться и побѣгъ.—Вечеръ тридцатаго Марта.—Засѣданіе у Мармона.— Желаніе капитуляціи.—Вліяніе Гг. Перрего и Лафитта.— Торжество любви къ отечеству.—Императорскій Адъютантъ.—Мои замѣчанія одобрены. . . 1

ГЛАВА II.

Франція спасена капитуляціею Парижа.—Невозможность защищаться.—Мирныя побѣды и сохраненные памятники.—Г. Блакасъ и Г. Ферранъ.—Благородное поведеніе Мармона.—Императоръ въ Эссонѣ и скорое возвращеніе въ Фонтенебло.— Полковникъ Фабвіе и и Полковникъ Денисъ.— Преданность Савари.—Два префекта.— Капитуляція Парижа.—Надежды, причиною которыхъ отсутствіе Австрійскаго Императора.

Стр.

—Утро тридцать перваго Марта—Разодранные платки и выдуманныя кокарды.—Роялистская скачка.—Гг. Состенъ де ла Рошфуко, Графъ Фроассаръ, Герцогъ Люксамбургскій, Герцогъ Крюссольскій, Сеймуръ и другіе.—Депутація къ Александру. — Шатобріанъ и его книжка. — Засѣданіе у Г. Морфонтена. —Бѣлый шарфъ.—Вступленіе союзниковъ.—Несклонность Франціи къ Наполеону.—Александръ у Г. Талейрана. — Присутствіе мое на всѣхъ собраніяхъ. — Что мнѣ сказалъ Русскій Императоръ.—Разсужденіе о томъ, какое дать правленіе Франціи. — Роялизмъ Аббата Прадта — Рѣшительныя слова Г. Талейрана. —Объявленіе Александра.—Вѣрное возвращеніе Бурбоновъ.— Прокламація Александра.—Скорость объявленія.—Назначеніе меня въ главное управленіе почтъ. 21

ГЛАВА III.

Самая важная вещь получена отъ Александра.—Погрѣшность, какую сдѣлалъ Наполеонъ, удаливъ Императрицу изъ Парижа.— Основаніе и составъ Временнаго Правительства. — Снисхожденіе Сената. — Аббатъ Прадтъ въ почетномъ легіонѣ. — Увеличеніе числа приверженцевъ къ Бурбонамъ.—Ложное мнѣніе о поведеніи Австрійскаго Императора, и моя въ этомъ отношеніи увѣренность. — Югъ Франціи обнаруживаетъ себя за Бурбоновъ. — Порученіе данное Наполеономъ Коленкуру.— Подробности этого порученія. —Коленкуру предшествуетъ градское Начальство.— Слова Александра депутаціи и Наполеонову посланному.—Свиданіе въ Парижѣ.— Полномочіе Коленкура.— Прибытіе Александра Сенатской депутаціи.— Неудовольствіе, причиняемое присутствіемъ Коленкура въ Парижѣ, и приказаніе выѣхать. — Нерѣшимость Г. Талейрана между Бонапарте и Бурбонами.—Возвращеніе Коленкура въ Фонтенебло. 44

Стр.

ГЛАВА IV.

Положеніе Наполеона во время Парижскихъ происшествій — Бонапарте въ Троа тридцатаго Марта.—Десять миль въ два часа.—Прибытіе въ Санъ. — Императоръ въ тележкѣ.—Наполеонъ въ Фроадманто.—Генералъ Беллiаръ и первыя извѣстія о Парижскомъ сраженіи.— Карты и цвѣтныя булавки.—Коленкуръ посланъ въ Парижъ.—Скорый отъѣздъ въ Фонтенебло.— Бонапарте запирается на цѣлый день въ своемъ кабинетѣ.—Мармонъ призванъ въ Фонтенебло.—Подробности, доставленныя Императору.—Планы нападенія на Парижъ и мысль отступить за Лоаръ.—Дурной успѣхъ Коленкурова посольства.— Прибытіе головъ колоннъ въ Фонтенебло.—Рѣчь Императора гвардіи.— Наполеонъ утверждаетъ о своемъ желаніи мира. — Бѣлая кокарда и преданность гвардіи.— Благородное поведеніе Генераловъ въ арміи. — Ослабленіе умственныхъ способностей Наполеона.— Что мнѣ сказалъ Маршалъ Лефебръ о Наполеонѣ. 54

ГЛАВА V.

Объявленный Сенатомъ актъ о лишеніи правъ. — Адресъ Временнаго Правительства къ Французской арміи.— Письмо мое къ Мармонту.—Генералъ Дессоль на сторонѣ Бурбоновъ.—Посольство Монтессюи въ Эссону. —Согласіе мыслей моихъ съ мыслями Дессоля. — Пробужденныя воспоминанія объ отечествѣ.— Переписка у Мармона съ Шварценбергомъ.—Какъ странно Маршалъ Макдональдъ узнаетъ о занятіи Парижа.— Приписка Бутье.— Опасенія на счетъ столицы Герцога Тарантскаго. —Макдональдъ въ Фонтенебло. —Горячій разговоръ съ Императоромъ.—Отчаянныя намѣренія Наполеона.—Письмо Бернонвиля, и дѣйствіе, произведенное Парижскими извѣстіями.—Пер-

Стр.

вое отреченіе подъ условіемъ учрежденія регенства.— Ограничивательныя выраженія.—Мечты Бонапарте.— Ложная радость отъ невѣрнаго донесенія.— Наполеонъ хочетъ взять обратно свой актъ отреченія.— Отказъ Маршаловъ. — Макдональдъ, Ней и Коленкуръ Императорскіе коммисары.—Макдональда отзываютъ. —Наполеонъ признается, въ чемъ виноватъ. — Императорскіе коммисары въ Эссонѣ. — Что мнѣ сказалъ о Мармонтѣ Князь Шварценбергъ. 64

ГЛАВА VI.

Первыя мои занятія въ главномъ управленіи почтъ.— Назначеніе мое утверждено Временнымъ Правительствомъ.—Задержанныя письма и объявленіе публикѣ. —Неожиданное полученіе 300000 франковъ — Посланный ночью нарочный.—Меня призываютъ къ Г. Талейрану.—Прибытіе Наполеоновыхъ Коммисаровъ.— Опасенія нѣкоторыхъ лицъ. — Старанія мои, чтобы ихъ успокоить.— Слова Г. Талейрана Маршаламъ.— Лудовикъ XVIII.—Выходъ Маршаловъ отъ Императора Александра. — Жаркая сцена и привѣтствіе Макдональда —Бернонвиль и Дюпонъ.— Подробности засѣданія Маршаловъ у Императора Александра. —Вліяніе Дессоля — Отговорка Императора Александра.—Совѣтуются съ Королемъ Прусскимъ.— Маршалы у Нея. — Мармонтовъ Адъютантъ и извѣстія изъ Эссоны.—Отбытіе войскъ въ отсутствіи Маршала. —Отчаяніе и мужество Мармонта.— Его присутствіе въ Версали и вліяніе словъ его — Новыя безпокойства Временнаго Правленія.—Возвращеніе Мармонта. —Бѣлая и трехцвѣтная кокарда.— Торжество хитрости.—Дурной совѣтъ торжествуетъ. 86

ГЛАВА VII.

Наполеонъ одинъ въ Фонтенебло, и Маршалы въ Па-

Стр.

рижъ.—Воззваніе къ арміи. — Онъ обвиняетъ Мармонта.—Странная похвала Сенату отъ Наполеона.—Три правительства во Франціи. — Марія Луиза въ Блоа. — Адресъ регентши къ Французскому народу. —Письмо Графа Монталивета. — Числа и рука.—Марія Луиза посылаетъ Герцога Кадорскаго къ Австрійскому Императору.—Регентство въ Блоа и послѣднія его дѣйствія.—Г. Монталиветъ пишетъ второе письмо къ префектамъ. — Прибытіе Герцога Кадорскаго въ главную квартиру Австрійскаго Императора.—Пріемъ, сдѣланный Францомъ II посланнику Маріи Луизы. — Увѣренія Императора въ дружбѣ къ Наполеону. — Отсутствіе Меттерниха.—Г. Стадіонъ при Императорѣ и ненависть его къ Наполеону. —Дурной успѣхъ посольства Герцога Кадорскаго.—Дружба Меттерниха къ Наполеону. — Возвращеніе Герцога Кадорскаго къ Маріи Луизѣ.—Отъѣздъ Императрицы въ Орлеанъ 107

ГЛАВА VIII.

Первое время вступленія моего въ должность Главнаго Директора Почтъ.—Посѣщеніе Блюхера.—Воспоминаніе о Гамбургѣ.—Долгій разговоръ.— Блюхеръ въ кабинетѣ Наполеона въ Сенъ-Клу. — Мой домъ въ Сенъ-Клу освобожденъ отъ постоя.— Мое представленіе Прусскому Королю.—Представленіе Бертье.—Прусскій Король упрекаетъ Кларка, предъ нами.—Пріѣздъ Бернадота въ Парижъ.—Дружба его ко мнѣ не измѣнилась.—Долгій разговоръ съ Королемъ Правителемъ Швеціи —Мнѣніе Бернадота о Моро.—Воспоминанія о Бернадотѣ и Наполеонѣ — Заблужденіе въ разсужденіи ихъ и противуположное счастіе. —Отверженіе Титула: Князь де Понтекорво.—Гнѣвъ Наполеона.—Конференція Императора съ Шампаньи. —Слѣдствіе увѣдомленія. 124

Стр.

ГЛАВА IX.

Возвращеніе Императорскихъ коммисаровъ къ Александру. —Присутствіе мое у Талейрана.— Вторая конференція Александра съ Маршалами.— Присутствіе Короля Прусскаго. — Неизмѣнное опредѣленіе союзниковъ.— Перемиріе на двадцать четыре часа. — Вѣжливость, оказанная Александромъ Макдональду, отвѣтъ Маршала. — Фонтенебло въ рукахъ союзныхъ войскъ.— Дружба Александра къ Наполеону.— Отъѣздъ Александра, и Поццо-ди-Борго. — Послѣдній смотръ войскамъ, сдѣланный Наполеономъ, до его прощанія.— Маршалы въ Фонтенебло и необходимость прямаго и яснаго отреченія.—Довѣренность Императора къ Макдональду.—Возвращеніе въ Парижъ и присоединеніе Нея. — Макдональдъ возвращается въ Фонтенебло одинъ. — Необыкновенное положеніе Императора.— Намѣреніе отправиться и сомнѣнія въ разсужденіи этаго.—Глубокая задумчивость Бонапарте. — Любопытный разговоръ Императора съ Маршалами. — Сабля Мурадъ-Бея и благородная награда.— Послѣднее прощаніе.— Прямое и ясное отреченіе Наполеона. — Благородное присоединеніе Макдональда. — Странное сближеніе чиселъ. 140

ГЛАВА X.

Противуположныя чувствованія мои, произведенныя паденіемъ Наполеона. — Человѣкъ и система правленія. —Глубокій предметъ.— Деньги сбереженные Наполеономъ Государственному Казначейству. — Сокровища Европы въ Тюльери. — Безполезное скопленіе ихъ и мертвые капиталы.—Ошибочная Финансовая система. —Общее мнѣніе о хранимыхъ деньгахъ. — Мое неодобреніе приговора, изданнаго Временнымъ Правленіемъ. — Порицаніе и подражаніе поступкамъ Наполеона. — Правосудное постановленіе Временнаго

Стр.

Правленія.— Измѣненіе системы воспитанія дѣтей и возвращеніе ихъ семействамъ. — Политическое и моральное дѣйствіе.—Назначеніе въ Лицей.—Похищеніе дѣтей и разлученіе братьевъ.— Спокойствіе Парижа. —Служба національной гвардіи. — Моя оставленная шпага.— Мои занятія почтовыми дѣлами.— Преодолѣнныя затрудненія и Указъ Императора Александра. 153

ГЛАВА XI.

Молебствіе на площади Лудовика XV. — Замѣчательное безмолвіе. — Иностранные мундиры — Церемонія истинно Французская. — Воспоминаніе и надежда.— Вшествіе Графа д'Артуа— Письмо Монтескю, отвезенное Рошфуко. — Принцъ у Г-жи Дамасъ.— Временное Правленіе и муниципальный совѣтъ представляются Принцу.— Рѣчь Талейрана и однимъ Французомъ болѣе.—Мое мѣсто на булеварѣ, и старый кавалеръ Св. Лудовика.—Пѣсня: vive Henri IV —Шествіе Принца.—Шатобріанъ и могущество брошурки. — Направленіе умовъ. — Александръ въ Элизе— Бурбонъ. — Пріѣздъ Австрійскаго Императора. — Дурное расположеніе Парижанъ.—Природное сужденіе народа. — Повтореніе церемоніи 31-го Марта.— Притворное спокойствіе Императрицы. — Марія Луиза въ Рамбулье. — Посѣщеніе, сдѣланное Императорами Маріи Луизѣ.— Отъѣздъ Маріи Луизы въ Вѣну. 162

ГЛАВА XII.

Послѣднія заграничныя происшествія.—Италія и Евгеній. —Договоръ, заключенный Евгеніемъ съ Маршаломъ Беллегардомъ.—Прощаніе Евгенія съ войсками Французскими и отказъ проводить ихъ во Францію.—Заблужденія Евгенія. — Посредникъ, неудачно выбранный.—Раздраженіе Италіянцевъ и смерть Министра.

Digitized by Google

Стр.

—Войска Французскія принуждены остаться въ Миланѣ. — Генералъ Грене и прокламація его.—Паденіе желѣзной короны. — Сила времени.— Рапп въ Данцигѣ.—Заключенная, но неутвержденная капитуляція.—Рапп плѣнникомъ въ Кіевѣ.—Даву не вѣрятъ происшествіямъ Парижскимъ.—Выстрѣлы по бѣлому знамю. — Распоряженія Полиціи о разстрѣливаніи. —Радость жителей Гамбурга и ненависть къ мести. —Генералъ Жераръ въ Гамбургѣ.—Отправленіе Даву и Генерала Гогендорфа. — Окончательное освобожденіе Гамбурга. 373

ГЛАВА XIII.

Слово о порученіи Мобреля.— Пріѣздъ союзныхъ Коммисаровъ въ Фонтенебло.— Предпочтеніе, оказанное Полковнику Камбелю. — Презрѣніе къ Прусскому Коммисару — Назначеніе дороги и требованіе перемѣнить ее. — Замѣчательныя сближенія.—Союзники соглашаются на требованіе Императора. — Отказъ ѣхать, и слова Бонапарте, сказанныя Генералу Колеру. —Часы Бертрана и воля Императора. — Прощаніе въ Фонтенебло и отъѣздъ.—Первые дни въ дорогѣ и восклицанія: да здравствуетъ Императоръ.—Похвала Наполеонова Веллингтону.— Проѣздъ чрезъ Ліонъ — Встрѣча съ Ожеро.—Грубость и оскорбленіе.—Первыя бѣлыя кокарды. — Крики оскорбительные для Наполеона.— Мятежъ передъ Авиньономъ.— Посредничество Коммисаровъ.— Простой народъ въ Орговѣ, и Бонапарте повѣшенъ въ изображеніи. — Тотъ же миръ и тѣже люди. — Необходимыя ругательства и признательность.—Бонапарте переодѣтый курьеромъ. —Гостинница въ Каладѣ.—Тоже состояніе Императора, какъ и въ Фонтенебло.—Опасеніе быть отравленнымъ.—Чрезвычайная любезность. — Пріѣздъ въ Э, и таинственная особа. — Отвращеніе Наполеона

Стр.

къ величію.—Принцесса Паулина.—Отъѣздъ на островъ Эльбу. 385

ГЛАВА XIV.

Могущество времени.—Бонапарте и Лудовикъ XVIII.—Переписка Гартвеля съ Временнымъ Правленіемъ.—Пріемъ, сдѣланный Лудовику XVIII въ Лондонѣ.—Прибытіе Короля въ Кале.—Письмо Герцога де Дюрасъ.—Услуга почты.—Лудовикъ XVIII въ Камніенѣ.—Бертье говоритъ отъ имени Маршаловъ.—Представленіе мое Королю въ Сентъ-Уенѣ.—Слова исполненныя милости.—Благодарность Царская и отставленіе меня отъ службы безъ увѣдомленія.—Декларація изъ Сентъ-Уеня. — Въѣздъ Лудовика XVIII въ Парижъ, и статуя Генриха IV.—Холодность народа.—Образованіе Министерства.—Отъѣздъ Талейрана. . . 209

ГЛАВА XV.

Удивительная неспособность. — Очевидные признаки возмущенія.—Свиданіе на Пломбьерскихъ водахъ и отказъ Евгенія ѣхать туда.—Пожалованъ мнѣ Офицерскій крестъ Почетнаго Легіона.—Причина, побудившая меня отказаться отъ него.— Странности двора и не возможность предлагать ему хорошіе совѣты.—Посѣщеніе одного друга и первые признаки пагубнаго приключенія.—Другое посѣщеніе и страхъ увеличивается. — Ужасъ одного добросердечнаго Роялиста.—Различія мнѣній и хорошая дружба.—Открытія Карла Бедойера. — Равномѣрность трехъ сообщеній. —Невозможность видѣться съ де Блакасомъ. — Аббатъ Флёрьель.—Письмо безъ отвѣта. — Неучтивость и неспособность.—Генералъ Бартьеръ и де Блакасъ. —Занятія Министра.—Посредничество Талейрана. — Потерянное время и мнѣнія не принесшія никакой

Стр.

пользы.—Встрѣча съ Аббатомъ Флёрьелемъ въ дворцѣ Тюльерійскомъ. 219

ГЛАВА XVI.

Приближеніе двадцатаго Марта и мои приготовленія къ отъѣзду.—Отправленіе изъ Тюльерійскаго дворца нарочнаго тринадцатаго Марта.—Г. Гю вводитъ меня къ Лудовику XVIII.—Достопамятныя слова Короля.—Назначеніе меня префектомъ Полиціи.— Мое изгнаніе въ Люнѣ.—Совѣтъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ.—Странное невѣдѣніе нѣкоторыхъ совѣтниковъ Короля.—Слова солдатъ.—Добрый человѣкъ и маленькій капралъ.— Разсужденіе о дорогѣ Короля.—Я предсказываю прибытіе Бонапарте.— Собственноручный списокъ двадцати пяти изгнанниковъ.—Настояніе Короля о взятіи подъ стражу Фуше.— Услуги Г. Фудраса —Фуше неудержанъ.—Даву изгнанникъ и оставленъ въ покоѣ.—Продолжительный разговоръ съ Блакасомъ.—Безполезность арестовъ.—Довѣренность Короля ко мнѣ. — Переписка Бонапарте съ жителемъ Гренобля.—Перехваченное письмо и потеря времени.—Явныя доказательства заговора.— Ничто не сдѣлано и что надлежало бы предпринять. — Какъ могъ заговоръ быть уничтоженъ — Царедворцы смягчены несчастіемъ.—Тяжкія и невознаградимыя ошибки.—Настоящія причины революціи двадцатаго Марта. . 234

ГЛАВА XVII.

Намѣренія Наполеона на островѣ Эльбѣ.—Явныя сношенія съ Мюратомъ. — Желаніе Мюрата войти во Францію.—Сверженіе съ престола рѣшено.—Колебаніе Австріи.—Сугубое сумазбродство и сугубая измѣна. — Подлинные акты обширнаго плана, составленнаго Бонапартомъ. — Италія независима и Наполеонъ въ Миланѣ.—Операціонная линія на пяти стахъ миляхъ.

Стр.

—Наполеонъ въ Вѣнѣ.—Исчезнувшая мечта и опрометчивость Мюрата.—Трудности моего положенія въ Парижѣ.—Желаніе выѣхать и обязанность оставаться.— Мѣры, принятыя мною для сохраненія спокойствія.—Отсрочка казни Дотюня.—Отъѣздъ Короля.— Мой отъѣздъ.—Странное приключеніе на станціи въ Фенѣ—Опасенія основательныя и вскорѣ уничтоженныя.— Услуга Почтмейстера.—Оказанная и награжденная справедливость. — Пріѣздъ мой въ Лиль.— Лудовикъ XVIII, ожидающій часъ у заставы Лиля. —Уныніе Бертье, раздѣляемое Королемъ.—Истина, принятая за ласкательство. — Обѣщаніе префектуры Полиціи. — Необходимость Короля удалиться изъ Франціи.—Его сожалѣнія — Прежнее назначеніе и новое вступленіе въ должность.— Письмо Талейрана. —Мой отъѣздъ въ Гамбургъ — Герцогъ Беррійскій въ Брисселѣ. 257

ГЛАВА XVIII.

Удаленіе Г-жи Буріеннъ въ деревню —Посѣщеніе двадцатаго Марта повѣреннаго важной особы.—Парижскія новости.—Увѣренія въ благосклонности ко мнѣ Бонапарте.—Прибытіе Наполеона ночью. — Посѣщеніе Генерала Бертона, посланнаго Коленкуромъ — Обѣщаніе прощанія и забвенія.—Воспоминаніе прежнихъ преслѣдованій.—Письмо Наполеона обо мнѣ.— Объясненіе загадки. — Старинная связь съ Генераломъ Дризеномъ въ Гамбургѣ. — Рыцарская приверженность Дризена къ Королю.—Проэктъ прокламаціи.— Услужливость и нескромность.—Позднія свѣденія.— Частная аудіенція Лудовика XVIII. — Король читаетъ письмо Наполеона; отвѣтъ его Генералу Дризену. — Возвращеніе Г-жи Буріеннъ въ Парижъ.— Новое благосклонное посланіе и исполненіе Ліонскаго декрета.— Опечатаніе моего кабинета и конфискованіе.—Неудача обыщиковъ. — Безчиніе и безполезность обыска Полиціи.—Преслѣдуемыя женщины —

Стр.

Г-жа Сталь и Г-жа Рекамье. — Императоръ и Король несовершеннолѣтній.— Поясненіе ложныхъ свѣденій.—Картина Парижа во время ста дней.—Республиканцы и патріотическія пѣсни.— Тщетное объявленіе Бонапарте о Королѣ Римскомъ и Маріи-Луизѣ. —Расположенія уполномоченныхъ въ Вѣнѣ. — Объявленіе двадцатаго Мая.— Исторія этого объявленія. —Талейранъ и Г. Лабрадоръ. 273

ГЛАВА XIX.

Оффиціальная переписка.— Письмо Тлейрана и подробности о внутреннемъ состояніи Франціи.— Извѣстія о Королѣ.—Второе письмо Талейрана о распоряженіи союзныхъ Державъ. — Третье письмо Талейрана и свѣденія о Вѣнѣ.—Письмо Жокура.— Франція при Королѣ и Бонапарте. — Предписанія Министрамъ Короля при иностранныхъ дворахъ — Извѣстія изъ Франціи — Всеобщій журналъ Бертеня старшаго.— Переписка Маркиза Боннея.—Вопросы о двадцатомъ Марта.—Письма со штемпелемъ орла. — Дезожье и несправедливое предубѣжденіе.— Намѣренія Пруссіи распространить свои предѣлы на счетъ Франціи.— Посланный отъ Фуше въ Вѣну.—Странныя условія. —Мнѣніе Боннея о Блакасѣ. — Ослѣпленіе Короля на счетъ своего Министра.— Хорошія и дурныя качества Блакаса.—Самонадѣяніе, упорство въ мнѣніи и страсть къ исключеннымъ мѣрамъ. — Погрѣшности Герцога Беррійскаго.— Похвала Г. де ла Ферроне. —Протестъ Кергорлея.—Приказъ Карно и уваженіе въ тайнѣ писемъ. — Новыя извлеченія изъ писемъ Боннея.— Предполагаемое увольненіе Блакаса. . . 296

ГЛАВА XX.

Продолженіе переписки.— Герцогъ Орлеанскій. — Г-жа Жанлисъ.—Бенъо.—Д'андре.—Англе.—Мортье.—Фуше.—Лалли—Толендаль и Шатобріанъ.— Лудовикъ XVIII и его придворные.—Швейцарія.— Вандейцы,

Стр.

Герцогъ Бурбонскій и ла Рошъ-Жакелень. — Еще Беньо.—Баронъ Лун.— Характеръ Брюжа.—Нѣчто о смерти Бертье.—Нація и войско.—Герцогиня Ангулемская въ Вандеѣ.—Майское поле. — Бернадотъ и Мюратъ.—Слухи о Конгрессѣ. — Беневентское Княжество.—Принцъ Евгеній. — Эрцъ-Герцогиня Марія Луиза.—Бернадотъ, Король Франціи.—О запрещеніи въѣзжать въ Парижъ, сдѣланномъ Мюрату Бонапартомъ; предводители народной партіи; произвольныя мѣры.— Стужа Сѣвера; Бонапарте въ латахъ.— Присоединеніе Турціи къ общему союзу. —Г. Ривіеръ.— Веллингтонъ; Принцъ Оранскій; Герцогъ Брауншвейгскій.— Свѣденія, доставленныя Веллингтону о силахъ Французской арміи.—Г. Сталь.—Двѣ партіи во Франціи; республика и Бенжаменъ-Констанъ; Герцогъ Орлеанскій.—Дипломатическія награжденія.— Поццо-ди-Борго.—Ватерло.—Бюллетени.—Г. Сезъ. — Нѣчто о смерти ла Рошъ-Жакеленя.—Алостская армія.—Порожняя чаша.—Г. Алексисъ Ноель.— Г. Рожеръ де Дамасъ.—Посольство.— Паденіе Наполеона. — Камбрейская прокламація.—Предвѣщаніе Буріенна.—Еще Г. Беньо.—Паскье, Барантъ, Гизо.— Іенскій мостъ. —Твердость Лудовика XVIII. 321

ГЛАВА XXI.

Предсказаніе, которое исполнилось.—Я уѣзжаю изъ Гамбурга. — Король въ Сентъ-Дени. — Необыкновенное скопленіе народа.—Удивленіе моего семейства.— Фуше, Министръ Короля и мое изумленіе.—Прекрасное восклицаніе Шатобріана.—Фуше желаетъ имѣть свое возстановленіе.—Замедленіе прибытія Короля въ Парижъ.— Слѣдствіе сего замедленія.— Нерасположеніе Короля къ Фуше.—Онъ обязанъ своимъ назначеніемъ Веллингтону. — Мнѣ невозможно принять Префектуру Полиціи. — Насмѣшка Фуше надъ Бурбонами.— Замѣчательная приписка.— Удивительное несходство. —Характеръ и желанія Фуше.— Его эгоизмъ.— Несправедливость увѣреній Фуше, доказанная пріемомъ,

Стр.

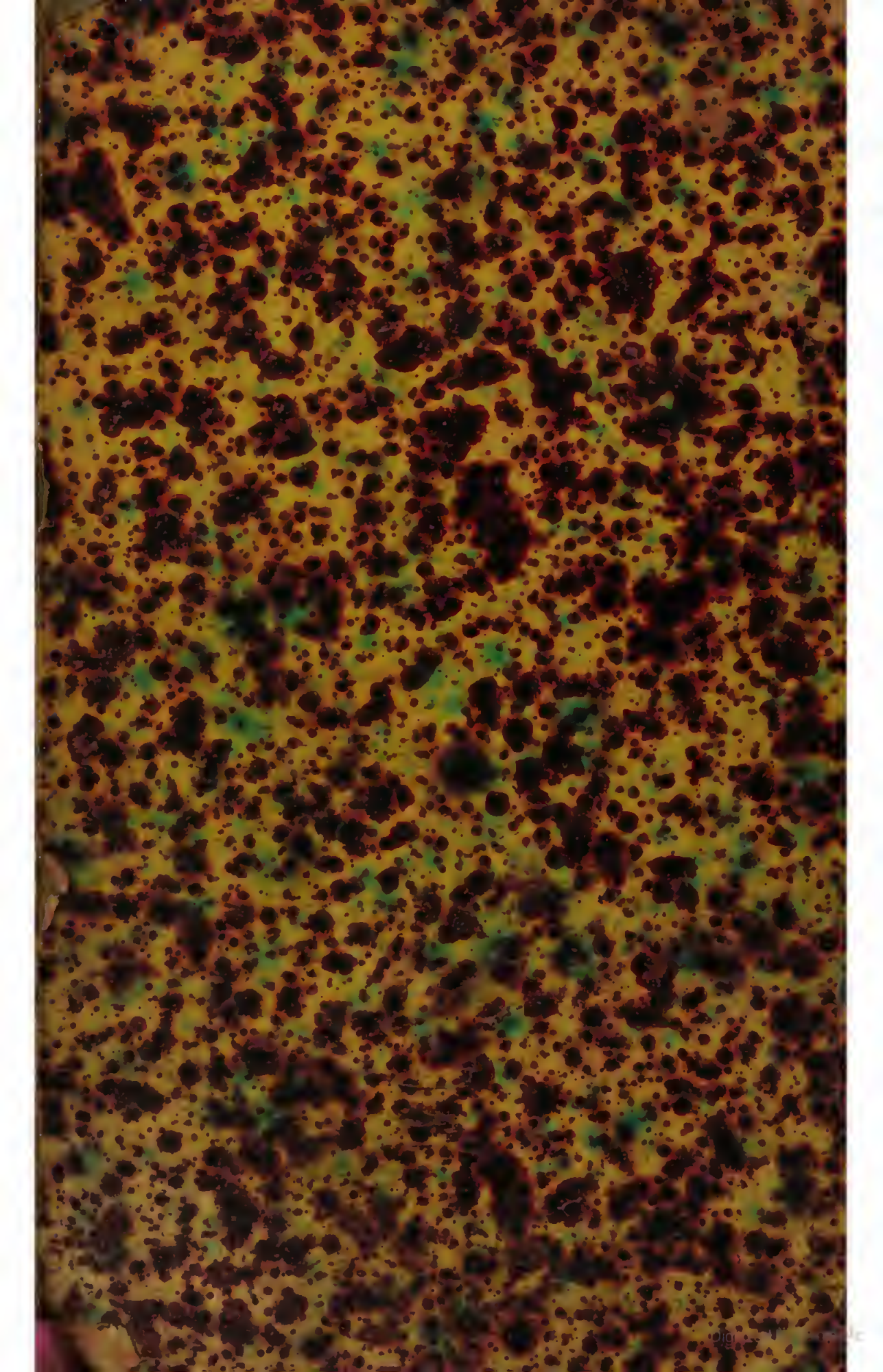
сдѣланнымъ Королю въ Парижъ.—Споры о бѣлой и трехъцвѣтной кокардахъ.— Объявленіе Начальниковъ Легіоновъ Національной Гвардіи.—Массена въ С. Денисѣ.—Хорошая политика и непростительное снисхожденіе.—Фуше не допускаетъ изъявленій народной радости.— Составъ новаго Министерства.—Гг. Ришелье и ла Бульери.—Я оставляю политическое поприще.— Утѣшеніе недовольныхъ.—Исполненіе намѣреній иностранцевъ.—Вниманіе Блюхера и приставленный караулъ.—Англичане въ Сенъ-Клу.— Благодарственныя посѣщенія.— Блюхеръ въ кабинетѣ Наполеона.—Непрочность всего мірскаго.— Мой плѣнникъ дѣлается моимъ покровителемъ. 348

ГЛАВА XXII.

Брачный контрактъ моей дочери и строгость этикета.— Производство мое въ Предсѣдатели избирательной Іонской Коллегіи.—Приказаніе видѣться съ Фуше и мое нерасположеніе.— Пріемъ въ саду.— Невольное молчаніе.—Мнѣніе Фуше о правленіи Короля.— Его глубокая ненависть къ Бурбонамъ.—Невѣроятный разговоръ Королевскаго Министра.—Сознаніе ошибокъ 1814, и возраженіе.—Необходимость времени для политическихъ перемѣнъ.— Вынужденное объясненіе и дерзкій отвѣтъ.—Священная обязанность и аудіенція у Короля.—Фуше скоро лишенъ милости.—Слова Бонапарте о Фуше.—Карно обманутый Наполеономъ.— Я избранъ депутатомъ.—Избраніе Г. Рандота и твердость духа.—Возвращеніе мое въ Парижъ и сожалѣніе о Нею.— Прекрасный характеръ Макдональда и Неаполитанскій Король. — Встрѣча съ Раппомъ.— Неожиданная прогулка въ Булонскомъ лѣсу.— Вѣрность Раппа въ 1815.—Его свиданіе съ Наполеономъ. —Наполеонъ одинъ въ дорогѣ.—Мудрость и уступчивость Раппа.—Герцогъ Беррійскій и Раппъ.—Анекдотъ.—Производство мое въ Государственные Министры.—Мое имя, написанное рукою Лудовика XVIII. —Заключеніе. 366

REGIONE LAZIO · ASSESSORATO CULTURA · BIBLIOTECA ALESSANDRINA
RL 628886
1234448

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google